

MERLIN

BOOK 1

THE LOST YEARS

T. A. BARRON

Мерлин. Книга первая: «Потерянные годы»

(ранее печатавшаяся как «Потерянные годы Мерилна»)

Автор: Т. А. Barron (1996).

Перевод: Mihail Gok.

Редакция: Екатерина Старцева.

Перевод сделан в некоммерческих целях...

наверное.

Сайт: mihailgok.ru

Благодарности от переводчика:

Этому славному пирату: MastermindTTA

И вот этим стильным ребятам: vk.com/svidcan

SvidPress

2018

(Фрагмент)

«Рискни, трус — закричал голос во мне, — ты должен рискнуть!»

Почти немедленно другой голос ответил:

«Даже не думай! В прошлый раз ты ослепил себя. А в этот можешь остановить своё сердце! Нет!»

— Покажи мне! — потребовал гоблин. Даже через сгустившийся туман, я видел, как напряглись его мускулы. Подняв свой меч, он нацелил его на шею Рии.

Вдруг странный, дикий ветер зашатал ветви старого Вяза, стоящего в центре роци. Скрип древесины нарастал до крика. Когда гоблин посмотрел вверх, дерево уже освободилось от корней и стремительно падало. Ему хватило времени только на то, чтобы закричать в агонии; ствол рухнул прямо на его голову.

Я добежал до Галатора, что упал на землю, и накинул его на шею. Другой рукой схватил меч и направился к остальным членам банды. Один из Гоблинов, будучи сильнее любого человека, отбросил меня обратно к упавшему дереву.

Он отклонился назад, чтобы добить... но внезапно замер. На лице его застыла гримаса полная ужаса — ужаса, который я видел раньше лишь однажды, у Дитуса, когда пламя поглотило его.

Я обернулся и тоже замер. Меч выпал из моей руки. Из густого тумана выходил, клацая челюстями, огромный белый паук.

Эта книга посвящается Патриции Ли Гауч.
Верному другу, страстному писателю и ответ-
ственному редактору.
Особая благодарность Бэну, который выгля-
дит и кричит как сокол, в свои 4.

Предисловие

Я знаю не очень многое о волшебниках, но в одном уверен: они полны сюрпризов. Когда, на рассвете двадцать первого века, я закончил писать «Эффект Мерлина» — роман, который следует за тонкой нитью легенды об Артуре, времен древних Жрецов, я понял: эта нить связала меня так сильно, что сопротивляться невозможно. Когда я пытался вырваться — она стягивалась ещё сильнее. Раскручивал — закручивалась снова. Этой нитью оказался сам Мерлин. Он, этот таинственный и очаровательный парень, волшебник, путешествующий во времени, бросающий вызов даже Тройственной Смерти¹, способный отыскать Святой Грааль всего лишь с помощью духов рек и деревьев. Я очень хотел узнать его поближе.

Современные ученые доказали, что миф о Мерлине мог иметь корни в реальной исторической личности — Друиде-пророке, жившем где-то в Уэльсе в шестом веке нашей эры.

¹ В оригинале: Threefold Death (пер.)

Но это вопрос для исторических дебатов. Не важно, существовал ли Мерлин в действительности, он безусловно существует в нашем воображении. Там он продолжает жить и преуспевать. Волшебник рад любым гостям по любому поводу. И пока я хочу использовать воображение, а не историю, дверь мага всегда широко открыта для всех желающих.

Итак, перед тем как я успел возразить что либо, Мерлин уже составил на меня планы. Остальные книги и проекты были отложены. Тогда началось время открытия другого аспекта его жизни, глубоко личного для такого волшебника, как он. Я догадывался, что (как и в других жизненных ситуациях) каждый раз узнавая новый факт о Мерлине, я буду понимать, как мало могу узнать о нём на самом деле. Было очевидно с самого начала, что даже скромные вложения усилий в столь известного обитателя мифов, — это уже большой вызов. Но оказалось, что это также колоссальная мотивация. Да и Мерлин был настойчив.

А дальше последовал первый сюрприз от

волшебника. Я погрузился в исторические рассказы про мага и обнаружил необъяснимый пробел в его биографии. Молодость Мерлина — решающее время в становлении личности, которое, вероятно, может пролить свет на тень его происхождения, черты характера и масштаб возможностей, — упоминалась лишь вскользь, если упоминалось вообще. Где он впервые вкусил горя? Где нашел радость? Когда приобрел частичку-другую мудрости? — эти вопросы остались без ответов.

Большинство исторических рассказчиков шло по тому же пути, что и Томас Мэлори, совершенно игнорируя молодость Мерлина. Некоторые истории рассказывали о его рождении, измученной матери, неизвестном отце и раннем взрослении. (В одной из повестей он свободно общался с матерью, когда ему был всего год). Дальше мы ничего не слышим о нём до тех пор, пока, значительно повзрослевший, он не находит решение загадки с драконами для вероломного Короля Вортигерна. Между этими событиями промежуток в несколько лет. Возможно, как некоторые

предполагают, он в одиночестве бродил по лесам все эти годы, оставаясь вне легенд. Или, можно предположить... просто предположить, что... он отправлялся куда-то ещё.

Небольшие рассказы о детстве Мерлина резко контрастирует со стеллажами фолиантов о его последующих годах жизни. Будучи уже взрослым, он принимал множество (иногда противоречивых) форм, его описывали как пророка, мага, лесного безумца, шарлатана, жреца и барда. Он появлялся в нескольких ранних мифах Кельтских Британцев (некоторые из них такие древние, что их происхождение казалось туманным и тысячу лет назад, когда в Великобритании только появились великие Уэльские легенды). Присутствует волшебник и в Спенсоровской «Сказочной Королеве» и в Ариостовом «Орландо Неистовом». Он давал советы молодому королю в Малориевской «Смерти Артура», создавал Стоунхендж в поэме Роберта Борона двенадцатого века «Мерлин», изрёк множество пророчеств в повести Джофри Монмонса «История королей Британии».

Позже некоторые писатели, такие как Шекспир, Теннисон, Томас Харди, Т. Х. Вайт, Мэри Стюарт, Клайв Льюис, Николай Толстой и Джон Стейнбэк, проводили время с этой увлекательной личностью, как и многие другие люди с разных уголков земли. Но, за редким исключением, таким как Мэри Стюарт, мало кто рассматривал его детство.

Таким образом, годы юности Мерлина остаются таинственной загадкой. Нас оставили без удивительных историй о его ранней борьбе, страхах и стремлениях. Какими были его мечты? Его страсти? Как он обнаружил свои необычайные способности? Как смирился с трагедиями и утратами? Как он узнал о своей темной сущности и принял ли её? Когда он впервые изучил духовные работы жрецов и древних Греков? Как преодолел стремление к могуществу и ужас последствий от злоупотребления им? И наконец, как он стал волшебником и наставником короля Артура — личности, популярной до сих пор? На эти вопросы не найти ответов в исторических рассказах. Даже слова, приписанные са-

тому Мерлину, не проливают свет на эту загадку. Создается впечатление, что он решительно избегал разговоров о своем прошлом. Поэтому большинство людей имеют поверхностное представление о Мерлине, как о старике, сидящем рядом с юным Артуром и туманно размышляющем об ушедших годах своей молодости. Или жалующимся на скоротечность жизни и слабую память о прошлом.

Но моё мнение заключается в том, что во времена «потерянных лет» волшебник исчез не только из мира рассказов и песен. Скорее я верю, что он исчез... из мира, который мы знаем. Эта история, состоящая из нескольких томов должна сократить разрыв в биографии Мерлина. Она начнётся с маленького мальчика без имени и памяти о прошлом, выброшенного на берег Уэльса. А закончится, когда тот же мальчик, нашедший и потерявший многое, уже будет готов занять центральную роль в легенде о короле Артуре.

За этот период многое случится. Он обретёт свой дар ясновиденья, но дорого заплатит за него. Начнёт говорить с животными, дере-

вьями, реками. Найдёт настоящий Стоунхендж, намного более древний, чем круг камней на Солсберийской равнине, строительство которого присваивают ему. Но сначала он, конечно, узнает значение слова Стоунхенж (Танец Гигантов) на языке друидов. Юный Мерлин откроет первую кристаллическую пещеру. Отправится в путешествие на затерянный остров Финкейра (на галльском: Финддтур), известный в кельтской мифологии, как остров, покрытый волнами, мост между землёй, населённой людьми и миром духов. Он столкнётся с некоторыми личностями, известными в древних рассказах, включая великого Дагду, злого Рита Гора, печальную Элен, загадочного Домну, мудрого Нейпера и животворящую Рию. Также он встретит менее популярных обитателей мифов, таких как Шим, Стангмар, Тилен, Гарлация и Великая Эльза. Маг узнает, что, чтобы увидеть всё, нужно нечто большее, чем просто зоркий глаз. Что истинная мудрость сочетает в себе множество противоречий: веру и сомнение, женское начало и мужское, свет и

тзму. Поймет, что настоящая любовь смешивает радость и горе. И что самое важное, он получит своё имя: Мерлин.

Немного слов благодарности Корре, моей жене и лучшему другу, так славно оберегающему моё уединение; нашим детям: Денали, Бруксу, Бэну, Росс и Ларкину, за их неисчерпаемое чувство юмора и тягу к прекрасному. Патриции Ли Гауч за её непоколебимую веру в силу честной истории, Виктории Эпорд и Патриции Ванека за их бесценную помощь, Синти Круз-Ют за её глубокие познания в мифологии; и тем, кто вдохновлял меня на этом пути, особенно Модлен Л`Энгл, Дороти Маркинко и М. Джерри Уэсу; всем бардам, рассказчикам и поэтам, которые столько веков вкладывали свой труд в истории о Мерлине; И конечно, самому неуловимому волшебнику.

Идите за мной, и Мерлин раскроет нам тайну своих потерянных лет. В этом путешествии вы очевидцы, я — летописец, а Мерлин — наш проводник. Призываю вас быть осто-

рожными, ведь волшебники, как вы знаете,
полны сюрпризов.

Т.А.В.

Создал взмахом руки
Ветер, воду, холмы земли;
Дал всему завершенье.
Кто услышит сказанье,
Но начну я с рожденья
Мерлина и его становленья.
С королевства родного
И бед времени тóго,
Что случались и в Англии.

— из баллады 13-ого века.

Пролог

Если я закрою глаза и переведу дыхание в ритм морских волн, мне всё-таки удастся вспомнить этот давно ушедший день. Суровый, холодный и безжизненный. В нём было также мало надежды, как воздуха в моих лёгких.

Много дней прошло с тех пор, больше, чем у меня хватило бы сил посчитать. Но то был яркий день, такой же яркий, как сам Галатор, как день, когда я обрёл своё имя или как день, когда я впервые убаюкивал дитя, имя которому Артур. Возможно он так памятен мне из-за боли, боли от шрама на душе, который никогда не затянется. Или потому, что этот день подводил итог многому. Или, возможно потому, что он обозначил начало: начало потерянных мною лет.

Тёмная волна выросла над разбушевавшимся морем, и из неё поднялась рука. Вместе с волной она поднималась к небу, призрачная, словно дым, тянулась так высоко, как только могла. Браслет из пены обвился

вокруг запястья, когда скрюченные в агонии пальцы безуспешно искали что-то. Это была рука кого-то маленького. Рука кого-то слабого, слишком слабого, чтобы продолжать бороться.

Рука мальчика.

Со страшным гулом волна наклонилась, медленно приближаясь к берегу. На мгновение она остановилась, замерев между океаном и землёй, между задумчивой Атлантикой и опасным, обросшим смертоносными скалами берегом Уэльса, известного в то время, как Гвинед. С предсмертным рёвом она наконец опрокинулась, швырнув слабое тело мальчика на чёрные скалы.

Его голова сильно ударилась о камень, так, что череп несомненно бы раскололся, если бы не толстый слой густых волос. Он лежал без движения, пока поднимались волны и свирепел ветер, взъерошивающий волосы, измазанные кровью.

Потрёпанная чайка, увидев беззащитное неподвижное тело между скал, спикировала по кратчайшему пути. Направив свой клюв

на лицо мальчика, она схватилась за водоросли, обвившиеся вокруг его уха. Птица тянула и дёргала, недовольно крича.

Наконец водоросли отцепились. Чайка самодовольно прыгнула на оголённую руку. Небольшое тело семилетнего ребёнка всё ещё было прикрыто остатками старой рубахи, изорвавшейся от ударов волн. Но что-то в лице — может, форма бровей или морщинки вокруг глаз — делало его старше своих лет.

Он кашлянул, выплёвывая солёную воду. Чайка с криком отпрыгнула и перелетела на соседний каменный выступ.

Мальчик некоторое время оставался неподвижен. Всё, что он мог чувствовать — вкус песка вперемешку со слизью и рвотой. Всё, что занимало его сознание — пульсирующая боль в голове и маленькие наконечники скал, врезающиеся в спину.

Он снова закашлял солёной водой. Тяжёлый порывистый вдох. Второй, третий. Медленно его тощая рука сжалась в кулак. Волны вокруг вздымались и рушились одна за другой. Долгое время пламя его жизни колыха-

лось, едва не сдаваясь тьме. За пульсирующей болью сознание казалось ему неестественно пустым, таким же пустым, как эта тьма. Как будто он потерял самого себя. Или кто-то отобрал у него всё, кроме старого страха.

Дыхание мальчика замедлилось, кулак разжался. Он снова набрал воздуха, чтобы откашляться, но внутри было пусто.

Чайка осторожно приблизилась.

Внезапно тёплый поток энергии разлился по его телу. Что-то внутри ещё не готово было умереть. Он снова пошевелился, снова сделал вдох.

Чайка замерла.

Он открыл глаза. Дрожа от холода, повернулся набок. Чувствуя во рту зернистый песок, попытался сплюнуть, но ему помешало обилие солёных водорослей. С тяжёлым трудом он поднял руку и очистил свой рот обрывком рубахи. Затем вздрогнул, почувствовав содранный с затылка кусок кожи. Преодолевая себя, мальчик опёрся локтем на скалу и поднялся.

Он сидел и слушал дыхание воды, шипение

пены. Сквозь непрерывный грохот бьющихся о скалы волн, сквозь пульсирующую боль в голове, ему казалось, что он слышит что-то ещё, — возможно, чей-то голос. Голос из другого времени, иного места, владельца которого он не мог вспомнить здесь и сейчас.

Внезапно он понял, что не может вспомнить вообще ничего! Откуда он. Лицо матери. Отца. Имя. Своё собственное имя! Как сильно он ни старался, вспомнить не удавалось. Вспомнить своё собственное имя...

«Кто я?»

Его стон спугнул чайку: она крикнула и улетела.

Он застыл, увидев отражение в лужице воды. Странное лицо принадлежало ребёнку, которого он совсем не знал. Чёрные как уголь глаза и волосы имели лишь небольшие светлые пятна. Уши, треугольные и заострённые, были непропорционально большими по сравнению с остальными частями головы, как и лоб, высоко поднявшийся над глазами. Нос был маленьким и узким, больше похожим на клюв. Он не узнавал себя.

Мальчик собрался с силами и встал на ноги. Голова закружилась, и он снова упал, прекратив попытки, пока боль не утихла. Его глаза блуждали по пустынному побережью. Скалы, скалы были рассыпаны всюду, создавая твёрдый барьер морским волнам. Они не хотя расступались лишь в одном месте — вокруг корней старого дуба. Его серая кора местами потрескалась (старое дерево противостояло океану на протяжении нескольких веков). На ней имелись глубокие раны, оставленные огнём много лет назад. Время испытывало дуб каждый день, заставляя его ствол виться, а кору трескаться. Но пока дерево стояло, и корни цеплялись за камень, выдерживая удары волн и ветра. Благодаря ему сзади росла роща деревьев, на фоне которой скалы казались совсем безжизненными.

Мальчик отчаянно искал знакомые места, которые могли бы пробудить его память. Но ничего не узнавал.

Он повернулся, не обращая внимания на солёные брызги, к открытому морю. Волны поднимались и разбивались о скалы одна за

другой, одна за другой. Ничего, кроме серых волн, поднимающихся из-за горизонта.

Тогда он решил снова прислушаться к таинственному голосу, но слышал только далёкие крики чаек, отражавшиеся от скал.

Откуда он? С другого берега этого моря? Мальчик потёр руки, чтобы унять дрожь и поднял комок водорослей, лежавший рядом. Когда-то, он был уверен, эта бесформенная зелёная масса танцевала в своём собственном ритме, пока её не выдрало и не выбросило на берег морское течение, как и его самого. Теперь она висит на его руке. «Почему же я оказался тут?» Низкий стонущий звук проник в его ухо. Снова этот голос! Он шёл со стороны скал за старым дубом.

Он наклонился по направлению крика и впервые почувствовал острую боль между лопаток. До этого она была далёкой, словно от очень старой раны. Мальчик мог только предполагать, что его спина, как и голова, была искалечена ударом о скалы.

После нескольких тяжёлых шагов он добрался до старого дерева и опёрся на его

большой ствол; сердце выскакивало из груди. Но снова прозвучал стон. Снова он поднялся.

Оголённые ноги мальчика скользили по скалам, усложняя подъём. Пока он спотыкался, его разорванная рубаха качалась в ногах, как хвост неуклюжей прибрежной птицы, прокладывающей свой путь вдоль берега. Почему-то именно сейчас мальчик понял, кто же он: одинокий ребёнок без имени и дома.

Но взобравшись, он увидел её. Среди камней в воде, оставленной приливом, лежало тело женщины. У неё было красивое лицо, прекрасные длинные волосы цвета весенней луны, обрамлявшие голову, словно лучи света, широкие скулы и кожа кремового цвета. Длинная, местами порвавшаяся роба была обвита водорослями и засыпана песком. Качество ткани, как и цветной кулон на обнажённой шее, говорили о том, что эта женщина принадлежала к кругу богатых и статусных людей.

Он подошёл ближе. Она застонала снова, стоном неугасающей, суровой боли. Мальчик чувствовал её отчаянье в смешении со своей

восставшей надеждой. «Знаю ли я её?» — спросил себя он, когда приблизился к женщине. И снова, с большей надеждой: «Знает ли она меня?»

Указательным пальцем он тронул её щеку, холодную, как зимнее море. Несколько секунд он наблюдал, как она тяжело дышит. Слушал тихие вздохи-стоны. Он понял, что она такая же странная, как и он.

Чем больше он изучал её, тем меньше сопротивлялся надежде на то, что они попали сюда вместе. Если не с одного корабля, то, по крайней мере, с одного берега. Возможно, если она выживет, то сможет заполнить пустоту в его памяти. Может она знает его имя? Или даже имена его отца и матери... или... она и есть его мама.

Холодная волна ударила его по ногам. Вместе с ней вернулись страхи, а надежды начали таять. Она скорее всего умрёт, а если нет, эта женщина не знает его. И уж точно она не его мама. Это было бы слишком хорошо. Кроме того, они не были похожи: она была красивой даже на грани смерти, прекрасной как

ангел. Он видел своё отражение, знал внешность мальчика, больше похожего на измазанного чертёнка, чем на ангела.

Вдруг позади послышался жуткий рёв. Мальчик повернулся. Его зубы сжались. В тени рощи стоял невероятно большой дикий вепрь. Низкое, злое рычание вырывалось из его пасти. Животное вышло из тени деревьев. Ощетинившаяся коричневая шерсть покрывала всё его тело, за исключением глаз и серого шрама, оставленного чьими-то зубами, на левой передней лапе. Его клыки, острые как ножи, были покрыты кровью предыдущей жертвы. Но наиболее пугающими были красные глаза, светившиеся как раскаленные угли.

Вепрь, не смотря на своё громадное тело, двигался плавно, даже легко. Мальчик сделал шаг назад. Зверь превосходил его в размерах в несколько раз. Один удар ноги животного мог лишить его жизни. Один взмах клыков разрезал бы плоть на лоскуты. Зверь замер, готовясь к броску.

Мальчик обернулся и увидел позади только

прибывающие морские волны. Бежать некуда. Он поднял усохшую кору дерева, чтобы использовать её как оружие, хоть и понимал, что она не пробьет шкуру зверя. Но ребёнок попытался опереться ногой о скользкие камни, готовясь принять удар.

Затем мальчик вспомнил. Грот у старого дуба! Дерево стояло ровно на полпути до вепря, но он должен был успеть первым.

Он хотел уже было бежать к дереву, но остановился. Женщина. Нельзя просто бросить её здесь. Шанс на спасение зависел от скорости, но... Он бросил кору и потянул женщину за скользкие руки. Напрягая дрожащие ноги, он попытался поднять её, но то ли из-за веса воды в легких, то ли из-за тяжести смерти, нависшей над ней, женщина была неподъёмной, как скалы. Наконец, чувствуя яростный взгляд вепря на своей спине, он всё-таки смог поднять её.

Мальчик продвигался к дереву. Острые камни впивались в его ступни. Сердце бешено стучало, в голове всё пульсировало от напряжения, но он тащил изо всех сил.

Вепрь зарычал снова, на этот раз будто смеясь. Всё тело зверя напряглось, ноздри раздулись, клыки блеснули. И он бросился.

Мальчику оставалось всего несколько шагов до дерева, но мысль остановила его. Он поднял с земли угловатый камень и кинул в вепря. За мгновение до столкновения зверь увернулся. Снаряд пролетел мимо и звонко ударился о землю.

Удивившись возможности отпугнуть животное, мальчик быстро нагнулся в поисках ещё одного камня. Но, почувствовав движение за своей спиной, обернулся.

Из зарослей за древним дубом выбежал огромный олень. Он был бронзового цвета, помимо щиколоток и прекрасных рогов, которые светились, как белый кварц. Семь ответвлений рогов с каждой стороны выглядели как копья, готовые с лёгкостью пронзить тушу вепря. Однако последний снова уклониться от удара.

Каждый раз, когда вепрь уклонялся и пронзительно рычал, олень нападал снова. Воспользовавшись моментом, мальчик дотащил

раненую женщину до грота под деревом. Сложив её ноги на тело, он смог протащить его в углубление. Давно обгоревшее дерево накрыло женщину своими корнями, как огромная чёрная ракушка. Мальчик же протиснулся в небольшое пространство рядом с незнакомкой, пока вепрь и олень ходили по кругу, наблюдая друг за другом и злобно скалясь.

Сверкнув глазами, вепрь бросился на оленя, но вдруг резко свернул в сторону дуба. Мальчик, слегка высунувшийся из грота, скользнул обратно. Но его лицо осталось слишком близко ко входу, он почувствовал дыхание вепря, когда зверь вгрызся клыками в ствол дерева. Один из них задел лицо ребенка, оцарапав его и оставив шрам рядом с глазом.

Олень вонзил свои рога в брюхо вепря. Огромный зверь подлетел в воздух и рухнул набок, истекая кровью. Затем, ели удерживая равновесие, он поднялся.

Олень нагнул голову, приготовившись к новой атаке. Застыв в сомнении на несколько секунд, вепрь зарычал ещё раз и скрылся в

роще деревьев.

С величественной грациозностью рогатый зверь повернулся к ребёнку. На мгновение их глаза встретились. Каким-то образом в тот момент мальчик понял, что лучше всего запомнит в этот день именно непостижимую глубину карих глаз оленя, таких же таинственных и безграничных, как сам океан.

Затем зверь перепрыгнул переплетающиеся корни старого дуба и скрылся из виду так же быстро, как появился.

Часть Первая

1: Живой глаз

Я стою один, среди звёзд.

Всё небо озарено светом, как если бы сейчас рождалось новое солнце. Люди кричат и разбегаются, но я стою здесь без возможности шелохнуться или вздохнуть. Затем я вижу дерево, чернее тени, на фоне пылающего неба. Эти жгучие терзания, подобные терзаниям корчащейся в предсмертной агонии змеи, они достигают меня. Обжигающая боль приближается. Я пытаюсь бежать, но ноги будто обратились в камни. Моё лицо горит! Я закрываю глаза. Кричу.

Моё лицо! Моё лицо горит!

Я проснулся. Пот застилает мне глаза, а солома с подстилки жалит щёки и лоб.

Зажмурившись, я жадно глотаю воздух и закрываю лицо холодными ладонями.

Потянувшись, я снова чувствую боль меж лопаток. Опять! Мне хочется, чтобы она покинула меня. Почему рана всё ещё беспокоит меня, когда прошло уже более пяти лет с того момента, как меня выбросило на берег в этих

местах? Кроме того, рана моей памяти тоже не затянулась, я ничего не помню о своей жизни до того, как оказался на скалах. Почему выздоровление не приходит? Я подумал и пожал плечами: мне никогда не узнать этого, как и многого другого.

Я начал убирать солому обратно в подстилку, но нащупал пальцами муравья, несущего что-то, превышающее его собственную массу в несколько раз, и наблюдал, почти смеясь, как насекомое пытается взобраться на маленькую горку из соломин. Он мог бы легко обойти её справа или слева, но нет. Какой-то таинственный мотив побуждал его пытаться, съезжать, снова пытаться и снова съезжать, раз за разом. Несколько минут я смотрел, как он проделывает это снова и снова.

Наконец я сжалился над маленьким другом. Хотел было взять его за ногу, но понял, что, возможно, она оторвётся, особенно если он будет сопротивляться. Тогда я поднял личинку, которую он тащил. Как я и предполагал, он отчаянно уцепился за неё. Я перенес муравья и его добычу через соломенную гору

и опустил на другом её конце. К моему удивлению, когда я отпустил личинку, это сделал и муравей. Насекомое повернулось ко мне, раздражённо шевеля усами. Было очевидно, что на меня ругаются.

— Мои извинения, — прошептал я сквозь улыбку.

Муравей побранился ещё немного, а затем повернулся к личинке и продолжил тащить этот тяжелый груз дальше, в свой дом.

Улыбка исчезла с моего лица. А где мне найти свой дом? Я перетащу свою соломенную постель, всю хижину, если понадобится, если только узнаю куда идти.

Повернувшись к открытому окну, я увидел полную луну, светящую ярко, словно диск из чистого серебра. Лунный свет проникал в хижину через окно и щели в соломенной крыше, освещая комнату мерцающими полосками света. На мгновение свет почти сокрыл нищету комнаты, покрыв её пол из земли слоем серебра, грубые глиняные стены — бриллиантами света, очертания спящего в углу человека — сиянием ангела.

Я знал, что это просто иллюзия, не более реальная, чем мой недавний сон. Пол всё ещё грязный, кровать соломенная, а дом — просто хижина, сделанная из сплетённых прутьев соломой. Да загон для гусей, стоящий по соседству, сделан с большей заботой! Я скрывался там временами, и крики с шипением гусей звучали в эти времена в моем мире чаще, чем голоса людей. Всё потому, что в загоне было теплее, чем в моей хижине в феврале и суше в мае. Даже если я не заслуживал лучшего отношения к себе, чем гуси, никто не мог заявить, что его не заслуживала и Бранвен.

Я смотрел, как она спала. Её дыхание, такое нежное, что едва приподнимало шерстяное одеяло, казалось мирным. Увы, я знал, что это не правда. Спокойствие, посещающее её ночью, совсем уходило днём.

Не просыпаясь, она повернулась ко мне лицом. В лунном свете Бранвен выглядела даже красивее, чем обычно, особенно её кремовая кожа щёк и расслабленные брови, которые были такими только сейчас, во время сна или всё чаще повторяющейся молитвы.

Я пригляделся к ней. Если бы только Бранвен захотела поговорить. Рассказать всё, что она знает. Но она уходила от разговоров, даже если знала что-либо о нашем прошлом. Я не мог понять, по какой причине она молчит об этом.

За те пять лет, что мы прожили в этой хижине, я немного узнал её. Но прикосновение руки и огонёк сожаления в её глазах всё также вводили меня в заблуждение. Я знал лишь то, что Бранвен не моя мама, хоть она и убеждала в обратном.

Но откуда я мог быть уверен, что она врёт? Просто в глубине души я знал. Бранвен была слишком таинственной и скрытной. Несомненно, мама, настоящая мама, не была бы так холодна к собственному сыну. А если требовались ещё аргументы, я мог просто посмотреть на её лицо. Такое красивое и отличное от моего. Нет, я был не больше похож на её сына, чем гусь на моего брата.

Также я не верил, что её зовут Бранвен, а меня Эмрис, как она пыталась мне втолковать. Какие бы имена мы не носили до того,

как море выбросило нас на скалы, откуда-то я знал, что они другие. Каждый раз, когда она называла меня Эмрисом, я чувствовал, что это фальшивка. Но истину искать было негде, разве что в своих туманных снах.

Единственное время, когда Бранвен — если её действительно так звали — могла приподнять передо мной завесу тьмы, это когда она рассказывала разные истории. Наверное, она и не замечала, но огни в её глазах начинали сверкать ярче, когда она говорила о титанах и богах, о монстрах и приключениях в древней Греции.

Обычно она выбирала истории о друидах-целителях или о таинственных путниках из Галлии. Но мифы о греческих богах и богинях зажигали особенные огоньки в её глазах. Временами я чувствовал, что эти истории — способ погрузиться в места, которые она будто действительно помнила, где странные существа бродят всюду, и великие духи живут среди людей. Эта идея казалась мне глупой, чего не скажешь о Бранвен.

Неожиданная вспышка света на её шее от-

влекла меня от мыслей. Это был лишь лучик, отражённый от драгоценного кулона, хоть он и светился зелёным насыщенней, чем обычно. Я понял, что ни разу не видел её без украшения, никогда. Что-то зашевелилось в грязи позади меня. Я обернулся и увидел пучок сухих тонких листьев, казавшихся серебряными в лунном свете. Он свалился с крыши, и на его месте теперь сиял луч света. Ведь потолок состоял не только из соломы, его дополняли листья, цветы, корни, орехи, куски коры и семена. Всё это — коллекция Бранвен. Ингредиенты были всюду: у окна, напротив двери и на столе, рядом с кроватью хозяйки. Во всей хижине стоял запах корней бука, семян горчицы и много чего ещё. Я любил эти ароматы, все, кроме укропа, из-за которого хотелось чихать. Кора кедра (моя любимая) поднимала на высоту гигантов, листья лаванды приятно пощипывали нос, а морская водоросль напоминала о чём-то забытом и таинственном.

Все эти ингредиенты Бранвен использовала, чтобы делать лечебные порошки, мази и компрессы.

Её стол изобиловал множеством различных мисок, ножей, ступок с пестиками, сит и другой посуды. Часто я наблюдал, как она крошит листья, смешивает порошки, измельчает растения или мажет лекарство на чью-то рану или бородавку. Но знал я о знахарстве Бранвен так же мало, как и о ней самой. Когда я наблюдал, она предпочитала работать, напевая разные мотивы, ничего не объясняя и не рассказывая.

Где она обучилась искусству лечения? Откуда знает столько историй из разных мест и времён? Где впервые столкнулась с учением одного Галлийца, которое полностью заняло её мысли? Бранвен не говорила.

Но не один я был раздосадован её молчанием. Много раз деревенские шептались за спиной, изумлённые её красотой и незнакомыми мотивами песен. Я даже слышал клевету о колдовстве и чёрной магии, произнесённую пару раз, но это не мешало людям приходить к ней, когда им нужна была мазь от нарыва, отвар от кашля или заговор от кошмаров.

Сама Бранвен не беспокоилась о слухах.

Пока люди платили ей за помощь, они могли продолжать делать что хотят, её не заботило, что они подумают или скажут.

Недавно она ухаживала за старым монахом, который поскользнулся на влажных камнях старой мельницы. Перевязывая его рану, Бранвен напевала христианские благословения, которые должны были порадовать его. Затем христианский напев плавно перешёл в песнь Друидов, после чего старик заворчал и предупредительно попросил не богохульствовать. Она спокойно объяснила, что сам Иисус был столь хорошим лекарем, что не исключено, что он мог родиться в королевстве друидов, то есть среди язычников. Сразу после этих слов монах гневно сорвал повязку и ушёл, хорошо хоть, что не стал кричать на всю деревню, что Бранвен черпает свои силы у демонов или подобную чепуху.

Я вернулся к кулону. Казалось, что он не просто отражает лунный свет, но добавляет ещё свой собственный. Впервые я заметил, что кристалл в центре не был просто зелёным, каким казался на расстоянии. Пододви-

нувшись ближе, я обнаружил ручейки, как бы струящиеся по его поверхности, и пульсирующие, как тысяча маленьких сердец, красные пятна. Камень напомнил мне живой глаз.

«Галатор» — это слово внезапно вспыхнуло у меня в голове. Его название — Галатор. Я озадаченно потряс головой. Откуда пришло это слово? Не могу вспомнить, чтобы слышал его раньше. Должно быть я узнал его на площади деревни, где множество диалектов — кельтский, саксонский, римский, галльский и многие другие — сталкиваются и смешиваются каждый день. Или возможно, в одной из историй Бранвен, которые она украшала словами Греков, Евреев, Друидов и других древних.

— Эмрис, — её шёпот так напугал меня, что я подпрыгнул. Мои глаза столкнулись с голубыми глазами женщины, что разделяла со мной кров и еду, но не более того.

— Ты проснулась.

— Да. А ты странно смотрел на меня.

— Не на тебя, — объяснил я, — на твоё украшение. И вдруг добавил:

— На Галатор.

Она ахнула и быстрым движением руки убрала украшение под робу.

Затем, стараясь сохранить спокойствие в голосе, сказала:

— Не помню, чтобы говорила тебе это слово.

Мои глаза расширились:

— Значит это верное название?

Она задумчиво посмотрела на меня, почти начала рассказывать, но остановилась, а затем ответила:

— Тебе следует спать, сын мой.

Я, как обычно, раздражённо ответил:

— Я не могу спать.

— Может рассказ поможет? Я могу закончить тот, про Аполлона.

— Нет, не сейчас.

— Тогда я могу сделать тебе снадобье.

— Нет, спасибо, — ответил я, отрицательно качая головой, — когда ты сделала его для сына учителя, тот спал почти четверо суток.

Она улыбнулась.

— Он выпил недельную дозу за раз, бедный глупышка.

— Сейчас всё равно уже рассвет.

Она подтянула своё грубое шерстяное одеяло:

— Что ж, если ты не хочешь спать, посплю я.

— Но перед этим расскажи пожалуйста больше об этом слове. Гал... — или как оно?...

Притворившись, что не слышит меня, она завернулась в свой привычный кокон тишины, подобно тому, как сделала это с одеялом, и снова закрыла глаза. Через секунду она уже спала с тем же спокойствием на лице, что и раньше.

— Не расскажешь? — Она не отвечала.

— Почему ты никогда не помогаешь мне? — Почти закричал я. — Мне нужна твоя помощь!

Её губы остались всё так же неподвижны. Она не реагировала.

Опечаленный, я смотрел на неё некоторое время. Затем скатился с поддона, который служил мне кроватью, встал и умылся водой из большой деревянной бочки, стоявшей рядом с дверью.

Снова взглянув на Бранвен, я почувствовал новый всплеск гнева. Почему она мне не от-

ветила? Почему не помогает? Но пока я смотрел на неё, во мне всё больше нарастало чувство вины, ведь я никогда не обращался к ней: «мама», хотя знал, как это порадовало бы её... но какая мама отказала бы в помощи сыну?

Я дёрнул за ручку двери. Оцарапав землю, она открылась, и я покинул хижину.

2: Явление совы

На западе потемнело небо вместе с опускающейся за горизонт луной. Серебристо-серые лучи покрывали густые облака над деревней Каер Ведвид. В тусклом свете её горбатые дома с соломенными крышами казались группой валунов. Недалеко слышалось блянье овец, и гуси, мои давние друзья, начали просыпаться. Кукушка дважды пропела из своего укрытия. Под покрытым росой дубом и ясенями свежий аромат колокольчиков смешался с запахом сырой соломы.

Был май, а в мае перед рассветом даже тоскливая деревушка может показаться прекрасной. Я снял репейник с рукава туники и прислушался к тихому возбуждению. Этот месяц восхищал меня, как ни один другой. Цветы поднимали свои лица к небу, рождались маленькие барашки, появлялись листья и почки. А мои мечты раскрывались вместе с бутонами цветов. Иногда в мае я забывал про сомнения и начинал верить, что однажды найду правду. Правду о том, кто я и откуда.

Если не Бранвен мне расскажет, то кто-то другой.

В мае всё кажется возможным. Ах, если бы я мог укротить время и сделать каждый месяц таким, как май. Или сумел бы перемещаться во времени так, что, когда май подходит к концу, я бы возвращался в начало и проживал его снова и снова.

Я закусил губу. В любом месяце эта деревня не будет моим любимым местом. Не будет моим домом. Я знал, что этот ранний час самый приятный на сегодня, а закончится он, когда лучи солнца озарят целиком дряхлые хижины и унылые лица. Как и большинство деревень этой однообразной густонаселённой страны, Каер Ведвид существовала только благодаря старой римской дороге. Наша дорога проходила вдоль берега реки Тайви, которая южнее впадала в море. Послужив однажды множеству римских солдат, теперь дорога служила в основном скитальцам и торговцам. Последние перевозили зерно вдоль реки, а ищущие добирались по этому пути к Церкви Святого Петра в городе Каер

Мирдин на юге, и ещё, как я хорошо запомнил, эта река выходила к морю.

Металл зазвенел в лавке кузнеца, стоящей под большим дубом. Я мог слышать топот лошади, скачущей мимо нашей деревни и звон её уздечки. Скоро люди соберутся под деревом на площади, где сходится почти вся деревня. И день не утихнет, пока звуки споров, лести и обмана наполняют воздух.

Пять лет в этом месте, но я не чувствую себя как дома. Почему? Возможно по той причине, что всё здесь, начиная от богов и заканчивая именами людей, постоянно меняется. Меняется быстро. Недавно здесь появились Саксы и уже начали называть Й Видфа, этот ледяной хребет, возвышающийся надо всей землёй, Сноухилл или Сноудон. Кроме того, люди теперь называют этот регион, давно известный как Гвинед, страной Уэльс. Но слово страна подразумевает единство, которого здесь не найти. Увидев множество путешественников и услышав разные диалекты, только те, что были распространены в этой деревне, я уже понимал, что привал для пут-

ников больше похож на страну, чем Уэльс.

Проследовав дальше по дороге, ведущей мимо мельницы, я увидел последние следы луны, скользившие по склонам Й Видффы. Звуки пробуждающейся деревни растворялись в звонких всплесках реки, которая утекала в каменный жёлоб мельницы. Где-то за ней квакнула лягушка, и её голос отразился от единственных кирпичных стен во всей деревне.

Вдруг спокойный голос во мне прошептал: «Сова приближается».

Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть квадратную голову и размашистые коричневые крылья, проносящиеся надо мной со скоростью ветра и тишиной смерти. Через пару секунд я уже лежал на траве рядом с мельницей. Скрюченные когти совы нависли над жизнью добычи.

Горностай на обед. Я ухмыльнулся тому, что каким-то образом знал, что сова приближается, и что её невидимая добыча — горностай. Откуда мне это известно? Без понятия. Просто известно и всё. И я предполагал, что

кто-нибудь наблюдательный, мог знать это так же точно, как и я.

Всё больше и больше я удивлялся. Иногда мне казалось, что я вперёд других понимаю, что произойдёт. Эта способность, если её можно так назвать, проявилась всего несколько недель назад, так что я ещё не научился с ней обращаться. И не рассказал о ней Бранвен или кому-нибудь ещё. Это мог быть всего лишь ряд удачных совпадений. Но по факту, эта способность была чем-то большим, по крайней мере она могла развлечь меня или даже стать закономерностью.

За день до этого я наблюдал за группой деревенских мальчишек, гоняющихся друг за другом с воображаемыми мечами. В какой-то момент я даже захотел поиграть с ними. Но главный из них, Дитус, заметил это и, быстрее чем я успел увернуться, набросился на меня. Я всегда не любил его, потому что этот мальчишка спустя несколько лет после смерти его матери всё ещё был чьим-то слугой. Он казался мне убогим, глупым и слабыхарактерным. Но я никогда не стремился обидеть его, не

столько из-за доброты, сколько из-за того, что он был много старше и больше любого другого мальчишки в деревне. Не единожды я видел, как его избивает кто-то сильнее, чем он, и так же часто я видел, как Дитус делает это с теми, кто слабее. Однажды он даже обжёг руку мальчишке, который усомнился, что его родители — римляне.

Все эти мысли пронеслись передо мной в день, когда мне пришлось отбиваться от Дитуса. Затем я случайно увидел чайку, летящую очень низко над нами и закричал: «Смотри! Подарок с небес!». Дитус повернулся как раз в тот момент, когда чайка выпустила свой «подарок», который упал точно на его глаз. Пока он ругался и пытался отчистить своё лицо, а остальные мальчишки смеялись, я успел сбежать.

Улыбаясь, я думал о вчерашнем видении. Впервые я смог применить свой талант... или это что-то большее, чем просто дар предсказания событий? Можно предположить... что... что я могу даже контролировать события. Делать так, чтобы что-то случилось. Не с помо-

щью рук, ног или голоса, но с помощью мыслей.

Удивительно! Возможно, это просто ещё одна майская мечта... Но вдруг это нечто большее? Я должен проверить.

Подойдя к каменному мосту, ведущему через реку, я сел на колено перед низким, ещё не раскрывшимся цветком. Сосредоточив свои мысли на нём, я отстранился от всего остального. Прохладный ветер, крики ягнят и другие шумы... всё исчезло.

Я увидел лавандовый цвет лепестков, свешивающийся с золотым светом солнца с востока. Крошечные волоски с капельками росы, украшающие край каждого лепестка и маленькую коричневую тлю, перемещающуюся по краям листьев на вершине стебля. Запах был свежим, но не сладким. Я знал, что серединка цветка — цвета хорошо выдержанного сыра.

Наконец приготовившись, я стал желать, чтобы цветок открылся.

«Покажи себя, — сказал я. — Открой лепестки».

Я подождал длинную секунду... Ничего не произошло.

Я снова сфокусировался на растении: «Открой. Открой лепестки».

Всё ещё ничего.

Я стал ждать. Вскоре, очень медленно, воротники листьев, прикрывающие бутон, затрепетали, словно подул бриз. Через мгновение один из лепестков шелохнулся, слегка отворачивая лишь кромку, перед тем как раскрыться. Следующий. И ещё один. И ещё, пока весь цветок не встретил рассвет раскрывшимся бутоном лавандового цвета. И из его центра прорастало шесть пестиков. А цвет? Как у хорошо выдержанного сыра.

Жестокий пинок достиг моей спины. Грубый смех заполнил воздух, разрушая связь, так же быстро, как тяжёлая нога разрушает нежный цветок.

3: Верхом на шторме

Я поднялся на ноги со стоном.

— Дитус, ты — свинья.

Осанистый, с отпущенными каштановыми волосами мальчик ухмылялся.

— Это у тебя уши, как у свиньи или демона. В любом случае, лучше быть свиньёй, чем убогим бастардом².

Мои щёки загорелись после этих слов, но я умерил пыл и посмотрел в его глаза, серые, как шерсть гуся. Он был так велик, что мне приходилось отклонять голову слегка назад, чтобы видеть его лицо. На самом деле, Дитус мог выдержать нагрузки, которые иных взрослых заставляли вспотеть. Он не только топил печь в кузнице (тяжёлая и жаркая работа), но и сам рубил деревья для топки, раздувал меха у кузнеца и таскал железную руду центнерами. За это ему доставался обед-другой в день, мешок с сеном вместо кровати и множество ударов по голове.

— Я не бастард.

² Бастард — сын, рождённый вне брака.

Дитус медленно провёл рукой по щетине на своём подбородке.

— Тогда где он, твой отец? Может, он — свинья? Или одна из тех крыс, что живут с тобой и твоей матерью?

— В нашем доме нет крыс.

— Доме? Ты называешь это домом? Эту грязную дыру, где твоя мамаша скрытно занимается своим колдовством?

Мои кулаки сжались. Насмешки надо мной ранили больно, но упоминание Бранвен заставляло кровь кипеть. Однако я знал, что Дитус хочет довести дело до драки. Лучше всего оставаться хладнокровным, пока я на это способен. Будет очень трудно держать руки при себе. А слова — тем более.

— Сотворённый воздухом не может осуждать ветер.

— Что ты сказал, мелкий бастард?

— Я сказал, что ты не можешь никого называть бастардом, когда все знают, что твой отец — саксонский наёмник, который лишь на одну ночь остался в этой деревне и не оставил здесь ничего, кроме тебя и своей пу-

стой фляги.

Дитус открыл рот, но не произнёс и слова. Я понял, что сказал то, чего он всегда боялся услышать, во что старался не верить. Эти слова ранили его сильнее, чем любые удары.

— Неправда! Мой отец был римским солдатом, все это знают, — он свирепо посмотрел на меня. — Я покажу тебе, кто тут бастард.

Я попятился.

Дитус двинулся вперёд.

— Ты ничтожество, бастард. Ничтожество! У тебя нет отца. Нет дома. Нет имени! Где ты украл имя «Эмрис», а, бастард? Ты ничтожество и никогда не станешь чем-то большим!

Я содрогнулся от его слов и яростного взгляда. Оглянулся, в поисках путей к отступлению. Сбежать от него не получится, если не будет форы. Но сегодня над нами нету птиц. Мысль поразила меня. Над нами нету птиц.

Также, как и вчера, я указал в небо и закричал: «Смотри! Подарок с небес!»

Дитус, уже было наклонившийся для броска, на этот раз не посмотрел на небо. Вместо этого он сгорбился, прикрывая голову. На

большее я и не рассчитывал. Я повернулся и побежал через мокрый мельничный двор быстрее, чем испуганный кролик.

Он рванулся за мной, яростно крича: «Вернись, трус!»

Я срезал через высокую траву перепрыгнул сломанный точильный камень и деревяшки и пронёсся по мосту, шлёпая кожаными ботинками. Даже перебравшись на другую сторону, я слышал, сквозь своё прерывистое дыхание, тяжёлые шаги Дитуса. Резко повернувшись, я побежал по старой римской прибрежной дороге. Справа от меня пенились воды Тайви, а слева стоял лес, густой и монолитный, до самых склонов Й Видфы, за исключением тех мест, где протоптали дорожки олени и волки.

Я ускорился на каменистой дороге, пробежав по ней шагов семьдесят, всё время слыша за собой приближающегося Дитуса.

Преодолев небольшой подъём, я покинул дорогу, бросившись в папоротники, росшие рядом с лесом. Не смотря на шипы, врезающиеся в голени, я неистово нёсся вперёд. За-

тем, сломав куст папоротника, я перепрыгнул через ветки, потом через ручей и вскарабкался на поросший мхом валун. Нашёл небольшую оленью тропу, похожую на бесконечно длинную змею, и побежал по ней до тех пор, пока не обнаружил себя в самой чаще исполнинских деревьев.

Я остановился, пока не услышал, как позади меня ломаются ветки. Не задумываясь ни на секунду, я нагнулся к покрову из хвойных иголок и запрыгнул на самую низкую ветку большой сосны. Словно белка, я поднимался выше, ветка за веткой, пока не оказался на высоте в три человеческих роста.

В этот самый момент, Дитус вошёл в чащу. Я висел прямо над ним — сердце выпрыгивало из груди, лёгкие кололо, ноги кровоточили. Я пытался не шевелиться, дышать меньше, будто лёгкие болят от избытка воздуха.

Дитус смотрел то направо, то налево, напряжённо вглядываясь в полумрак роци. На мгновение он поднял голову вверх, но кусочек коры попал ему в глаз, и он наклонился. «Проклятый лес!». Он повернулся, услышав

лёгкий шорох вне рощи, и ушёл.

Большую часть утра я провёл на этой ветке, наблюдая медленные перемещения лучей солнца, едва проникавших через обилие иголок, и неспешный ветер, прогуливающийся среди деревьев. Наконец убедившись, что мне точно удалось ускользнуть от Дитуса, я решил двигаться. Но не вниз. Вверх.

Карабкаюсь по лестнице из ветвей, я понял, что моё сердце всё ещё сильно колотится, но не из-за страха или напряжения. Оно трепетало от предвкушения. Что-то связанное с этим деревом в эту минуту по неизвестной причине волновало меня. Каждый раз, взбираясь на более высокую ветвь, я чувствовал, как моя душа тоже поднимается. Казалось, что я вижу дальше, слышу лучше и чувствую глубже с каждым рывком. Я представлял себя летящим рядом с небольшим ястребом, кружившимся над деревьями.

Долина ширилась передо мной. Я проследил взглядом за линией реки, скоро движущейся со склонов на север и уходившей за горизонт. Она напоминала огромную змею,

одну из тех, что присутствовали в историях Бранвен. Холмы были изрыты неровными линиями, как складки древнего открытого мозга. Я представил, какие мысли посещали этот мозг в течение долгих лет. Может, этот лес — всего лишь одна из его мыслей. Или весь этот день. Сквозь туман, окутывавший самые высокие горы, возвышалась объёмная Й Видфа, вся её блестящая верхушка была покрыта белым снегом. Тени облаков, мелкие и круглые, перемещались по склонам хребтов, как следы ступней гигантов. Если бы только я мог увидеть гигантов! Смог понаблюдать за их танцем!

На западе собирались облака, но я ещё мог видеть блики света на освящённом солнцем море. Вид бесконечно уходящего вдаль океана возбуждал во мне странную непреодолимую жажду. Я знал, что мой истинный дом, моё истинное имя, оставлены где-то там, на другом берегу.

Достигнув очередной ветки, я напрягся, поднимая себя выше. Схватившись руками поближе к стволу, я закинул на ветку ногу.

Несколько иголочек оторвались и изящно закружились в сторону земли. С лёгким стоном, я со всей силы подтянулся и наконец покорил её.

Приготовившись к отдыху, я лёг в ложбинку ветки рядом со стволом. Чувствуя, что мои руки липки от древесного сока, я поднёс их к лицу и наполнил грудь сладким смолистым ароматом.

Вдруг что-то защекотало моё правое ухо. Я повернул голову. Ощетинившийся хвост исчез за стволом. Снова растянувшись на своём ложе, я услышал громкий свист. В следующее мгновение почувствовал крохотные ступни, легко пробежавшие по моей груди и ноге. Я приподнялся снова и увидел, как белка завершает прыжок с моей ноги на ветку пониже. Улыбаясь, я наблюдал, как суетливое животное пискляво что-то говорит.

Белочка металась вверх, вниз и снова вверх, махая хвостом, словно пушистым флагом и не переставая грызть шишку размером со свою голову. Затем, будто только что заметив меня, она остановилась. Рассмотрев меня

в течение нескольких секунд, она пискнула и прыгнула на ветку соседнего дерева. Затем пушистый зверёк запрыгал по стволу и скрылся из виду.

Я подумал, что выгляжу в глазах белки так же забавно, как она в моих.

Восторг возрос во мне снова, побуждая взбираться дальше. Поднявшийся ветер донёс до меня сладкий эфир деревьев. Запах смолы от шепчущихся веток полился на меня со всех сторон, погружая в целую реку ароматов.

Из-за веток был виден ястреб, всё ещё кружившийся над лесом. Я не был уверен, но подозревал, что он смотрит на меня, имея свои причины для наблюдения.

Первый раскат грома прозвучал, когда я подтягивал себя на самую высокую ветку, которая только способна выдержать мой вес. Тут же прозвучал второй, более сильный, а затем тысячи деревьев застонали, наклонённые одним порывом ветра. Я наблюдал за морем деревьев, ветки которых будто составляли волны, как вода в океане. Среди общего шума колышущегося леса, я вдруг понял, что

могу слышать отдельные голоса деревьев: глубокое дыхание дуба и звонкий скрип боярышника, свист сосны и треск ясеня. Стучали иглы и шумели листья. Скрипели стволы и свистели дупла. Все эти голоса сливались в один громкий хор, поющий языком, который был мне почти понятен.

Налетающий порывами ветер раскачивал моё дерево. Почти как человеческое тело, оно переваливалось с одного бока на другой, сначала мягко, а затем всё сильнее и сильнее. С наращиванием амплитуды, увеличивались и мои страхи, что ствол может треснуть и бросить меня на землю. Но ко мне вдруг вернулась уверенность. Удивившись тому, как дерево может быть таким гибким и прочным одновременно, я крепче прижался к стволу, пока он качался и гнулся, крутился и кружился, описывая своей макушкой кривые и дуги. С каждым изящным скачком, я чувствовал себя всё больше похожим на порождение ветра, нежели земли.

Начался дождь, сливающийся с шумом реки и деревьев. Ветки переливались зелё-

ным водопадом. Тонкие ручейки скатывались с каждого ствола, перемещаясь по долинам мха и расщелинам коры. До этого я находился вне шторма и не мог почувствовать влагу, не мог вкусить свободы.

Затем, наконец, дождь начал затихать, и весь мир показался мне рождённым заново. Солнечные зайчики танцевали на омытых дождём листьях. С каждой опушки поднимались столбы тумана. Цвета леса засветились ярче, его запахи стали свежее. И я впервые в своей жизни понял, что Земля всё время перестраивается, что жизнь на ней всегда обновляется. По обычному исчислению сейчас был полдень, но для природы этого леса, было утро, утро Рождения.

4: Куча тряпок

Последний дневной свет сгущался, а тени всё возрастали, когда я почувствовал лёгкое недомогание в животе, которое быстро усиливалось. Я был голоден. Голоден как волк.

Ещё раз взглянув на долину с горами, освящёнными золотой паутиной лучей солнца, я начал спускаться с сосны. Достигнув самой нижней ветки, всё ещё влажной после дождя, я обхватил её руками и прыгнул. На секунду я повис на ней, раскачиваясь, как деревья во время шторма. Неожиданно я осознал, что привычная боль в плечах не беспокоит меня, с того самого момента, как я начал взбираться на сосну. Разжав пальцы, я приземлился на подстилку из хвойных иголок.

Отряхнувшись, я аккуратно положил руку на истрескавшуюся кору старого дерева и едва ли не почувствовал движение смолы в длинном широком стволе, похожее на движение крови в моём теле. Простое касание руки заменяло слова благодарности.

Мой взгляд упал на семейку коричневых

грибов с шершавыми шляпками, расположенную между иголок у основания сосны. Из лесных прогулок с Бранвен, я знал, что они съедобные, и решил подобрать их. Очень быстро я съел все, оставив лишь фиолетовые основания ножек.

Найдя оленью тропу, я вернулся по ней к реке, где, соединив руки в чашу, выпил немного холодной воды, которая освежила дыхание и взбодрила язык. Чувствуя лёгкость в ногах, я вернулся к тропинке, ведущей в деревню, и пройдясь по ней, пересёк мост. Впереди мелькали соломенные крыши деревни Каер Ведвид, казавшиеся издалека кучками высушенной травы. «В одном из них женщина, называющая себя моей матерью, наверное, смешивает разные снадобья или лечит чью-нибудь рану, как всегда в загадочном молчании». Удивившись сам себе, я подумал, что это место всё-таки может когда-нибудь стать для меня домом.

Войдя в деревню, я услышал крики играющих детей. Первой мыслью было бегство в одно из моих обыкновенных убежищ, но за-

тем... я почувствовал прилив уверенности. Настало время присоединиться к их играм!

Я остановился в раздумье. Но что делать с Дитусом? Следует следить за лавкой кузнеца. Да и этот мальчишка, возможно, уже остыл.

Я медленно пошёл к ним. Три большие дороги деревни сходились к огромному дубу, около которого собрались торговцы и фермеры, предлагающие свой товар. Ослы и лошади были привязаны к столбам лавок, их хвосты ходили туда и обратно, отгоняя мух. Неподалёку бард с мрачным лицом развлекал нескольких слушателей балладой, пока один из хвостов не ударил его прямо по губам. Когда барду, наконец, удалось перестать ругаться, и он собрался вновь, публика уже была потеряна.

Четверо мальчишек стояли на дальнем краю площади, тренируясь в меткости, бросая камни и палки в мишень — кучу рваных тряпок, у основания какого-то дерева. Я успокоился, когда увидел, что Дитуса нет среди них, и подошёл ближе:

— Как твоя меткость сегодня, Люд? — Коренастый рыжеволосый мальчик повернулся ко мне. Круглое лицо и маленькие глаза придавали ему вечно озадаченный вид. Несмотря на то, что обычно он не был враждебен ко мне, в этот раз я заметил, что он осторожен. Было непонятно, кого он больше остерегается, меня или Дитуса, и я подошёл ближе:

— Не волнуйся, ни одна птица не собирается испачкать твою голову, — Люд посмотрел на меня и разразился смехом.

— Это было удачное попадание!

Я ухмыльнулся в ответ:

— Очень удачное.

— Проверим твою меткость? — Сказал он, бросив мне небольшой камень.

— Уверен? — спросил один из мальчишек. — Дитусу это не понравится.

Люд лишь пожал плечами в ответ:

— Пойдём, Эмрис, проверим твой бросок.

Все мальчишки устремили свои взгляды на камень в моей руке. Я метнул его в кучу тряпок. Снаряд летел высоко и быстро, но мимо, в гуся, который закричал и захлопал крылья-

ми.

— Не очень хорошо, — прошептал я.

— Может, тебе стоит подойти ближе? — засмеялся один из мальчишек, — Например, прямо под дерево, — остальные ребята подхватили его смех.

Люд махнул на них рукой и подбросил мне ещё один камень.

— Попробуй снова, тебе нужно приноровиться, — что-то в его голосе возродило во мне уверенность. Я снова прицелился. В этот раз, готовясь к броску, я рассчитал вес камня и расстояние до цели. Сосредоточившись на куче тряпок, я замахнулся и бросил.

На этот раз камень летел точно, Люд удовлетворённо хмыкнул, а я не мог сдержать гордой улыбки.

Но нечто странное привлекло моё внимание. Вместо того, чтобы пройти через тряпки и врезаться в ствол дуба, мой камень отскочил, будто куча была твёрдой. Приглядевшись, я подумал, что сошёл с ума. Куча тряпок повернулась и издала жалобный стон.

— Это человек! — закричал я, не веря своим

глазам. Люд потряс головой:

— Это не человек, — махнул он небрежно на кучу тряпок, — это иудей.

— Грязный иудей, — заключил другой мальчишка и бросил свой камень в тряпки. Ещё один удар. Ещё один стон.

— Но, но... вы не можете, — я хотел продолжить, но остановился. Закончив фразу, я потеряю шансы быть принятым в группу.

— Почему нет? — Люд наклонился, чтобы поднять тяжёлую ветку. Иудеи не должны находиться здесь. Они пришли из ада, как демоны, с рогами и хвостами. Они несут болезни и беды.

Куча тряпок всхлипнула. Я тяжело сглотнул.

— Я в это не верю. Почему бы не оставить попрошайку и найти другую мишень? — Люд подозрительно посмотрел на меня.

— Лучше тебе не защищать иудеев, люди могут подумать, что... — он остановился, подбирая слова, — что ты один из них.

Прежде чем я успел ответить, Люд кинул тяжёлую палку. Взмахнув рукой, я закричал:

— Нет, не трожь его! — палка резко остано-

лась прямо в воздухе и упала на землю, будто наткнулась на невидимую стену. Мальчишки стояли в изумлении. Моя челюсть отвисла, даже не знаю насколько низко.

— Колдовство, — прошептал один мальчишка.

— Магия, — сказал другой.

Люд весь побледнел и медленно начал отходить от меня:

— Иди отсюда ты... ты...

— Сын дьявола, — закончил кто-то его слова.

Я повернулся и столкнулся с Дитусом, его рубаха вся была разорвана и забрызгана грязью от долгой прогулки по лесу. Не смотря на злобную гримасу, он был счастлив, загнав наконец свою добычу в угол.

Я выпрямил спину, стремясь хоть слегка сгладить его преимущество в росте:

— Давай не будем враждовать?

Он плюнул на мою щёку.

— Думаешь, я пожелаю быть другом дьяволёнка?

Мои зрачки сузились, когда я вытер лицо. Постаравшись сдержать гнев, я дрожащим

голосом снова попробовал остановить его:

— Я не дьяволёнок, а обычный мальчик, как и ты.

— Я знаю кто ты, — голос Дитуса обрушился на меня, как горная лавина. — Твой отец был демоном, а твоя мать — злая приспешница демонов. В любом случае ты — порождение дьявола.

С криком я бросился на него. Дитус ловко увернулся, поднял меня вверх и бросил на землю. Он бил меня ногами по бокам, заставляя валяться в грязи.

Я с трудом сел из-за боли в рёбрах. Рядом со мной возвышался Дитус, его лохматая голова откинулась назад от смеха. Другие мальчишки смеялись неестественно, словно для своего главаря.

— В чём дело, дьявольское отродье? — издевался он.

Боль была сильна, но моя ярость оказалась ещё сильнее. Собравшись с силами, я поднялся на колени, а затем и на ступни. Зарычав, словно раненный зверь, я снова бросился на него, размахивая руками.

Мгновение спустя, я очутился на траве, лицом вниз, едва способный дышать. Во рту чувствовался вкус крови. Страх смерти и надежда, что мой мучитель потерял интерес, пронзили моё сознание. Но я знал, что он ещё не успокоился.

Дитус перестал смеяться, когда я с трудом снова поднялся, чувствуя, как кровь струится по подбородку. Едва стоя на ногах, я посмотрел прямо в его глаза. Меня ошарашило то, что отразилось в них. За его агрессией скрывалось неподдельное удивление.

— Бог милостив, но ты упрям.

— Достаточно упрям, чтобы стоять против тебя, ответил я хриплым голосом. Мои руки сжались в кулаки.

В эту секунду кто-то внезапно встал между нами. Все мальчишки, кроме Дитуса, отступили. У меня спёрло дыхание от удивления. Это была Бранвен.

Не смотря на то, что тень страха пробежалась по лицу Дитуса, он плюнул на её ногу и сказал:

— Отойди в сторону, женщина-демон.

Её горящие глаза сверкнули:

— Оставь нас.

— Возвращайтесь к дьяволу, — ответил он, — которому вы оба принадлежите.

— Ты так думаешь? Тогда тебе следует бежать отсюда, — она угрожающе подняла руки, — или я обрушу огонь ада прямо на тебя.

Он отрицательно покачал головой.

— Но сгореть предстоит тебе, а не мне.

— Но я не боюсь огня! Меня невозможно сжечь!

Люд, нервно смотрящий на Бранвен, дотянулся до плеча Дитуса:

— Что если она говорит правду? Давай уйдём.

— Нет, пока я не закончу с её щенком.

Голубые глаза Бранвен вспыхнули.

— Уходи сейчас же. Или ты сгоришь.

Он отступил.

Она наклонилась к нему и сказала:

— Сейчас же.

Остальные мальчишки повернулись и убежали. Дитус, смотрящий им вслед, колебался. Двумя руками он попытался сделать знак, защищающий от нечистого.

— Сейчас же, — повторила Бранвен.

Дитус злобно посмотрел на неё, а затем убежал.

Я взял её за руку. Вместе мы медленно пошли к нашей хижине.

5: Сакральное время

Растянувшись на своей подстилке, я сдерживал стоны, пока Бранвен массировала мои ушибы. Странные столбы света проливались через дыры в соломенной крыше, падая на её плечо и руку.

Она нахмурилась из-за беспокойства. Её голубые глаза изучали меня так напряжённо, что я почти чувствовал, как взгляд врезается в кожу.

— Спасибо, что помогла мне.

— Пожалуйста.

— Это было удивительно! Правда удивительно. И ты появилась как раз вовремя, будто из воздуха, как боги из твоих рассказов, Афина, например.

Бранвен нахмурилась ещё сильнее:

— Боюсь, что больше как Зевс.

Я засмеялся и пожалел об этом, потому что от смеха стало больно.

— Ты хочешь сказать, что обрушила на них гром и молнию?

— Вместо мудрости, — вздохнула она. — Я

сделала то, что сделала бы любая мать. Даже если ты никогда...

— Никогда что?

Она потрясла головой:

— Не важно.

Бранвен поднялась и стала делать компресс, пахнувший дымом и кедром. Я видел, как она резала и молола что-то в течение нескольких минут. Затем, положив компресс на мои рёбра, она аккуратно надавила на него. Я чувствовал тепло, постепенно распространяющееся по моим костям, будто внутри они заполнялись углями.

Она закрыла глаза и стала петь медленную, тихую песнь, которую и до этого использовала в своей работе. Раньше я всегда задумывался, Бранвен поёт её для помощи тому, о ком заботится или — сам не знаю почему мне так казалось — для помощи самой себе. Теперь, смотря прямо на неё, я не сомневался: песня была для неё, а не для меня.

Hu gododin catann hue

Hud a lledrith mat wyddan

Gaunce ae bellawn wen cabri

Varigal don Finsaуга

Dravia, dravia Finsaуга.

Я чувствовал, что эти слова из другого мира, находящегося где-то за океаном. Дождавшись, пока она откроет глаза, я спросил то, что спрашивал уже много раз, не надеясь получить ответ:

— Что это значит?

Снова она изучила меня взглядом, который, казалось, пронизывает саму душу. Затем, тщательно выбирая слова всё-таки ответила:

— Это о месте. О магическом месте. О земле соблазна. И иллюзий. Её название — Финкейра.

— Что значат слова в конце: «Dravia, dravia Finsaуга»?

Её голос снизился до шёпота:

— Живи долго, живи долго, Финкейра, — она опустила глаза. — Финкейра. Место множества чудес, известное своими бардами, поющими на многих языках. Говорят, что оно лежит между нашим миром и миром духов — не на Земле и не на Небе, но соединённое мостами с ними. О, множество историй я могу

рассказать тебе о ней. Цвета там ярче, чем самый яркий солнечный свет; воздух ароматнее, чем в самом богатом саду. Много загадочных существ обитают там, включая, как гласят легенды, самых первых гигантов.

Я лёг на один бок и повернулся так, что наши лица оказались совсем рядом.

— Ты говоришь об этом месте, как о настоящем.

Её руки слегка надавили на мои рёбра.

— Не более, чем о любом другом месте из моих историй. Эти рассказы не могут быть такими же реальными, как, например, моё прикосновение, которое ты сейчас чувствуешь, сын мой, но тем не менее, они правдивы. Они достаточно реальны, чтобы помогать мне жить. И работать. И находить скрытые подсказки в каждом сне, каждом листочке, каждой капле росы.

— То есть ты считаешь, что рассказы — например о Греческих богах — это правда?

— Конечно, — она задумалась на секунду. — Мифы требуют веры, а не фактов. Разве ты не понимаешь? Они обитают в сакральном вре-

мени, идущем по кругу. Не в обычном, которое движется по линии. Но они реальны, мой сын. Верны во множестве трактовок, в отличии от этой жалкой маленькой деревушки.

В растерянности, я нахмурился:

— Но они же Греческие, гора Олимп это не то же самое, что Й Видфа.

Её пальцы слегка ослабили хватку.

— Они не так отличны, как ты думаешь. Гора Олимп существует на земле и в мифах. В историческом времени и в сакральном. Точно так же Зевса, Афины и всех остальных богов можно найти здесь. Это место между — не в нашем мире и не в другом, но где-то посередине. Как туман, это не совсем вода и не совсем воздух, но что-то среднее. Другое место, похожее на Финкейру — греческий Остров Делоса, где Аполлон родился и создал свой дом.

— Конечно, так и было в мифах. Но не в реальности.

Она странно посмотрела на меня:

— Ты уверен?

— Хм... нет, думаю нет. Я никогда не был в

Греции. Но я видел Й Видфу сотни раз прямо из этого окна. Ни одного Аполлона не ходило здесь! Не по горе, не по этой деревне.

Она снова странно посмотрела на меня.

— Ты уверен?

— Конечно уверен, — я схватил горсть соломы со своей подстилки и подбросил в воздух.

— Вот из чего состоит эта деревня! Грязная солома, сломанные стены, злые люди. И невежественные. Половина из них считает тебя настоящей колдуньей!

Подняв компресс, она рассмотрела синяки вокруг моих рёбер.

— Всё же, они приходят сюда за помощью, — она потянулась за деревянной миской в которой была зеленовато-коричневая паста, пахнущая терпко, как перезрелые ягоды. Двумя пальцами левой руки она нежно наносила мазь на мои синяки.

— Скажи мне, — спросила она, не поднимая глаз с моих ран, — уходил ли ты когда-нибудь далеко от шума деревни, чувствуя присутствие какого-то духа, чего-то, что не можешь увидеть? Рядом с рекой, например, или где-

нибудь в лесу?

Мысленно я вернулся назад, к сосне, качающейся в шторме. Я снова услышал свист веток, запах смолы, почувствовал, как прикасаюсь к коре.

— Может, иногда, в лесу...

— Да?

— Я чувствовал, будто деревья, особенно старые, на самом деле живые. Ни как растения, но как люди. С лицами. И душой, — Бранвен кивнула в ответ:

— Как дриады и лесные нимфы, — она задумчиво взглянула на меня, — Я думаю, что могу рассказать тебе несколько достоверных историй о них именно на Греческом языке. Оригиналы повествуют гораздо лучше, чем могу я! И эти книги... Эмрис, я видела зал, наполненный толстыми и таинственными фолиантами, манящими сесть на колени и целыми днями только и делать, что читать. Я хотела читать до поздней ночи, пока сон не побеждал бы меня. А во время сна, возможно, ко мне приходили бы дриады или сам Аполлон. Она резко остановилась.

— Я никогда не рассказывала тебе о Дагде?

Я покачал головой.

— Но как он связан с Аполлоном?

— Терпение, — взяв ещё немного мази, она продолжила наносить её. — Кельты, живущие в Гвинеде достаточно давно, чтобы знать о сакральном времени, рассказывали о множестве Аполлонов. Я слышала о них ещё ребёнком, задолго до того, как научилась читать.

Я был потрясён.

— Так ты кельтка? Я думал, что ты пришла из... оттуда же откуда и я, из-за моря.

Её руки напряглись.

— Так и есть. Но перед этим я жила здесь, в Гвинеде. Не в этой деревне, но в Каер Мирдин, которая тогда была совсем небольшой. Но теперь позволь мне продолжить.

Я послушно кивнул, хоть её слова и ошеломили меня. Да, она сказала совсем немного, но она впервые заговорила о своём детстве.

Бранвен продолжила наносить мазь и рассказывать.

— Дагда — один из этих Аполлонов. Он один

из сильнейших кельтских духов, бог абсолютного знания.

— Как он выглядит? То есть, как его описывают в рассказах?

Бранвен взяла остатки мази из миски.

— Ох, это хороший вопрос. Очень хороший. По причине, известной только ему самому, настоящего лица Дагды никто никогда не видел. Он принимает различные формы в разные времена.

— Например?

— Однажды, в знаменитой битве со своим главным врагом, духом зла Рита Гором, они оба приняли формы сильнейших животных. Рита Гор был огромным вепрем с ужасающими клыками и глазами цвета крови, — она остановилась, вспоминая подробности. — Ах, да. У него также был шрам на передних ногах.

Я окоченел. Шрам под моим глазом, нанесённый вепрем пять лет назад, вдруг стал жечься. Часто тот же вепрь появлялся и нападал на меня снова, в тёмных ночных кошмарах.

— И в этом бою Дагда стал...

— Огромным оленем, — закончил я, — Весь бронзовый, кроме белоснежных копыт и лодыжек. Семь ответвлений на каждой половине его рогов. И глаза... глубокие, как беззвёздная ночь.

Она удивлённо кивнула.

— Так ты слышал этот рассказ?

— Нет, — признался я.

— Но откуда ты знаешь.

Я тяжело выдохнул.

— Просто... я смотрел в эти глаза.

Она замерла.

— Правда?

— Я видел оленя... и вепря тоже.

— Когда?

— В день, когда нас вынесло на этот берег.

Она внимательно изучила меня.

— Они сражались?

— Да! Вепрь хотел убить нас. Особенно тебя, я догадывался, что это на самом деле злой дух.

— Но почему ты так считаешь?

— Потому что ты тогда была... ну ты понимаешь! А я тогда был просто маленьким тощим мальчишкой, — я вспомнил себя тогдашнего

и усмехнулся. — А теперь я большой тощий мальчишка. Так или иначе, этот вепрь соби-
рался убить нас. Но появился олень и прогнал
его, — я указал на шрам над глазом, — во
время их схватки я получил это.

— Ты никогда не рассказывал.

Я бросил на неё резкий взгляд.

— Как и ты много чего не рассказываешь мне.

— Ты прав, — печально ответила она, — мы
поделились несколькими историями о дру-
гих, но совсем мало рассказывали о себе. Это
моя ошибка.

Я промолчал.

— Но сейчас я многим поделюсь с тобой. Если
этот вепрь — Рита Гор — и хотел убить одного
из нас, это была не я. А ты.

— Что? Это абсурд! Конечно он убил бы тебя,
мудреца, способного исцелять.

— Но твои способности очень велики в пер-
спективе, — она посмотрела мне прямо в гла-
за, — разве ты ещё не почувствовал их? Твой
дед как-то сказал мне, что они проявятся в
двенадцать лет, — она остановилась. — Я не
хотела упоминать его.

— Однако упомянула! Теперь расскажи мне о нём.

Она угрюмо покачала головой.

— Давай не будем об этом.

— Пожалуйста, ну пожалуйста! Скажи хоть что-нибудь. Что ему нравилось?

— Я не могу.

Мои щёки загорелись.

— Ты должна! Ты не просто так упомянула его, значит что-то о нём я должен знать.

Она провела рукой по своим золотым локонам.

— Он был волшебником, очень грозным волшебником. Но я расскажу тебе только то, что он сказал о тебе. Перед тем, как ты родился. Он сказал, что те силы, которыми он обладает, часто передаются по наследству. И что у меня будет сын, который...

— Который что?

— Который будет даже сильнее, чем он сам. Эта магия берёт начало в очень глубоких источниках. Таких глубоких, что если ты обучишься управлять ими, то получишь шанс навсегда изменить устройство мира.

Моя челюсть отвисла.

— Но это не правда. И ты знаешь. Просто посмотри на меня.

— Да, — ответила она спокойно, — пусть пока ты не такой, каким дед описывал тебя, но, возможно, станешь когда-нибудь.

— Нет, — запротестовал я, — Я не хочу этого. Хочу только вернуть свою память. Хочу знать, кто я на самом деле.

— Но если настоящий ты — это обладатель таких сил?

— Как такое возможно? — улыбнулся я. — Ведь я не волшебник.

Она покачала головой.

— Однажды ты будешь сильно удивлён.

Тут же я вспомнил, что случилось с палкой, которую кинул Люд.

— Ну... что-то подобное уже произошло. Тогда, перед тем, как ты пришла. Случилась странная вещь. Я не уверен, что сам сделал это, но и не уверен, что кто-то другой.

Не сказав и слова, она взяла кусок ткани и начала обматывать вокруг моего туловища. Я заметил, что теперь она более аккуратна,

будто слегка боится. Её руки двигались осторожно, словно боясь обжечься об мою кожу. Может, так мне лишь казалось, но я всё равно чувствовал себя некомфортно. Как только я подумал, что мы с Бранвен стали близки, она отдалилась ещё больше, чем обычно.

После долгой паузы, она сказала:

— Всё, что ты делаешь — следствие напряжения твоих сил. Этот дар свыше, и только тебе решать, как им распорядиться. Есть множество богов, но я молюсь одному, тому, кто даёт каждому из нас всё, что мы имеем. Я не знаю, что у тебя за силы. Но уверена, что Бог дал тебе их, ожидая, что ты ими воспользуешься. Всё, чего он хочет, чтобы ты использовал их верно. Но сначала тебе следует научиться управлять ими, как твой дед. А это значит использовать их с добром и любовью.

— Но я не просил никаких сил!

— Как и я. Точно так же, как не хотела, чтобы меня звали колдуньей. Любая сила может лишит тебя понимания со стороны окружающих.

— И ты не боишься? В прошлом году в Лине

они сожгли кого-то, назвав колдуном.

Она подняла глаза к столбам света, падающим из дыр над нашими головами.

— Всемогущий Бог знает, что я не колдунья. Я просто делаю всё возможное, стараясь использовать свои силы по назначению.

— Ты смешиваешь старую мудрость с новой. Это пугает людей.

Её взгляд смягчился.

— Ты видишь больше, чем я думала. Да, это их пугает. Как почти всё в наши дни.

Она аккуратно завязала повязку.

— Мир меняется, Эмрис. Я не видела ничего подобного даже в... другом месте. Вторжение из-за моря. Наёмники, движущиеся молниеносно. Христиане борются со старыми верами. Все старые веры борются с Христианами. Всё необъяснимое считают проделками демонов.

С трудом опёршись на дрожащие руки, я сел.

— Ты никогда не хотела... — мой голос вдруг пропал, и я сглотнул, — лишиться своих способностей? Чтобы не быть изгоем. Чтобы никто не считал тебя демоном?

— Конечно, — она задумчиво закусила губу. — Но в такие моменты ко мне всегда возвращается вера. Ты же видишь, что новая мудрость сильна. Очень сильна. И примеры тому — Святая Бригитта и Святой Коломб. Но я хорошо знаю, что в старой мудрости тоже сокрыта великая сила. Наивно полагать, что они могут сосуществовать, верно? Несмотря на то, что слова Иисуса тронули меня до глубины души, я не забуду слова других. Евреев. Греков. Друидов. Тех, кто много древнее.

Я угрюмо посмотрел на неё:

— Ты много знаешь, не то что я.

— Здесь ты не прав. Я знаю мало, очень мало, — внезапно тень боли скользнула по её лицу.

— Например я не знаю... почему ты никогда не называешь меня мамой.

Я почувствовал, как защемило сердце.

— Потому что...

— Да?

— Потому что я тебе не верю.

Она тяжело вздохнула.

— И ты не веришь, что тебя зовут Эмрис?

— Не верю.

— И что меня зовут Бранвен?

— Нет.

Она посмотрела вверх на крышу, почерневшую от постоянной готовки на огне. Затем, снова повернулась ко мне.

— Насчёт моего имени ты прав. Это имя из одной древней легенды. Я взяла его, когда мы попали сюда.

— Из той легенды, что ты мне рассказывала? Про Бравен, дочь Лира.

Она кивнула

— Ты помнишь её? Значит ты помнишь, как Бранвен приплыла с острова в Ирландию, чтобы выйти замуж. Её история началась с неисчерпаемой надежды и красоты.

— И закончилась, — продолжил я, — трагедией. Её последние слова были: «Жаль, что я вообще родилась».

Она взяла мою руку.

— Но это про моё имя, а не твоё. Мою жизнь, а не твою. Пожалуйста, поверь мне. Эмрис — твоё настоящее имя. Я твоя мама.

Всхлип вырвался из моего горла.

— Если ты действительно моя мама, тогда

расскажи, где мой дом? Настоящий дом, где моя родина.

— Нет, я не могу! Эти воспоминания столь болезненны для меня. И опасны для тебя.

— Как тогда я могу верить тебе?

— Пожалуйста, послушай меня. Я не говорю тебе только из заботы. Ты не просто так потерял память. Это благословение.

Я нахмурился.

— Нет, это проклятие!

Она посмотрела на меня затуманенным взглядом. Будто погрузилась в воспоминания, чтобы, наконец, рассказать мне то, о чём я больше всего хотел знать. Затем её руки обхватили меня, но в объятьях чувствовалось не сострадание, а страх.

6: Пламя

Чей-то силуэт заполнил дверной проём, загорюдив свет. Я вскочил со постели, опрокинув деревянную миску Бранвен.

— Дитус! — Огромная рука потянулась к нам.

— Выходите. Оба.

— Нет, — Бранвен поднялась на ноги и встала рядом со мной.

Серые глаза Дитуса горели злобой. Он крикнул через плечо:

— Возьмём её первой.

Он вошёл в хижину в сопровождении двух деревенских мальчишек. Люда с ними не было. Я схватил Дитуса за руку. Он стряхнул меня, словно назойливую муху, и я упал на стол, сметая спиной утварь и продукты Бранвен. Ложки, ножи, сита, и миски рассыпались по грязному полу хижины, а стол разломился под моим весом. Жидкости и крема забрызгали глиняные стены, а листья и семена взлетели в воздух.

Увидев, как Бранвен борется с Дитусом, я вскочил на ноги и бросился на него. Он по-

вернулся и оттолкнул меня с такой силой, что я врезался спиной в стену и, упав на землю, потерял сознание.

Очнувшись, я понял, что в хижине уже никого нет. Сначала я не осознавал, что произошло. Затем, услышав снаружи крики, побежал к выходу.

Бранвен лежала шагах в двадцати-тридцати от меня, посреди дороги. Её руки и ноги были связаны длинной верёвкой. Кусок тряпки, содранный с платья, ей засунули в рот, чтобы заглушить крики. По всей видимости, торговцы и жители деревни, находившиеся на площади, ещё не заметили происходящего или не желали вмешиваться.

— Посмотри на неё, — засмеялся стройный мальчик со зловещим лицом, указывая на съёжившуюся Бранвен, — теперь она не такая грозная.

Его напарник, всё ещё держа в руках верёвку, тоже засмеялся.

— Как и полагается демонам.

Я побежал к ней и сразу же заметил силуэт Дитуса, склонившегося над кустом, находя-

щимся под широкими ветвями дуба. Когда я увидел лопату с пламенеющими углями в его руках, страх сковал меня. Огонь. Он разводит огонь.

Угли упали на куст. Столб дыма быстро поднялся к веткам дерева. Дитус стоял прямо, положив руки на бока, наблюдая за своей работой. Его силуэт, окружённый пламенем, казался мне тенью дьявола.

— Она сказала, что не боится огня, — закричал Дитус в сторону своих товарищей. — Сказала, что не может сгореть!

— Давай заканчивать, — сказал парень с верёвкой.

— Огонь! — закричал один из торговцев, внезапно заметив пламя.

— Потушите! — заплакала женщина, выходя из хижины.

Но раньше, чем кто-либо успел пошевелиться, два парня взяли Бранвен за ноги. Они тащили её к пылающему дереву, где их ждал Дитус.

Я побежал на него. Ярость заполонила меня, ярость которой я не испытывал раньше.

Бесконтрольная и неуправляемая, она пробежала по телу мощной волной, уничтожая все другие чувства и ощущения.

Увидев меня, Дитус усмехнулся:

— Как раз вовремя, щенок. Что ж, приготовим их вместе.

Единственная мысль пронзила меня: «Он должен сгореть. Сгореть в Аду».

В эту самую секунду, дерево содрогнулось и треснуло, из его сердцевины вырвался луч света. Дитус замешкался, крупная ветка, сгоревшая у основания, обломилась и рухнула прямо на его грудь, сломав руки и придавив тело к земле. Пламя рвалось всё выше, будто подгоняемое дюжиной драконов. Торговцы и жители деревни разбежались. Ветки трещали под натиском огня, звуки, с которыми они ломались, заглушали крики пойманного в ловушку мальчика.

Я подбежал к Бранвен. Она была оставлена всего в нескольких шагах от горящего дерева. Языки пламени лизали край её платья. Я быстро оттащил её от усиливающегося огня и развязал путы. Она выплюнула тряпку и по-

смотрела на меня с благодарностью и страхом.

— Ты сделал это?

— Я... думаю, что да. Наверное, это магия.

Её сапфировые глаза сосредоточились на мне:

— Твой дар и твоя сила.

Не успел я ответить, как душераздирающий крик вырвался из центра адского пламени. Он нарастал и нарастал, переполненный агонией. Этот беспомощный человеческий крик заставил застыть кровь в моих жилах. Но я сразу понял, что нужно делать. Понял, что я *должен* сделать.

— Нет! — взмолилась Бранвен, вцепившись в мою тунику. Но было уже поздно. Я погрузился в бушующий огонь.

7: Слепота

Голоса. Ангельские голоса.

Я сел. Это действительно они? Я умер? Темнота окружала меня. Темнота мрачнее самой беззвёздной ночи, которую я когда-либо видел.

Затем — боль. Она поразила моё лицо и правую руку, как бы говоря, что я всё-таки жив. Жгучая боль. И острая. Словно моя кожа была срезана.

Менее остро чувствовалась странная тяжесть на лбу. Я осторожно поднёс руки к лицу. Пальцы правой руки были замотаны, как и лоб, щёки, глаза — перебинтованы холодной, мокрой тканью, пахнувшей едкими травами. Даже лёгкое касание через бинт резало острее ножа.

Тяжёлая дверь скрипнула. По каменному полу ко мне приближался шум шагов, отражавшийся от высокого потолка. Их ритм был мне знаком.

— Бранвен?

— Да, мой сын, — ответил голос в темноте. —

Я счастлива, что ты очнулся, — но в голосе её слышалось больше сожаления, чем радости, подумал я, когда она едва коснулась моей шеи, — Я должна сменить твои повязки. Боюсь, это может причинить тебе боль.

— Нет, не трогай меня.

— Но я должна, если ты хочешь поправиться.

— Нет.

— Эмрис, я должна.

— Хорошо, но будь аккуратна. Мне больно даже сейчас.

— Понимаю, понимаю.

Я изо всех сил старался не шевелиться, пока она меняла бинты, прикасаясь ко мне осторожно, как к бабочке. В это же время она капала на мою голову чем-то свежим, как лес после дождя, и эти капли слегка успокоили боль. Чувствуя себя относительно лучше, я начал задавать вопросы со скоростью потока реки: «Как долго я спал? Где мы? Чьи это голоса?»

— Мы — прости, если больно — в церкви Святого Петра. В гостях у монахинь, живущих здесь. Их голоса ты слышишь.

— Святого Петра! Это же в Каер Мирдин.

— Так и есть.

Чувствуя холодный ветер от открытого окна или двери, я накинул грубое шерстяное одеяло на плечи.

— Но туда несколько дней пути, даже на лошади.

— Да.

— Но...

— Не шевелись, пока я не закончу

— Но...

— Тихо... так. Еще немного. А, вот здесь.

С моей повязкой упали и вопросы о том, как мы попали туда. Новый вопрос затмил все остальные. Несмотря на то, что глаза теперь были открыты, я ничего не видел.

— Почему так темно?

Бранвен не отвечала.

— Ты не принесла свечу?

И снова тишина.

— Сейчас ночь?

И всё равно она молчала. Где-то рядом слышались крики кукушки.

Пальцы моей свободной от бинта руки

дрогнули, когда я дотронулся до пористой поверхности вокруг глаз. Я поморщился, чувствуя рубцы на кровавой корке и всё ещё горящую кожу под ней. Но я не чувствовал бровей. И ресниц. Я провёл руками по краям век, которые тоже покрылись коркой и шрамами.

Мои глаза были широко открыты. И совсем ничего не было видно. Содрогнувшись, я понял одну страшную вещь:

Я ослеп.

Стон вырвался из моей груди. Тут же закричала кукушка и я сбросил одеяло, не замечая боли в ногах, встал с койки, оттолкнув руку Бранвен, которая пыталась остановить меня. Я шатался меж камней, следуя за звуком. Затем споткнулся и упал на плечо. Опёршись руками о стены, почувствовал, как огромные камни давят на меня, тяжёлые и холодные, словно в гробнице.

Голова закружилась. Я почувствовал, как Бранвен подхватывает меня, услышал её приглушённые всхлипы. Снова оттолкнул её. Шагнув вперёд, наткнулся руками на монолит скалы. Песня кукушки доносилась слева.

Пальцы неперевязанной руки нащупали раму окна.

Опёршись на подоконник, я пододвинулся ближе. Холодный ветер обжѐг моѐ лицо, а кукушка пела так близко, что казалось, что я могу протянуть руку и дотронуться до её крыла. Впервые, как мне казалось за несколько недель, я почувствовал солнечный луч на своём лице. Хотя, как я не старался найти солнце, никак не мог его увидеть.

Сокрыт. От меня сокрыт весь мир.

Ноги дрогнули подо мной. Я упал на пол, а моѐ лицо — на камни. И я зарыдал.

8: Дар

В течение недель, складывающихся в месяцы, мои муки заполнили залы Церкви Святого Петра. Монахини, живущие там, открыли двери своего святилища из-за силы благочестия Бранвен и моих суровых ожогов. Должно быть им было сложно относиться с симпатией к женщине, которая целыми днями только молилась и заботилась о своём раненом мальчике, не занимаясь почти ничем иным. Что касается самого мальчика, то они старались избегать меня, а большего я не просил.

Вокруг были мрак и печаль. Я чувствовал себя младенцем, едва способным ползать по каменному полу комнаты, которую разделял с Бранвен. Мои пальцы запомнили неподвижные углы помещения, неровные линии раствора между камнями и одинокое окно, где порой я стоял часами, напрягая все жилы, чтобы увидеть хоть что-то. Но вместо света окно дарило мне лишь мучительную песню весёлой кукушки и далёкие звуки суматохи на площади Каер Мирдин. Изредка запах ка-

кого-то блюда, готовившегося в горшке, или аромат цветущего дерева достигали моего окна, смешиваясь с запахом тимьяна и букового корня, доносившегося со стола Бранвен, стоявшего рядом с моей койкой. Но я не мог выйти и добраться до этих звуков и запахов. Я был заключённым, запертым в своей собственной слепоте.

Два или три раза я собирался с силами, толкая руками тяжёлую дверь, чувствуя за ней лабиринт из коридоров и комнат-тупиков. Внимательно вслушиваясь в эхо своих шагов, я научился определять длину и высоту проёмов, а также размеры помещений.

Однажды я обнаружил лестницу, каменные ступени которой превратились с годами в мелкие углубления. Идя аккуратно по стене, я спустился вниз, открыл дверь и оказался в благоухающем внутреннем саду. Мои ступни коснулись росистой травы, тёплый ветер повеял в лицо. Я вдруг осознал, как хорошо вне стен, на траве и солнце. Затем я услышал близкие голоса монахинь и ускорил шаг, желая скорее обнаружить их. Совершенно не-

ожиданно я врезался прямо в каменную колонну, да так сильно, что упал и свалился в мелкий водоём. Попытавшись подняться, я уцепился за один из камней, обрамлявших пруд, но он оказался некрепким, и я снова упал. Левая сторона моего лица ударилась об основание колонны. Покалеченный и окровавленный, с порванными бинтами, я лежал там, пока меня не нашла Бранвен.

После этого я почти без движений лежал на койке в своей камере, убеждённый в том, что проведу остаток дней будучи бременем для единственного близкого мне человека. О чём бы я не думал, сознание всегда плавно возвращалось ко дню моей гибели. Взгляд связанной Бранвен, лежащей около дерева. Неистово вскипающая ярость. Смех Дитуса, переходящий в его же вопли. Языки пламени повсюду. Сломанные руки и искалеченное туловище, придавленное огромными ветвями. И крик мальчишки, осознавшего, что его лицо горит... мой крик.

Я не помнил, как мы добрались до стен Каер Мирдин. Но рассказ Бранвен позволял

мне представить всё достаточно хорошо. Я мог даже видеть круглое лицо Люда, наблюдавшего, как мы съезжаем с холма в телеге одного торговца, почувствовавшего женщине с глазами сапфирового цвета и её искалеченному огнём сыну. Также мог почувствовать раскачивание тележки, даже услышать скрип колёс и стук копыт запряжённой лошади. Узнавался вкус обугленной кожи во рту, шум моего бреда и стонов, повторяющийся на протяжении длинных дней и ночей нашего путешествия.

Теперь очень немного нарушало безжизненный покой моих дней. Пение монахинь, шуршание их шагов по пути на покой, обед, медитацию. Тихие молитвы или песни Бранвен, которая изо всех сил старалась залечить мою кожу. Счёт криков кукушки, сидящей на шуршащем ветвями дереве, породу которого я не мог знать.

И тьма. Вечная тьма.

Иногда, сев на койку, я осторожно подносил пальцы к корке на щеках и под глазами. Шрамы на коже казались ужасно глубокими,

как трещины на коре старой сосны. Я знал, что, несмотря на все старания Бранвен, моё лицо навсегда останется изуродованным. Даже если благодаря какому-то чуду ко мне вернётся зрение, шрамы всегда будут напоминать о безрассудстве. Конечно я знал, что подобные мысли попросту глупы, но они всё равно приходили ко мне время от времени.

Однажды я обнаружил, что страстно желаю отрастить бороду. Хорошую, длинную бороду, как у столетних мудрецов. Прекрасную бороду. Вьющуюся и белоснежную, закрывающую моё лицо как множество облаков — пик горы. Я даже предположил, что там могла бы гнездиться парочка птиц. Но светлые мечтания длились недолго. Всё больше я ощущал, что погружаюсь в отчаянье. Никогда больше я не залезу на дерево. Никогда свободно не пробежусь по полю. Не увижу лица Бранвен вживую.

Я почти не прикасался к еде. Хоть Бранвен и настаивала на том, чтобы я ел больше, у меня не было желания. Одним утром она склонилась надо мной, сев на колени, молча

снимая бинты. Когда она попыталась наложить на мои раны новые, я отодвинулся от неё и покачал головой.

— Я хочу, чтобы ты позволила мне умереть.

— Твоё время ещё не пришло.

— Откуда ты знаешь? — огрызнулся я. — Я уже чувствую себя мёртвым! Это не жизнь! Это постоянные пытки и мучения. Я бы предпочёл жить в аду, а не здесь. — Она взяла меня за плечи.

— Не говори так! Это святотатство.

— Это истина! Видишь, что твои силы, которые ты называла даром Бога, сделали со мной? Я их проклинаяю! Лучше бы я умер.

— Прекрати! — Я стряхнул с плеч её руки.

— У меня нет жизни! Нет имени! У меня ничего нет!

Бранвен, сдавливая свои всхлипы, начала читать молитву.

— Всемогущий, спаситель души моей, Создатель всего, написавший Великую Книгу Неба и Земли, пожалуйста, помоги этому мальчику. Прошу! Прости его. Он не понимает о чём говорит. Если только ты вернёшь ему зрение,

пусть не полностью, даже если на время, я клянусь, что мы заслужим прощения. Мы никогда больше не будем использовать его силы, если они приводят к таким последствиям! Только помоги ему. Пожалуйста, помоги.

— Никогда не будем использовать мои силы?

— Передразнил я. — С радостью обменял бы их на возможность видеть! Тем более, что никогда не просил ни о каких силах.

Я резко сорвал бинт со лба.

— А что с твоей жизнью сейчас? Она ничуть не лучше, чем моя! Это правда. Ты можешь говорить красноречиво. Можешь обмануть этих монашек. Но не меня. Я знаю, что ты несчастна.

— Я умиротворена.

— Это ложь.

— Я умиротворена, — повторила она.

— Умиротворена! — Крикнул я. — Умиротворена! Тогда почему твои руки в царапинах и ссадинах от постоянного нервного заламывания? Почему твои щёки вечно в... — Я оборвал свою мысль.

— Милостивый Бог, — прошептала она.

— Я... не понимаю, — очень медленно я потянул руку к её лицу, слегка коснувшись щеки.

В тот же момент мы оба поняли, что я каким-то образом могу ощущать пятна на её щеках. Я знал, что они есть, хоть и не мог увидеть их с помощью глаз.

— Это ещё один дар, — голос Бранвен был полон благоговения. Она сильно сжала мою руку. — У тебя появилось второе зрение.

Я не знал, что и подумать. Была ли это та же способность, с помощью которой я однажды открыл цветок? Нет. Она ощущалась иначе. Менее сознательной. Может та, с помощью которой я узнал каков цвет сердцевины растения? Возможно. Хотя ощущения всё равно отличались. Похоже на... ответ на молитвы Бранвен. Дар Господа.

— Это правда? — робко спросил я. — Это действительно происходит?

— Слава Богу, да.

— Проверь, — потребовал я. — Подними несколько пальцев.

Она подчинилась.

Я закусил нижнюю губу, стараясь почувство-

вать её руки.

— Два?

— Нет, попробуй снова.

— Три?

— Ещё раз.

Сфокусировав мысли, я инстинктивно закрыл глаза, хоть это, конечно, ничего не меняло. После долгой паузы я сказал:

— Не одна, а две руки, верно?

— Да! А теперь... сколько пальцев?

Минутная пауза. Пот, собравшийся на израненном лбу, жалил чувствительную кожу. Но я не дрожал. Наконец, я неуверенно спросил:

— Может быть семь? — Бранвен выдохнула с облегчением.

— Точно, семь.

Мы обняли друг друга. В этот момент я понял, что моя жизнь полностью изменилась. И даже догадывался, что до конца своих дней буду придавать особое значение числу семь.

Но самое главное то, что было дано обещание. И не важно дала его Бранвен, я или мы оба. Я никогда больше не буду изменять

предметы с помощью своего разума. Даже крохотный лепесток цветка. Я не хотел знать будущее или использовать какие-либо другие силы, ведь теперь я снова мог видеть. Снова мог жить.

Сразу же я начал есть. И редко останавливался, особенно если давали моё любимое: хлеб с молоком. Или ежевичный джем на горбушке. Или горчицу, смешанную с сырыми гусиными яйцами — блюдо, от которого монахиням становилось плохо, что сильно забавляло меня. Однажды после обеда Бранвен ушла на рынок и нашла один сочный финик, который показался нам роскошным, как какой-нибудь королевский десерт.

Мой дух оживал вместе с аппетитом. Я начал исследовать коридоры, галереи и дворы Церкви Святого Петра. Всё здание было моим владением. Моим замком. Однажды, когда монахини куда-то ушли, я пробрался во внутренний двор и искупался в маленьком пруде. Самым сложным было сдерживать песню, льющуюся изнутри.

Между тем, мы с Бранвен каждый день

тренировались по несколько часов, оттачивая моё второе зрение. На первом уроке мы использовали ложки, глиняные миски и другую привычную утварь, которую она смогла найти в церкви. Со временем я смог перейти к небольшому деревянному алтарю с тонкими гранями и контурами. И в конце концов добрался до большого кубка со сложной наружной резьбой. Хотя это и заняло бóльшую часть недели, но я всё-таки сумел прочесть слова, выгравированные на его ободке: спроси и узнаешь.

Практикуясь, я обнаружил, что лучше вижу предметы, если они неподвижны и находятся близко. Если же они двигались слишком быстро или оставались слишком далеко, я обычно терял их. Парящая птица попросту тонула в бескрайнем небе.

Более того, если свет вокруг тускнел, тоже делало и моё второе зрение. В сумерках я мог видеть лишь размытые контуры предметов, и ничего не видел ночью, пока фонарь или луна не рассеивали тьму. Я мог только гадать почему второму зрению тоже требуется свет.

Было очевидно, что оно не похоже на обычное. Но почему тогда ему мешает тьма? Значит, второе зрение отчасти внутреннее, отчасти внешнее. Возможно оно зависело от моих глаз (точнее от того, что от них осталось), но понять каким образом мне не удавалось. Или оно опиралось на что-то ещё, что-то внутри меня, однако выяснить точно не представлялось возможным.

Таким образом, хоть второе зрение и было гораздо лучше, чем полная слепота, оно совсем не достигало уровня того, что я потерял. Даже при дневном свете я мог видеть лишь тончайшие линии цветов, а весь остальной мир был окрашен в оттенки серого. И хоть я мог сказать, что вуаль, которую теперь носила Бранвен была ярче, чем её свободное платье, я не мог назвать какого вуаль цвета, серая или коричневая. Я стал забывать цвета большинства вещей, знакомых мне с самого приезда в Гвинед.

Но я принимал эти ограничения. И был счастлив. С развитием способностей, я стал ходить на обеды и служения с Бранвен. Я са-

дился рядом с монахиней и начинал разговор, стараясь смотреть на неё глазами, чтобы она думала, что они в порядке. И одним утром я всё же смог пробежаться по внутреннему двору, огибая колонны и перепрыгивая через пруд.

В этот раз я уже не сдерживал своего пения.

9: Молодой птенец

Пока моё второе зрение улучшалось, Бранвен учила меня читать латинские надписи на религиозных манускриптах церкви. Острый запах кожи и пергамента омывал меня каждый раз, как я открывал эти тома. А затем воображение уносило меня далеко — к пылающей колеснице Елисея, последнему ужину Иисуса, к каменным скрижалям Моисея.

Иногда, погружившись в эти истории, я забывал о своих проблемах. Начиная читать и видел действия, наполненные цветами и лицами, с такой точностью и красочностью, какую никогда бы не мог увидеть своими глазами. И я впервые начал понимать, что книги действительно скрывают в себе чудеса. И даже рискнул предположить, что однажды, возможно, окружу себя множеством книг разных времён и языков, как некогда сделала Бранвен.

С каждым прошедшим днём моё зрение становилось немного лучше. Одним утром я обнаружил, что могу определять эмоции

Бранвен, наблюдая за уголками её губ и огоньком в глазах. Другим утром, стоя у своего окна и наблюдая, как ветер шатает ветви дерева, я понял, что шумное дерево, на котором живёт кукушка, — это широкий и тёмный боярышник. И однажды ночью, впервые со дня пожара, слабая вспышка поразила меня — это была звезда.

Следующей ночью я встал посреди внутреннего двора, подальше от фонарей. Низко над северным горизонтом загорелась вторая звезда. Следующей ночью ещё три. Затем пять. Восемь. Двенадцать.

Следующим вечером ко мне присоединилась Бранвен. Мы вместе лежали на камнях, и она показала мне созвездие Пегаса. А потом медленно и мелодично рассказала миф о великой крылатой лошади. Когда она говорила, я представлял, что Пегас несёт меня по небу на своей спине. Мы перепрыгивали от одной звезды к другой, проплывали мимо луны, скакали по горизонту.

Теперь каждую ночь, если тучи не закрывали всё небо, мы с Бранвен лежали там, под

тёмным куполом. Я любил читать церковные рукописи, но чтение небесных завораживало меня даже больше. Не без помощи Бранвен я проводил вечера в компании Лебеда, Водолея и Большой Медведицы, чьи когти не раз царапали мою спину. Натягивал канаты Парусов, плавал с Рыбами, маршировал рядом с Геркулесом.

Иногда, изучая новые звёзды, я мечтал уместить всё небо в один великолепный плащ и скорее надеть его. Тёмно-голубой, усыпанный звёздами, плащ струился бы по моей спине, развиваясь в такт движениям. Небесные светила украшали бы плечи, планеты — талию. Я с удовольствием надел бы его однажды!

Но даже радуясь, я не забывал, как много всего сокрыто теперь от меня. Облака затмевали некоторые звёзды, но моё собственное зрение затмевало куда больше. Хотя радость от того, что я видел, превышала расстройство от того, что я не видел, ведь, не смотря на облака, звёзды почему-то теперь были для меня яркими как никогда.

И ещё... Внутри меня осталась темнота, ко-

торую не рассеивал даже чистый свет звёзд. Отголоски прошлого продолжали преследовать меня. Особенно то, что я сделал с Дитусом. Я всё ещё слышал его крики, видел ужас в глазах, чувствовал прикосновение скрюченных и беспомощных остатков рук. Когда я спросил Бранвен спасся ли он, она не смогла ответить. Она знала лишь то, что он висел на волоске от смерти, когда мы покинули деревню. Провоцируя мою ярость, он не знал, что его жестокость окажется меньшей, чем моя.

И самое главное: что-то ещё продолжало терзать меня, что-то более глубокое, чем вина. Страх. Страх за себя и свои ужасные возможности. Простая мысль взрастила во мне огненную стену, которая ослабила саму душу. Если мне не хватит сил, чтобы сдерживать обещание, я буду использовать свои силы или они будут использовать меня? Если во власти бесконтрольной ярости я сжёл дерево и убил человека, что ещё я, возможно, уничтожу? Могу ли я убить самого себя?

Кто я вообще такой? Возможно Дитус в итоге оказался прав. Возможно кровь демона

действительно течёт в моих жилах, ведь эта ужасная магия может вырваться из меня в любой момент, как чудовищный змей вырывается из тёмных глубин моря.

И пока это так, даже новое сияние моих дней оставалось беспокойным из-за тёмных страхов. Проходили недели и жизнерадостность возрастала во мне вместе со способностью видеть вторым зрением, но им не уступала и тревога. Глубоко внутри я понимал, что не оставлю свои страхи, пока не познаю себя настоящего.

Настал день, когда я услышал новый звук из окна своей комнаты и нетерпеливо подошёл ближе. Сфокусировав второе зрение, я нашёл его источник, спрятавшийся среди ветвей боярышника. Некоторое время я наблюдал и слушал, а затем повернулся к Бранвен, измельчающей травы, сидя на своём привычном месте: на полу около моей койки. — Кукушка загнездилась на боярышнике, — сказал я со смесью уверенности и грусти, что заставило Бранвен отвлечься от ступы и порошка. — Я наблюдал за ней, видел, как она

сидит в гнезде каждый день. Она отложила одно единственное яйцо и защищала его от опасностей. И теперь, наконец, из яйца вылупился молодой птенец, вышедший из тьмы на свет. — Бранвен внимательно посмотрела на меня перед тем как ответить.

— И, — спросила она дрожащим голосом, — он уже полетел?

Я медленно потряс головой:

— Ещё нет, но очень скоро должен.

— Может ему... — Бранвен сглотнула, перед тем как продолжить, — Может ему следует ещё ненадолго остаться с мамой в их общем гнезде?

Я нахмурился.

— Все должны улетать, когда становятся готовы.

— Но куда? Куда он направится?

— В данном случае, он направится искать себя.

После паузы я добавил:

— А для этого ему нужно найти своё прошлое.

Бранвен схватилась за голову:

— Нет. Ты же не думаешь об этом. Ты ничего

не изменишь, если отправишься... туда.

— Я ничего не изменю если останусь здесь, — я шагнул к ней. Хоть мои глаза ничего и не видели, я пристально посмотрел на неё её своим новым зрением. — Если ты не сможешь или не захочешь сказать мне откуда мы родом, то мне придётся искать самому. Пожалуйста, пойми меня! Я должен найти своё настоящее имя. Должен найти своих настоящих родителей. Должен найти свой дом.

— Постой, — взмолилась она в отчаянье. — Ты лишь мальчишка двенадцати лет! К тому же наполовину слепой! Ты не понимаешь всей опасности. Послушай меня, Эмрис. Оставшись здесь со мной всего на несколько лет, ты станешь юношей и возмужаешь. Тогда сможешь выбрать кем хочешь быть. Бардом. Монахом. Кем угодно.

Увидев мой пустой взгляд, она зашла с другой стороны:

— Чего бы ты не хотел, не решай прямо сейчас. Я могу рассказать тебе историю, что-нибудь, что поможет отвлечься от этого безумия. Как насчёт одной из твоих любимых?

Например, о странствующем Друиде, спасшем Святую Бригид от рабства? — Не дождавшись моего ответа она начала:

— Настал день в жизни Святой Бригид, когда она...

— Остановись, — я покачал головой, — Мне нужно узнать свою собственную историю.

Она устало встала на ноги:

— Я оставила позади больше, чем ты когда-либо мог знать. И знаешь что? Мы с тобой спаслись тогда. Тебе не достаточно этого?

Я не отвечал.

— Ты действительно собираешься сделать это?

— Ты можешь пойти со мной.

Она облокотилась о стену, чтобы устоять.

— Нет! Я не могу.

— Тогда расскажи мне как вернуться туда.

— Нет.

— Ну хотя бы с чего начать.

— Нет.

Я почувствовал внезапное желание увидеть её сознание, как тогда, когда хотел увидеть сердцевину цветка. Но огни вспыхнули,

подавив эти мысли. Я помнил о своём обещании и, конечно, о страхах.

— Ответь лишь на один вопрос, — попросил я. — Однажды ты сказала, что знаешь моего деда. Но знаешь ли отца?

Она вздрогнула.

— Да, я знала его.

— И он был не человеком? Был... демоном?

Она вся сжалась и после долгой паузы заговорила, её голос, казалось, доносился сквозь пелену прожитых лет:

— Я скажу лишь одно. Если тебе когда-либо придётся встретиться с ним, помни: Он не такой, каким кажется.

— Я запомню. Но может ты скажешь ещё что-нибудь?

Она покачала головой.

— Мой отец! Я просто хочу знать кто он!

— Будет лучше если ты никогда не узнаешь.

— Почему?

Вместо ответа она снова печально покачала головой, а затем подошла к низкому столу, на котором располагалась коллекция её трав. Она ловко подобрала некоторые и смешала с

крупным порошком, а затем положила всё это в кожаный мешок на верёвке. Вручив мне его, она твёрдо произнесла:

— Это может помочь тебе прожить немного дольше.

Я попытался было ответить, но она заговорила снова:

— Возьми это от женщины, которая хотела бы, чтобы ты называл её мамой. — Она медленно потянулась к своей робе и достала из-под неё драгоценный кулон.

Несмотря на ограничения моего зрения, я увидел вспышку зелёного цвета.

— Но он же твой.

— Тебе он пригодится больше.

Она сняла кулон и сжала его сердцевину в последний раз перед тем как надела кожаный шнурок на мою шею.

— Он называется... Галатор.

После этого слова у меня перехватило дыхание.

— Оберегай его, — продолжила она. — В нём великая сила. Если он не спасёт тебя, то не спасёт ничто на земле.

— Ты защитила меня. Свила хорошее гнездо.

— На некоторое время, возможно. Но теперь...

— её глаза наполнились слезами, — теперь ты должен лететь.

— Да, время пришло.

Она аккуратно дотронулась до моей щеки.

Я повернулся и вышел из комнаты. Звук моих шагов эхом отражался от каменных стен коридора.

10: Старый дуб

Переступив через резные деревянные ворота Церкви Святого Петра, я сразу же погрузился в суматоху Каер Мирдин. Моё слабое зрение не скоро привыкло ко всем движениям на улице. Телеги и лошади проезжали по каменной дороге, проходили и ослы, овцы, свиньи и несколько ободранных собак. Торговцы зазывали в свои лавки, нищие хватались за одежды прохожих, вокруг жонглирующего мужчины собирались зрители, и люди всех сортов проходили мимо, неся корзины, свёртки, свежие овощи или стопки ткани.

Я посмотрел за плечо на боярышник, ветки которого едва отличал от стены церкви. Из-за боли, пережитой в этом месте, я желал сбежать от тихого спокойствия своей комнаты, медленного пения монашек, птицы, сидящей в глубине веток. И, в большей степени, чем думал, я хотел сбежать от Бранвен.

Наблюдая за силуэтами людей, животных и товаров, я заметил подобие святыни на другой стороне улицы. Из интереса мне захоте-

лось подойти поближе, хоть для этого и нужно было преодолеть быстро перемещающийся поток людей. Закусив губу, я начал свой путь.

Сразу же меня стали толкать и пинать, разворачивать и стискивать. Поскольку я видел недостаточно хорошо, чтобы увернуться, в меня врезался мужчина, несущий охапку дров. Полена разлетелись во всех направлениях. Проклятья тоже. Затем я врезался в бок лошади. Секунду спустя чуть не потерял свою ступню в колесе телеги. Но как-то мне всё-таки удалось добраться до другой стороны улицы. Я приблизился к святыне.

Она была не очень большой, всего лишь статуя ястреба и чаша с мутной водой под ним. Если кто-то когда-то и ухаживал за этим монументом, то он перестал делать это уже давно. Крылья птицы были сломаны. Основание статуи раскрошилось. Вероятно, только несколько людей из сотен проходящих мимо замечали её.

Но что-то в этой старой забытой святыне привлекало меня. Я приблизился и дотронул-

ся до затёртого клюва ястреба. Из рассказов Бранвен мне было известно достаточно, чтобы понять, что этот монумент, судя по всему, был сделан в честь Мирдина, одного из самых почитаемых древних кельтских богов, который иногда принимал форму ястреба. «Один из Аполлонов кельтов» — так она сказала. Но я был не согласен с её словами о том, что эти духи покинули остров и вспомнил об олене и вепре, сражавшихся за нас в тот далёкий день. Если это действительно были Дагда и Рита Гор, возможно ли, что дух Мирдина тоже всё ещё жив?

Осёл, нагруженный тяжёлыми мешками, сбил меня с ног, и я упал на монумент, погрузившись руками в тёмную воду.

Встряхивая кисти от воды, я попытался представить, каким Каер Мирдин мог быть столетия назад. Бранвен рассказывала, что вместо шумного города здесь был тихий холм с родником, у которого уставшие пастухи могли отдохнуть. Затем, спустя время, на его месте вырос центр торговли, в котором можно было найти товары с ферм Гвинеда и таких отда-

лённых королевств как Гвент, Бринхейниог и Поуис Вадог. Затем пришли Римляне и построили крепость на высоком берегу реки Тайви. И теперь старые походные дороги, такие как та, что ведёт в Каер Ведвид, соединяют город с пышными долинами и глубокими лесами на севере, а река соединяет его с морем. Независимо от того, помнил ли кто-нибудь теперь об этом, разрушенный монумент и название города всё ещё соединяли Каер Мирдин с его далёким прошлым.

Я понял, что это и было целью моего путешествия. Установить связь с прошлым. Найти своё имя. Родителей. И я не знал, куда это путешествие может занести меня и где оно закончится, но я внезапно понял, где оно должно начаться.

Море. Я должен вернуться к морю. К тому самому месту, куда меня вынесло более пяти лет назад.

Возможно, дойдя до туда, я не найду ничего, кроме зазубренных скал, кричащих чаек и бьющихся волн. Но может быть обнаружу ключ, который давно ищу. Это был мой един-

ственный шанс, хоть надежды было немного.

Несколько часов я бродил по городу, придерживаясь небольших улиц, дабы не быть затоптанным толпой. Не привыкнув ещё к ограничениям своего зрения, я постоянно спотыкался, искалечив свои пальцы даже через кожаную обувь. Но несмотря ни на что, я продолжал идти. Во мне была уверенность, что многие люди — не без оснований — принимали меня за неуклюжего олуха, и что ни один из них не догадывается, что мои глаза абсолютно слепы. Так что случайные слова сочувствия от прохожих были о моей плохой реакции, а не о слепоте.

В конце концов я нашёл дорогу, идущую вдоль Тайви. Идя по реке на север, можно было добраться до моей старой деревни, а оттуда я собирался идти к морю.

Напоследок я взглянул на стены города — десять шагов в толщину и двадцать в высоту, — пересёк широкий мост, стараясь не наступать на неровные камни, а затем продолжил свой путь по лесистой долине.

Бредя вдоль реки, я концентрировался на

каждом шагу. Если моё внимание колебалось, даже слегка, то я обычно падал на землю, что повторялось не единожды. Один раз я споткнулся посреди деревенской площади и на меня чуть не наступил осёл.

Но всё-таки получалось неплохо. Я шёл три дня, питаюсь малиной и ежевикой вместе с сыром, что дала мне одна из монахинь. За это время я ни с кем не разговаривал, и никто не начинал разговор со мной. Однажды я помог пастуху вытащить одного из его баранов из ямы и получил корочку хлеба в благодарность. Это был единственный контакт с людьми.

Со временем дорога превратилась в старую тропинку, проходящую через Каер Ведвид. Барки³ сплавлялись вниз по реке, проплывая мимо множества уток и лебедей. Приблизившись к деревне, я сошёл с дороги в тень деревьев, так никто не мог увидеть меня. Иногда я останавливался и ел корни, ягоды или съедобные листья. Ещё раз выпил из ручья около большой сосны, на которой катался во

³ Барки - речные грузовые суда (пер.)

время шторма, и пожалел, что спустился тогда с неё. Почему-то среди деревьев я чувствовал себя дома, как нигде больше в Гвинее.

Поздним днём я дошёл до моста в Каер Ведвид. С другой стороны мелькнул длинный, но сгорбленный силуэт. Я напрягся, стараясь разглядеть его получше, пока ветер вокруг нарастал. Это могло быть дряхлое дерево, но я никогда не видел деревьев на этом месте и не мог отделаться от мысли, что это был силуэт человека, человека с обрубками вместо рук.

Я не медлил и, не смотря на препятствия, смог пробежать мимо деревьев и некоторых домов. Растущие тени ухудшали моё зрение, и пришлось замедлиться. В конце концов, не обнаружив вокруг знаков присутствия людей, я упал на широкий луг. Избитый из-за падений и уставший от бега, я нашёл ложбину в мягкой траве и свернулся калачиком, собираясь поспать.

Солнце, светящее прямо в лицо разбудило меня. Пройдя через луг, я вернулся на дорогу рядом с местом, где она отходила от реки. На

этой дороге не было никого, кроме одного старого мужчины с густой белой бородой, которая качалась в такт его движениям. Я смотрел на него, снова думая о том, что мне хотелось бы отрастить такую же, чтобы скрыть эти ужасные шрамы. Однажды, возможно, так и будет. Если я доживу до этого.

Несмотря на отсутствие населённых пунктов, я не чувствовал себя потерявшимся. Мои воспоминания о пути к морю оказались удивительно точными. Хотя в жизни я ходил по той дороге лишь однажды, во снах я бывал там часто. Мой медленный шаг начал ускоряться, и я уже слышал отдалённый шум бьющихся волн.

Время от времени моя рука тянулась к груди и дотрагивалась до Галатора. Несмотря на то, что мне было известно о нём совсем мало, его присутствие странно успокаивало меня, как и кожаная сумка Бранвен, висящая на плече.

Старая дорога постепенно превратилась в заросшую тропу. В конце она заворачивала в расщелину среди крошащихся скал. В воздухе

чувствовался лёгкий запах соли. Я знал это место, знал из снов.

Чёрная скала, поднимающаяся на высоту двадцати моих ростов. Моёвки, с криками летящие меж скал. Тропа резко поворачивала вправо, обрываясь там, где я и предполагал.

У океана.

Передо мной растянулись серо-голубые воды без конца и края. Запах водорослей щекотал нос. Волны бились о берег, а затем уходили, шлифуя песком скалы. Чайки кружили всюду, громко крича.

Я пересёк чёрный барьер скал, огибая лужи и коряги, оставшиеся после прилива. «Ничего не изменилось» — мелькнула мысль. Волны омыли мои стопы, когда я посмотрел на запад. Туман моего зрения слился с туманом над водой. Я пытался разглядеть хоть что-то, но это казалось невозможным.

Ничего не изменилось. Чёрные скалы, солоноватый ветер, бесконечный ритм волн. Как и раньше. Скрыт ли ключ к разгадке моей тайны где-то здесь? Если да, то какие у меня шансы найти его? Море было таким огром-

ным, а я таким... крошечным. Моя голова опустилась на грудь. Я стал бесцельно ходить, шлёпая кожаными ботинками по холодной воде.

Но вдруг заметил одну вещь, которая изменилась. Старый дуб, всё такой же громадный, был лишён почти всей своей коры, которая лежала ошмётками среди корней. Множество сломанных и раскрошенных веток усыпали скалистый берег. Даже в гроте под стволом, где я пережил атаку вепря, всё было раскурочено и вскопано. Старое дерево погибло.

Приближаясь к его останкам, я споткнулся, проткнув ногу острым камнем, но сдержал крик от боли, не желая предупредить диких вепрей из леса о своём присутствии. Не важно, был ли тот вепрь действительно Рита Гором, в любом случае, он жаждал оросить свои клыки кровью. Если же он заявится сюда сейчас, мне негде будет спрятаться. И, что ещё важнее, сейчас нету Дагды, который защитил бы меня.

Плечи и ноги болели. Я сел на безжизненные корни и дотронулся рукой до краёв грота,

чувствуя отметины, оставленные клыками вепря. Те события казались совсем недавними, близкими. Но теперь этот дуб, крепость которого казалась вечной, стал лишь скелетом.

Я пнул лоскут коры, зная, что сам не сильно отличаюсь от этого дерева. Я вернулся на это место, если не мёртвым, то очень близким к смерти... будучи почти слепым и совершенно потерянным.

Я сидел там, опустив голову на руки, рассеяно уставившись в горизонт. Волны стали отходить. Постепенно граница в виде песчаной линии между скалами и морем расширялась, разделяя их всё больше.

Рак отшельник скитался по песочной местности. Я наблюдал, как он борется с полураскрытой ракушкой на краю одной из приливных луж. После долгих попыток рак наконец получил свою добычу — раковину с прожилками почти оранжевого цвета. Я понял, что он празднует обретение нового дома. Но перед тем как он успел насладиться успехом, внезапный морской ветер унёс от него рако-

вину. Она скользнула на небольшую лужу и поплыла, как маленькая лодка, покачиваясь на ряби.

Смотря за оцепеневшим раком, наблюдающим, как заработанное с трудом сокровище уплывает от него, я позволил себе язвительную усмешку. Вот как устроен мир. Ты думаешь, что нашёл то, о чём мечтал, а потом теряешь это навсегда. Думаешь, что обрёл дом, а потом наблюдаешь, как он уплывает.

Уплывает. Вопреки здравому смыслу, я вдруг стал одержим одной идеей. Дикой, безнадежной и безумной идеей.

Я построю плот! Возможно это самое дерево, спасшее меня однажды, снова сможет помочь мне. Возможно эти самые волны, которые однажды выбросили меня на берег, унесут меня обратно в море. Я доверюсь. Просто доверюсь этому дереву и этим волнам.

Мне нечего терять, кроме собственной жизни.

11: Плавание

Я построил плот из веток древнего дуба, связанных подобием верёвки, сделанной из бересты. Из-за своего неполноценного зрения я часто промахивался с размерами и прочностью узлов, но постепенно всё же сумел построить плот. В его центре я поставил полый кусок ствола, чашевидная форма которого позволяла мне удобно расположиться. В конце я связал края несколькими длинными прядями водорослей, валявшихся вокруг скал.

Когда всё было готово, солнце уже начало заходить за горизонт. Я подтащил свою скромную лодку к краю воды. Перед тем как отправиться, мне вдруг захотелось подойти к той приливной луже, где всё ещё плавала раковина. Я вытащил её из воды и положил на песок, чтобы рак снова смог обрести дом.

Когда я погрузился в холодную воду, закричала чайка, наверное, смеясь надо мной, а когда пришла пора запрыгнуть на моё хилое судёнышко, я замешкался. Противоположные миры разрывали меня. Я стоял прямо на краю

— между землёй и водой, прошлым и будущим. На мгновение я даже потерял решимость. Волны бились о мои бёдра, те же самые волны, что чуть не поглотили меня. Возможно я поспешил, возможно стоит вернуться на берег и придумать план получше.

Но как только я задумался, луч солнца озарил остатки старого дуба, окрасив ствол в цвета огня. Это напомнило мне о другом дереве, огни которого оставили на мне столь глубокие раны. И я понял, что должен попытаться найти ответы на свои вопросы.

Я запрыгнул на плот, сел на чашевидный обломок ствола, вытянул ноги и ещё раз посмотрел на чёрные скалы, перед тем как отвернуться от берега. Погрузив руки в холодную воду, я отгрёб на несколько десятков метров, пока совсем не устал. Уходящее солнце, всё ещё способное согреть мою мокрую кожу, украшало воду множеством пятен разных цветов, большинство из которых я не мог различить. Не имея возможности видеть, я всё-таки ощущал паутинки розового и золотого цвета, танцующие прямо под волнами.

Отлив уносил меня всё дальше от берега, а ветер дул в спину. Я не знал, куда море может привезти меня и мог лишь довериться ему.

В моей голове появлялись образы древних моряков, таких как Бран Благословенный, Одиссей и Иона, истории которых я слышал от Бранвен. Я подумал, что никто, кроме Бранвен, наверное, никогда не заинтересуется моим морским путешествием, и мне захотелось когда-нибудь встретиться с ней, чтобы рассказать о нём. Но в глубине души я понимал, что никогда не увижу её снова.

Чайка с чёрным окрасом на голове летела позади, скользя по морской глади в поисках пищи. С громким криком она повернула в сторону моего плота и села на его край. Схватив клювом водоросли, скрепляющие ветки, она начала неистово тянуть и крутить их. — Уйди! — я замахал руками в её сторону. Последнее, чего бы я хотел в этот момент, чтобы мою маленькую лодку потопила голодная птица.

Чайка отпустила водоросль, с визгом поднялась в воздух и закружила над плотом. Че-

рез несколько секунд она приземлилась снова, на этот раз на мою коленку.

Жёлтый, почти как солнце, глаз птицы изучал меня. Видимо подумав, что я слишком большой или костлявый для еды, она повернула голову и взлетела снова, направившись к берегу.

Я зевнул, наблюдая за тем, как она улетает. Непривычное покачивание волн клонило меня в сон ещё и потому, что я провёл последние несколько дней в пути из Каер Мирдин. Но как лечь спать? Я мог упасть с плота или, что ещё хуже, упустить что-то важное.

Я попытался отдохнуть без сна и, согнув спину, положил голову на колени. Чтобы не уснуть, я сосредоточился на медленно опускающемся солнце. В этот момент большой пылающий диск остановился прямо над водой, проведя через волны дорожку света, ведущую к моему плоту. Она была похожа на дорогу из золота, путь через большую воду.

Я задумался над тем, куда этот путь может вести. И куда ведёт мой собственный?

Посмотрев через плечо, я понял, что уже

немного отплыл от берега. И как только ветер кончился, стало понятно, что мой плот поймал течение. Он постоянно подпрыгивал на волнах, но несмотря на это, крепление всё ещё оставалось целым. Облизнув губы, я почувствовал на них солёные капли брызг. Снова положив голову на колени, я не смог удержаться и опять зевнул.

Увеличивающееся алое солнце зажгло облака различными цветами, которые были для меня полупрозрачными, в отличие от довольно чёткого силуэта пылающего диска. В определённый момент, солнце, словно лопнувший наконец пузырь, пропало среди волн.

Но я даже не обратил внимание на резкую темноту, потому что сон победил меня.

Внезапный всплеск холодной морской воды пробудил меня. Наступила ночь. Самый тонкий в моей жизни полумесяц окружили звёзды. Я прислушался к непрерывному покачиванию морских волн, к их ударам о мой деревянный плот. В эту ночь было невозможно уснуть. Дрожа, я плотно прижал ноги к груди и стал ждать того, что море пожелает

показать мне.

Солнце поднималось за моей спиной, и я обнаружил, что берег Гвинеда исчез. Никаких величественных скал вокруг. Только маленький клочок облаков растянулся как вымпел там, где, как я предполагал, могла быть вершина Й Видфы.

Одна из веток выскочила из своего крепления, и я поспешно завязал её снова. С каждым часом мои конечности всё больше деревене-ли, но я не мог потянуться, не упав при этом с плота. Волны неустанно бились о лодку, заде-вая меня брызгами. Палящее солнце жгло кожу на моей шее, а губы и горло пересыхали с каждым часом всё больше. Никогда ещё меня не одолевала такая жажда.

Ещё на закате я заметил группу силуэтов, плещущихся на поверхности воды. Несмотря на то, что их было семь или восемь, ониплыли идеально синхронно, передвигаясь словно одна волна, поднимаясь и опускаясь одно-временно. Затем, проплывая мимо плота, они сменили курс и сделали полный круг вокруг меня, второй, третий, прыгая среди своих соб-

ственных пенящихся следов.

Это были дельфины? Или подводные существа, которых Бранвен называла русалками, наполовину люди наполовину рыбы? Я не мог разглядеть. Но их появление удивило меня, и, смотря на их уплывающие силуэты, блестящие от золотых лучей солнца, я пообещал себе, что, если выживу, то сделаю всё возможное, чтобы исследовать загадочные глубины моря.

Прошла ещё одна ночь, такая же холодная, как и предыдущая. Полумесяц полностью исчез, поглощённый звёздами, и я вспомнил созвездия, вместе с историями Бранвен об их происхождении. После долгих поисков, я смог обнаружить некоторые из них, включая моё любимое — созвездие Пегаса. Я представил, что постоянное покачивание моего плота — это скачки, скачки коня, пересекающего небо.

Я уснул и увидел себя во сне на спине огромного крылатого коня, но сказать, был это сам Пегас или нет, я не мог. Мы тут же попали в центр сражения. Мрачный замок, занятый призрачными стражами, возрос перед

нами. И, да! Он крутился, поворачиваясь у самого основания. Он затягивал нас всё ближе и ближе давя своей огромной высотой. Я всеми силами пытался сменить направление, но у меня не получалось. Вот-вот мы врежемся прямо в стены замка.

В этот момент я проснулся. Всё моё тело дрожало, но не от холода. Сон не покидал моих мыслей весь следующий день, но я так и не смог разгадать его значения.

Поздним вечером на западном горизонте возросла тьма. Волны поднимались всё выше, бросая моё судёнышко из стороны в сторону, а ветер хлестал меня морскими брызгами. Плот стонал и трещал. Несколько верёвок из водорослей порвались и посреди моего «сидения» появилась трещина. Но по большому счёту шторм прошёл мимо меня. С сумерками вода успокоилась. Я весь промок и очень хотел пить, но мы с плотом остались целы.

Этой ночью я сосредоточился на починке креплений. Когда я сел, скрестив ноги, холодный ветер начал хлестать меня по лицу. Новая туча, ещё более тёмная, появилась среди

звёзд. Она мгновенно накрыла небо с юга, потом добралась до меня, а после погрузила во тьму всё небо.

Моё второе зрение оказалось бесполезным. Я ничего не видел. Был ещё более слеп, чем в тот день, когда впервые прибыл в церковь.

Сильные волны возросли, бросая мой плот, как лёгкую щепку. Вода била меня по лицу, спине, рукам и ногам. На этот раз шторм не исчез. Наоборот, он возрос, набирая силы с каждой минутой. Согнувшись, я прижался к плоту так сильно, как только мог, словно ёжик, испугавшийся за свою жизнь. Я схватился руками за края плота, зацепившись за неровности в древесине.

Мои силы! На мгновение я подумал использовать их. Возможно я могу скрепить ветки вместе или даже успокоить волны! Но нет. Я дал обещание. К тому же силы пугали меня гораздо сильнее, чем этот шторм. Правда заключалась в том, что я ничего не знал о магии, кроме ужасных последствий — запаха горячей плоти, криков окружающих людей и агонии от сожжения собственных глаз. Хоть

мои силы и могли бы помочь мне, я знал, что никогда не буду использовать их снова.

На протяжении всей ночи шторм бешено выл. Стены воды падали на меня, а огромные волны подкидывали. В определённый момент я вспомнил историю о Бране Благословенном, пережившем жестокий шторм в море, и она дала мне надежду, что я тоже могу уцелеть. Но эта надежда быстро утонула под натиском океана.

Обе мои руки оцепенели от холода, но я не решался отпустить их, чтобы попытаться согреть. Большинство моих верёвок порвалось. Одна ветка треснула по середине. Спина ныла почти так же сильно, как голова. Что-то внутри меня знало, что этот шторм провозглашает конец моего путешествия.

Поднимающееся солнце лишь слегка осветило небеса, и этого было достаточно, чтобы я снова мог видеть очертания окружающего мира. Но как только моё второе зрение стало возвращаться, огромная волна врезалась и выбила из меня остатки дыхания. Верёвки порвались и плот развалился на части.

В этот ужасающий момент, погружаясь в бурлящее море, избиваемый потоками воды, я удачно схватился за проплывающую мимо ветку, когда волны стали накрывать меня одна за другой.

Силы покидали меня, и я начал отпускать хватку. Неистовый шторм продолжал бить и бросать меня в разные стороны. С восходом нового дня, во мне была уверенность, что он окажется моим последним. Я едва заметил облака странной формы, нависшие прямо над самой водой, словно впереди был остров, сделанный из тумана.

С жалобным криком я отпустил хватку. Вода полилась в мои лёгкие.

Часть вторая

12: Павший воин

Нет больше волн. И воды, поглощающей меня.

Снова я очнулся на неизвестном берегу. Мои уши почувствовали знакомый шум прибоя, рот — знакомый вкус соли. И страх сковал мои внутренности.

Были ли годы мучений в Гвинее всего лишь сном? Ужасным и странным сном?

Я знал ответ ещё до того, как мои руки, испачканные песком, дотронулись до покрытого шрамами лица, до того как я почувствовал тяжесть Галатора, висящего на шее. Всё в Гвинее было настоящим. Таким же настоящим, как крепкий и странный запах земли, на которой я оказался, (как бы она не называлась).

Я повернулся набок, чувствуя, как хрустят береговые ракушки, а затем сел, сделав хороший глоток воздуха. На вкус он был сладким, как запах летнего луга, только ощущался острее. По-настоящему.

Хоть я и слышал шум морских волн неда-

леко от себя, не мог увидеть их своим вторым зрением, но дело было явно не в моих слабых способностях. Волны были сокрыты от меня движущейся стеной тумана, тумана настолько густого, что он обволакивал всё вокруг.

Внутри тумана шевелились причудливые тени, они появлялись, соединялись вместе, а затем исчезали. Я увидел что-то вроде огромной арки с закрытыми дверьми. Она растворилась и на её месте возник хвост, покрытый шипами, достаточно большой для дракона. Затем, прямо на моих глазах, хвост превратился в огромную голову с носом формы картошки. Будто она принадлежала туманному гиганту, голова медленно повернулась в моём направлении, её губы зашевелились, говоря что-то, а затем она пропала в зыбком облаке.

Размяв затёкшую спину, я оглянулся. Этот пляж, в отличие от северного берега Гвинеда, был нежной линией, соединяющей землю и море. Никаких нагромождений зубчатых скал, покрывающих берег, только розовые, белые и пурпурные ракушки, рассыпанные по песку. Подобно зелёной змее, по пляжу ви-

лась лоза.

Розовый. Пурпурный. Зелёный. Тут меня осенило. Я могу видеть цвета! Не так хорошо, как до пожара, но намного лучше, чем перед тем как море превратило мой плот в щепки.

Но стоп. Это невозможно. Осмотрев свою кожу и тунику, я понял, что они не стали ярче, чем прежде.

Оглянувшись назад, я всё осознал. Дело было не в том, что улучшилось моё зрение, а в том, что это место излучало более яркие цвета. Ракушки, листья и песок здесь светились ярче и казались глубже. Если даже моё второе зрение видит всё гораздо яснее, насколько ясным может быть этот мир для человека с глазами, которые видят по-настоящему!

Я поднял одну из ракушек необычной формы. Фиолетовые линии трещинами проходили по её сияюще-белому телу. Она ощущалась в моей ладони как рука старого друга.

Я приложил ракушку к уху, надеясь услышать знакомый шум из её глубин. Но вместо него я услышал странный хриплый звук, буд-

то голос, доносящийся издалека.

От неожиданности я задержал дыхание. Опустив раковину, я заглянул внутрь. Ничего необычного. Должно быть мне просто показалось. Снова я поднёс её к уху и снова услышал голос. На этот раз даже более отчётливый. Мне слышалось: «Берегиись, берегиись».

Я резко опустил ракушку. Ладони вспотели, желудок скрутило. Я встал. Мои ноги, руки и спина ужасно болели. Я уставился на ракушку и спустя время потряс головой. Морская вода в моих ушах. Наверное всё из-за неё.

Вода. Нужно найти пресной воды. Даже от одного глотка я почувствую себя лучше.

Я взобрался на вершину дюны, изгибающейся над пляжем. От увиденного у меня перехватило дыхание.

Густой лес, в котором разноцветные птицы порхали среди верхушек деревьев, простирался далеко на запад. На горизонте высились туманные волны холмов, на порогах которых, зелёный лес смешивался с голубым небом. Между мной и лесом раскинулась пышная

долина, покрывающая землю мягким ковром травы. Потоки воды, залитые солнцем, спускались через лес к долине и сливались в одну большую реку, стремящуюся к морю. Вдалеке росло ещё больше деревьев, которые расположились более упорядоченными рядами, чем лес, и больше походили на давно посаженный кем-то сад.

Я уже было собрался спуститься в долину и утолить свою жажду, но вдруг что-то ещё привлекло моё внимание. Хотя я видел только небольшой край восточного берега, он казался гораздо менее зелёным. Скорее он был даже красно-зелёного цвета пожухлых листьев. Или ржавчины. У меня было странное чувство, но я подумал, что это скорее всего какой-то особый вид растительности. Или, возможно, игра света, вызванная скоплением тёмных облаков, покрывших восточный горизонт.

Почувствовав сухость в горле, я снова повернулся к долине и зелёному лесу. Пора напиться! А затем я исследую этот окутанный туманом остров, если, конечно, я действи-

тельно попал на остров. Не смотря на происшествие с раковиной, это место, хоть и не вызывало у меня доверия, но возбуждало желание остаться и изучать всё вокруг. Возможно дело было в особенно ярких цветах или просто в том, что сюда меня привели морские волны, которым я доверился. Какой бы не была причина, я ненадолго останусь — но только ненадолго — и если не найду здесь нитей моего прошлого, то немедленно покину это место. Снова сам построю себе плот, более крепкий, чем предыдущий, и продолжу путешествие.

Я начал спуск с дюны. Песок вскоре сменился травами, которые клонились под ароматным ветром, и хоть после путешествия у меня всё ещё болела каждая частичка тела, я разогнался на спуске и вскоре уже бежал по открытому полю. Ветер подул мне в лицо, и я понял, что бегу впервые после отбытия из Каер Мирдин.

Добравшись до потока светящейся от бликов солнца воды, я встал на колени около покрытого мхом камня. Чистая холодная вода

покрыла мою кожу, взбодрив меня не хуже, чем цвета и запахи этого места. Я выпил очень много, почувствовал, как надулся мой живот, икнул, а затем выпил ещё.

Наконец насладившись, я облокотился на локоть и принялся пить не воду, а свежий, пряный воздух. Трава щекотала мой подбородок, из-за её высоты проходящий мимо человек мог принять меня просто за коричневую корягу у ручья. Я прислушался к шороху стеблей, качающихся вместе, к шуму ветра в лесу, непрерывному танцу ручья. Длинноногий жук красного цвета лениво полз по складкам моей туники.

Внезапный порыв ветра, со свистом пронёсшийся прямо над моей головой, вывел меня из состояния блаженства. Что-то пронеслось над моей головой со скоростью стрелы, но я понятия не имел, что это могло быть. Я осторожно приподнялся. Моё второе зрение обнаружило движение в траве ниже по течению. Я встал на ноги.

Пронзающий свист донёсся из травы, а следом шипение и рычание. Раздражённые зву-

ки возрастали с тем, как я приближался. Через несколько шагов я остановился от потрясения. Самая большая крыса, которую я когда-либо видел, размером с моё бедро, с мощными ногами и зубами, острыми, как кинжал, боролась с маленьким ястребом с коричневым хвостом и серой спиной. Мерлин⁴. Несмотря на то, что крыса была раза в три больше птицы, их шансы казались примерно равными.

Они сражались яростно. Когти мерлина крепко сжали голову крысы. Крыса корчилась, стараясь укусить и оцарапать голову врага, прижимая птицу к земле. Но мужество ястреба придавало сил его небольшому телу, и он кричал, врезаясь когтями всё глубже, покрывая кровью голову крысы. Летели перья и брызги крови. Царапаясь, кусаясь и рыча, они бросались друг на друга в диком исступлении.

Битва бы продолжилась ещё некоторое время без победителя, но из зарослей выбе-

⁴ Мерлин — птица из семейства соколиных. (В среднем 30 см в длину и 60 см размах крыла.)

жала ещё одна крыса. Может из-за преданности своему роду, а может и скорее всего из жажды лёгкой добычи, она вступила в бой. Сомкнув челюсти на одном из крыльев птицы, она злобно тащила его из стороны в сторону.

Мерлин кричал от боли, но каким-то образом держался. Первая крыса, лицо которой было расцарапано когтями, отпустила свою хватку и обошла птицу с другой стороны. Между тем, разорванное крыло мерлина болталось, бесполезно хлопая, а один из его когтей оторвался. Чувствуя, что её победа уже определена, другая крыса освободила свои зубы от нескольких перьев, попавших ей в рот. Затем её ноги напряглись в готовности наброситься на почти лишившуюся сил птицу.

В это мгновение я побежал и ударил вторую крысу в грудь, так сильно, что она закатилась в заросли. Увидев это, первая крыса прекратила сражение и посмотрела на меня своими кроваво-красными глазами. С жестоким ударом, она бросила мерлина на траву. Птица осталась лежать на спине, не в силах

пошевелиться.

Крыса пронзительно зашипела. Я сделал шаг вперёд и занёс руку для удара. Она по всей видимости уже устала драться на тот момент, поэтому повернулась и скрылась среди высоких стеблей травы.

Я наклонился, чтобы осмотреть мерлина. Хоть его глаза — две чёрные точки, окаймлённые желтым — были раскрыты лишь наполовину, они внимательно наблюдали за мной. Когда я потянул руку, птица крикнула и выпустила один из своих когтей, порезав мне запястье.

— Что ты делаешь, глупая птица? — Прокричал я, приложив кровоточащее запястье к губам. — Я пытаюсь помочь тебе, а не ранить.

Снова я потянулся к павшему воину. Снова птица закричала и порезала меня своим когтем.

— Довольно! — качая головой от растерянности, я поднялся, чтобы уйти.

Перед тем как покинуть место битвы, я ещё раз посмотрел на мерлина. Его глаза наконец-то закрылись. Он лежал на траве весь дрожа.

Сделав глубокий вдох, я вернулся. Осторожно поднял птицу, избегая когтей, на случай, если она оживёт снова. Держа в руках тёплое, покрытое перьями тело, я думал о том, что любое существо, даже такое жестокое, может также быть очень нежным. Ощупав раненное крыло, я мог сказать, что, несмотря на то, что кожа и мышцы были порваны, кости не пострадали. Дотянувшись до сумки, которую дала мне Бранвен, я взял щепотку сушёной травы и освежил её несколькими каплями воды из ручья. Краем своей туники я очистил раны от зубов крыс. Некоторые из них были довольно глубокими, особенно вдоль верхнего края крыла. Аккуратно, я обработал раны.

Мерлин напрягся и открыл один глаз. Однако в этот раз он не ударил меня. Видимо у него не было сил даже чтобы крикнуть, поэтому он просто смотрел на меня с опаской.

Закончив с ранами, я продолжал держать птицу в руках и думал, что делать дальше. Оставить его здесь, у ручья? Нет, крыса обязательно вернется и закончат свою работу.

Взять его с собой? Нет, мне не нужны лишние попутчики, а уж тем более такие опасные.

Увидев на краю леса дуб с широкими ветвями, я понял, что делать. Положив птицу на землю, я принялся скручивать из травы неопрятное гнездо. Затем, взяв птицу в руку и гнездо под мышку, я взобрался на одну из низких ветвей, всю покрытую мхом. Положив гнездо на место, где ветвь соединялась со стволом, я опустил в него беспомощную птицу.

На секунду я взглянул в вызывающие, окаймлённые жёлтым глаза птицы. Затем спустился и шагнул в лес.

13: Связка листьев

Гуляя среди сплетённых корней и ветвей деревьев, я ощущал себя странно.

Это не было связано с моим вторым зрением, хоть свет действительно был тусклым, и лишь случайные лучи достигали лесной земли. Это не было связано с запахом смол, который я чувствовал сильнее, чем в тот день, когда пережил шторм в объятьях великой сосны под горой Й Видфа. И не было связано с различными шумами, вроде шелеста листьев, обеспокоенных ветром, скрипа ветвей или хруста хвороста под ногами.

Странное ощущение было вызвано не этими вещами. Разве что их совокупностью. Звук. Запахи. Тусклое освещение. Но впереди всего чувство, будто что-то в лесу знало, что я здесь. Будто что-то наблюдало за мной. И снова странный шёпот, похожий на тот, что я слышал в ракушке, теперь звучал отовсюду.

Я увидел облокотившуюся о ствол кедра ветку, почти с меня ростом — хороший посох мог бы помочь мне преодолеть путь через

тускло освещённую чащу леса. Я потянулся за ней, но когда уже собирался дотронуться до середины, свободной от сучков, ахнул и отступил.

Она шевельнулась! Веточки задвигались, словно маленькие ножки. Узловатый ствол согнулся и прополз по коре кедра вниз к корням и кустам папоротника. Через несколько секунд существо-ветка исчезло, как и моё желание найти посох для похода.

Затем меня посетила знакомая мысль: «Забраться вверх!». Может быть не на самую верхушку дерева, но достаточно высоко, чтобы навесы из ветвей не заграждали обзор. Выбрав долговязую липу, сердцевидные листья которой дрожали словно поверхность реки, я начал подъём. Мои руки нащупали множество неровностей, и я продвигался быстро.

На высоте пяти моих ростов, видимость сильно изменилась. Гораздо больше лучей пробивало сетку из ветвей, улучшая моё зрение. Через дрожащие липовые листья я увидел рядом с головой круглое пятно мха, но из-

за случая с посохом решил не трогать его. Передо мной появились синяя и оранжевая бабочки, плывущие среди ветвей. Паук и его мокрая от росы паутина свободно качались на ветру. Белки с большими глазами шумно переговаривались. Золотая птица перепрыгивала с ветки на ветку. И только одна вещь не изменилась: странный шёпот продолжал звучать вокруг.

Обернувшись, я мог разглядеть травянистое поле на котором встретил мерлина. Чуть дальше, за стеной тумана, простиралось море. Я заметил всплески большой реки. К моему удивлению, волна поднялась с её порогов, волна, похожая на огромную руку. Я знал, что это невозможно. Но тем не менее, когда рука поднялась, перед тем как упасть со всплеском, и вода стала стекать меж её пальцев, на меня нахлынули удивление и страх.

Затем связка листьев надо мной свободно оторвалась и вместо того чтобы упасть вниз, переместилась на другое дерево. Мистическим образом ветви второго дерева поймали копну, крепко сжав её, и снова выбросили

куда-то. Другая ветвь перехватила связку, согнулась с оттяжкой и бросила назад. Она вертелась в воздухе, путешествуя меж стволов, словно в каком-то танце. Казалось, будто деревья этой рощи играли друг с другом, подобно тому, как дети могут играть в клубок ниток.

Со временем связка листьев опускалась ниже и ниже, пока не достигла лесной земли, чтобы отдохнуть на коричневом ковре хвойных игл.

Я ахнул. Из связки внезапно выступила длинная ветвь. Нет, не ветвь, а рука в рукаве из сплетённых лоз. Затем ещё одна. Одна нога, потом другая. Голова с вплетёнными в волосы блестящими листьями. И появились глаза, серые с голубым оттенком, словно кора бука.

Покрытое листьями существо громко рассмеялось. Смех, полный и чистый, пронёсся меж деревьев словно звон красивого колокольчика.

Я наклонился ближе, пытаюсь увидеть больше деталей. И сразу же мог сказать, что

эта связка листьев в действительности является девчонкой.

14: Рия

Внезапно подо мной что-то хрустнуло. Я упал на землю, сломав по пути множество веток. Об одну из них я ударился грудью, об другую поясницей, о третью лопатками, о четвёртую ягодницами. С глухим стуком я упал на подушку из иголок.

Со стоном я повернулся на бок. В добавок ко всей тяжести моего полёта и постоянной боли меж лопаток, заболело всё моё тело. Я медленно поднялся и увидел прямо перед собой лицо той девочки.

Она перестала смеяться.

На протяжении долгой секунды никто из нас не шевелился. Не смотря на тусклое освещение, я мог сказать, что девочка примерно моего возраста. Она смотрела на меня, стоя неподвижно, словно одно из деревьев вокруг. В противовес голубым глазам, её одежда из лоз была зелёно-коричневой, так что она вполне могла сойти за небольшое дерево. Но глаза всё-таки нельзя было просто убрать. Они вспыхнули гневом.

Она произнесла приказ на странном шелестящем языке, подняв одну руку вверх, словно хотела отогнать муху. Тут же ветви папоротника обвили моё туловище, руки и ноги. Они резко подняли меня вверх и сильно сжали, чем больше я сопротивлялся, тем туже они сжимались. Я повис в воздухе без возможности пошевелиться.

— Отпусти меня!

— Но так ты больше не сможешь упасть, — девочка говорила на моём языке, кельтском наречии, которым пользовались в Гвинее, но с любопытным певучим акцентом. Выражение её лица сменилось с гневного на весёлое. — Ты сейчас похож на большой коричневый плод, хоть и невкусный.

Она подняла спелую фиолетовую ягоду, растущую на кусте черники прямо под ногами и положила её в рот. Сморщившись, девочка выплюнула её.

— Иф. Не осталось сладких.

— Отпусти меня! — прорычал я, попытавшись освободиться, но ветви сжимали мою грудь так сильно, что я едва дышал.

— Пожалуйста, — хрип с трудом вырвался из моего рта, — я не хотел ... никого обидеть.

Девочка сурово посмотрела на меня.

— Ты нарушил закон Леса Друм. Чужакам запрещено заходить сюда.

— Но... я... не знал, — я задыхался.

— Теперь знаешь. — Она подняла ещё одну ягоду. Очевидно эта оказалась вкуснее предыдущей, потому что девочка проглотила её и потянулась за следующей.

— Прошу... отпусти... меня.

Совершенно проигнорировав мою просьбу, девчонка вернулась к ягодам, съедая их со скоростью собирания. Постепенно она начала отдаляться, ни разу даже не взглянув в моём направлении.

— Подожди! — Она остановилась и раздражённо взглянула на меня. — Ты напоминаешь мне белку, пойманную за кражу чужих орехов. Теперь ты хочешь вернуть их, но слишком поздно. Я вернусь за тобой через пару дней. Если вспомню.

Она повернулась и быстрым шагом направилась в лес.

— Подожди, — я задыхался.

Для моего слабого зрения она скрылась среди стволов деревьев.

Я снова попытался выбраться. Лозы сжались сильнее, вдавливая Галатор под моей туникой прямо в рёбра.

— Стой! Во имя... Галатора.

Её лицо снова появилось среди ветвей. Она осторожно вернулась из чащи и, встав у большого болиголова, смотрела на меня некоторое время. Затем она подняла запястье и сказала несколько шелестящих слов, которые я не мог понять.

Тут же лозы ослабли. Я упал на землю лицом вниз. Выплюнув горсть иголок из рта, я попытался подняться.

Она предупредительно подняла руку. Не желая быть снова закованным в лозы, я подчинился и не шевелился.

— Что ты знаешь о Галаторе? — Я колебался, понимая, что Галатор должно быть действительно важен, раз о нём знают даже на этой далёкой земле. Я осторожно сказал, что мог себе позволить:

— Знаю как он выглядит.

— И я, как минимум из легенды. Что ещё?

— Совсем немного.

— Жаль — сказала она больше себе, чем мне. Приблизившись, она с любопытством посмотрела на меня. — Почему твои глаза кажутся такими далёкими? Они напоминают мне две звезды, сокрытые облаками.

Я остолбенел и защищаясь ответил:

— Это просто мои глаза. — Она снова осмотрела меня, а затем без слова положила остатки своих ягод мне в руку.

Я неуверенно понюхал их. Аромат напомнил мне как я голоден и вопреки здравому смыслу я положил одну в рот. Резкий взрыв сладости окатил мой язык и остатки я съел одним махом.

Девочка продолжала задумчиво изучать меня.

— Я вижу ты пострадал.

Я нахмурился. Она заметила шрамы, — что очевидно, — на моём лице. Но ещё... похоже, что она видела что-то скрывающееся за ними. Я почувствовал необъяснимое желание вы-

сказаться этой странной лесной девочке, но устоял. Я совсем не знаю её, всего несколько секунд назад она собиралась бросить меня среди деревьев. Нет, я не так глуп, чтобы доверять ей.

Она медленно повернула голову, вслушиваясь в отдалённые шумы ветвей. Я заметил замысловатый венчик на её вьющихся коричневых волосах. Хотя я и не был уверен из-за тусклого освещения рожи, но похоже, что у неё треугольные уши, больше вытянутые вверх, как и мои.

Значит ли это, что она как и я, терпела издевательства от окружающих из-за ушей «как у демона»? Или... у всех в этом странном месте такие уши? Возможно ли, что я и эта девочка принадлежим одной расе?

Я вернул свои мысли к реальности. С той же вероятностью ангелам присущи острые уши. Или демонам — прекрасные белые крылья!

Я наблюдал за ней, пока она прислушивалась: — Ты что-то слышишь?

Её серо-голубые глаза вернулись ко мне.

— Только голоса моих друзей. Они говорят, что в лесу чужак, но это я уже знаю. Также они говорят «остерегайся». Стоит ли мне?

Я напрягся, вспомнив голос из раковины.

— Нам всегда стоит быть осторожными, но меня ты можешь не бояться.

Она удивилась:

— Разве я выгляжу напуганной?

— Нет, — я улыбнулся, — надеюсь я не навожу страха.

— Не особо.

— Друзья с которыми ты разговариваешь, они ... деревья?

— Да.

— И ты можешь общаться с ними?

Снова её звонкий смех эхом прокатился по роще.

— Конечно! Так же как общаюсь с животными, птицами и реками.

— И даже с ракушками?

— Естественно. У всего есть свой язык, понимаешь? Тебе нужно только научиться слушать. — Она удивлённо подняла бровь — Почему ты так мало знаешь?

— Я прибыл... издалека.

— Поэтому ты ничего не знаешь о лесе Друм и его правилах. — Теперь её брови нахмурились. — Но всё-таки ты слышал о Галаторе.

— Как я и говорил, слышал мало. — И неаккуратно добавил, — Конечно я готов был сказать что угодно, чтобы освободиться от этих ужасных пут. Ветви папоротника над моей головой слегка дрогнули, и я поёжился.

— Ты знаешь о Галаторе больше, чем хочешь сказать, — уверенно объявила девочка, — Однажды ты расскажешь мне. — Она развернулась и быстро пошла куда-то, точно зная, что я последую за ней. — Но сначала скажи своё имя.

Я осторожно перешагнул упавшую ветку:

— Куда мы идём?

— За едой, конечно, — она повернула налево, следуя по тропе, которую одна могла обнаружить среди огромных зарослей папоротника.

— Теперь ты скажешь как тебя зовут?

— Эмрис, — она окинула меня недоверчивым взглядом, но ничего не сказала.

— А как зовут тебя?

Она остановилась у букового дерева, которое хоть и было старо, но имело на своём скрученном стволе гладкую, как у молодого саженца, кору.

— Мой друг ответит.

Листья старого дерева осторожно зашумели. Сначала я ничего не понял и с недоумением посмотрел на девочку. Но постепенно я начал различать некий ритм. *Rrrришияяя. Rrrришияяя. Rrrришияяя.*

— Тебя зовут Рия?

Мы снова продолжили свой путь и прошли между высокими крепкими и прямыми соснами.

— Риáнон моё полное имя, но я не знаю почему. Деревья зовут меня Рия.

— Не знаешь почему? Разве родители не сказали тебе? — с любопытством спросил я.

Она перепрыгнула через небольшой медленный ручей, в котором среди камышей плавала какая-то коряга.

— Я потеряла семью, когда была ещё маленькой, совсем маленькой. Как птенец, который выпал из гнезда ещё до того как научился ле-

тать. — Не поворачиваясь ко мне, она добавила, — ты тоже похож на такого птенца.

Я резко остановился, схватив её за руку, но тут же её отпустил, увидев как угрожающе склонились ветви окружающих нас деревьев.

— Почему ты так считаешь?

Она посмотрела прямо мне в глаза:

— Ты выглядишь потерянным, вот и всё.

Мы ускорились и больше не говорили, прошли мимо лисицы, не отвлекавшейся от свежепойманного рябчика. Затем местность стала возвышаться, и мы уже взбирались на высокий холм, но, хоть путь стал труднее, Рия не замедлилась. Мне даже показалось, что она стала шагать быстрее. Запыхавшись, я изо всех сил старался не отставать от неё.

— Ты как... Аталанта. — Рия немного замедлилась и улыбнулась:

— Кто это?

— Ататланта, — сказал я, прерываясь на вздохе, — героиня... греческих легенд... которая может бегать... быстрее... чем кто либо... никто не способен... поймать её... если только... не заманит... золотым яблоком.

— Мне нравится. Где ты услышал эту историю?

— От... кое-кого. — Я вытер пот со лба, — Думаю... мне не помешало бы... несколько таких яблок... прямо сейчас.

Рия улыбнулась, но не замедлилась.

Поднявшись чуть выше, мы увидели огромные валуны, треснувшие и покрытые розовым и голубым лишайником, словно гигантские грибы, растущие из-под земли. Пространство между деревьями увеличилось и их кроны пропускали теперь больше света и множество папоротников и цветов проросло вокруг массивных корней и стволов поваленных деревьев.

Вдруг Рия остановилась около ярко-белого дерева с выступом, чтобы подождать меня. Пока я нагонял, она успела приложить ладонь ко рту и издать странный гудящий звук. Мгновение спустя, три маленькие совы с плоскими покрытыми перьями лицами и огромными оранжевыми глазами, появились из дупла где-то посередине ствола. Они внимательно изучили нас, а затем дважды отве-

тили в унисон и скрылись обратно.

Рия повернулась ко мне с улыбкой, а затем продолжила подниматься. Наконец она достигла вершины и остановилась, поставив руки на пояс и наслаждаясь видом. Ещё не закончив свой подъём, я уловил новый сочный аромат, а когда поднялся, затаил жалкие остатки воздуха, оставшиеся у меня после этого похода.

В округлой долине на вершине холма, распростершейся перед нами, росли деревья всех цветов и размеров, не оставив и кусочка свободного места. Их ветви, опустившиеся под тяжестью своей ноши почти до самой травы, были наполнены фруктами. И какими фруктами! Ярко-оранжевые сферы, тонкие зелёные плоды в виде полумесяцев, плотные букеты желтых и синих цветов, светящихся среди мелькающих крыльев бабочек и пчёл. Круглые. Квадратные. Большие. Маленькие. Большинство из фруктов, растущих здесь, я никогда раньше не видел, и даже не мог себе представить. Но не смотря на это, мой рот наполнился слюной.

— Мой сад, — констатировала Рия.

Секунду спустя мы уже поедали всё до чего могли дотянуться. Сок покрыл мой подбородок, шею, кисти и руки. Семена прилипли к волосам, а наполовину съеденные шкурки — к тунике, так что я и сам походил на маленькое фруктовое дерево.

Оранжевые сферы взрывались во рту с терпким вкусом, поэтому перед тем, как прейти остальным фруктам я съел их все. Следующий плод по форме был похож на маленький кувшин и содержал столько семян, что я поморщился и выплюнул его. Мы с Рией засмеялись. Затем я попробовал другой, круглый с дыркой посередине. К моему облегчению, на вкус он был как сладкое молоко и вообще не содержал семян. После я проглотил сразу половину какого-то яйцевидного плода. Хоть у него почти не было вкуса, почему-то я почувствовал грусть и тоску по вещам, которых не хватало в моей жизни.

Когда Рия увидела что я попробовал, она указала мне на спиралевидные бледно-фиолетовые плоды. Я укусил. Вкус, яркий как фи-

олетовый луч, появился у меня во рту. Каким-то образом мои прежние грустные чувства исчезли насовсем.

Рия в свою очередь съела очень много крошечных красных ягод растущих гроздьями по пять шесть штук. Я попробовал одну, но она оказалась настолько сладкой, что мне даже стало противно, и больше пробовать не хотелось.

Я с удивлением наблюдал, как Рия съела десяток таких за раз.

— Как ты можешь есть их в таком количестве?

Она пропустила этот вопрос мимо ушей и продолжила трапезу.

Наконец я почувствовал, что наелся. Наелся даже сверх меры. Облокотившись на один из самых толстых стволов в саду, я сел. Дневной свет проникал между многочисленными листьями и фруктами, и лёгкий ветер нежно протекал по вершине холма. Рия в конце концов тоже достигла своего предела в поедании сладких красных ягод и присоединилась ко мне, сев под стволом так, что её плечо

касалось моего.

Она взмахнула рукой, указывая на множество чудесных деревьев вокруг нас:

— Всё это, — с удовольствием сказала она, — от одного семени.

Мои глаза расширились.

— От одного? Ты же не имеешь ввиду...

— Именно! Семя шоморы даёт не одно дерево, а множество, и плоды не одного вида, а сотен. Но не смотря на такое изобилие, его крайне трудно обнаружить. Есть даже такая поговорка: редкий, как шомора. Во всём лесу Друм есть только одно.

Я глубоко втянул душистый воздух поляны.

— Это не мой дом, но чувствую, что с удовольствием могу задержаться здесь и надолго.

— А где твой дом?

Я вздохнул:

— Не знаю.

— Значит ты ищешь его?

— Да, но не только.

Рия закрутила лозы на своих рукавах.

— Разве твой дом не там, где ты сейчас?

— Ты же не серьёзно — рассмеялся я. — Дом

это место, откуда ты родом. Место, где живут твои родители, где скрыто твоё прошлое.

— Скрыто? Что ты имеешь ввиду?

— Я не помню своего прошлого.

Хоть Рия и казалась заинтригованной, вопросов она больше не задавала. Вместо этого она просто взяла очередную горсть красных ягод и отправила их в рот. Ещё не дожевав, она проговорила:

— Возможно то, что ты ищешь, находится гораздо ближе, чем ты думаешь.

— Сомневаюсь, — я потянулся. — Я ещё изучаю это место, но если не узнаю ничего о своём прошлом, то построю новую лодку и поплыву так далеко, как придётся. К самому горизонту, если потребуется.

— Значит, полагаю, что ты здесь не на долго.

— Вероятно так. Но что это за место? У него есть название?

— Да.

— Какое?

Её лицо слегка омрачилось.

— Это место — остров под названием Финкейра.

15: Напасть

Я подскочил, словно меня ударили хлыстом.

— Финкейра?

Рия с интересом посмотрела на меня:

— Ты слышал о нём?

— Да, кое-кто рассказывал мне немного. Но я и представить не мог, что оно существует на самом деле.

Она тяжело вздохнула.

— Но она существует.

Так и есть, подумал я. Как гора Й Видфа или Олимп. Если бы я только мог рассказать Бранвен. Я пытался вспомнить, что она говорила о Финкейре. Место множества чудес по её словам. Не на земле и не на небесах, это мост, соединяющий их. Она также отметила яркость цветов, что оказалось правдой. Но было что-то ещё, что-то о гигантах.

Мы сидели вместе в тишине, погружившись каждый в свои мысли, покров вечера опустился на сад шоморы. С каждой минутой становилось темнее и темнее.

Наконец Рия шевельнулась и потёрла свою

спину о ствол.

— Уже ночь! Мы не успеем дойти до моего дома.

Чувствуя сонливость после нашего пира, я опустился на покрывало мягкой травы под деревом. «Приходилось спать и в худших местах».

— Посмотри — Рия указала в небо, где первые звёзды виднелись сквозь ветви, полные плодов. — Не хотелось бы тебе лететь? Плыть среди этих звёзд, быть единым целым с ветром? Я бы хотела иметь крылья. Настоящие!

— Я тоже, — ответил я, ища глазами созвездие Пегаса.

Она повернулась ко мне:

— А о чём ещё ты мечтаешь?

— Хм... о книгах.

— В самом деле?

— Да! Я действительно хотел бы оказаться в месте, где всюду одни книги. Где можно найти истории всех времён и народов. Однажды я слышал о таком месте.

На мгновение она посмотрела мне прямо в глаза.

— От своей матери?

Я глубоко вздохнул.

— Нет, от женщины, которая хотела, чтобы я поверил, что она моя мама.

Рия снова показалась мне озадаченной, но ничего не сказала.

— В этом месте, — продолжил я, — есть любая книга, какую только можно представить. Они окружают тебя, куда бы ты не повернулся. И пребывание в этом месте похоже на полёт, полёт среди страниц, которые ты выбрал сам. Рия засмеялась.

— Я бы предпочла настоящие крылья! Особенно в такую прекрасную ночь. Понимаешь? Она посмотрела вверх сквозь ветки.

— Уже можно увидеть Золотоволосую Гви.

— Я не знаю такого созвездия. Где оно?

— Вон там.

Хоть я и напряг своё второе зрение, но не мог ничего увидеть в части неба, на которую она указывала. Лишь одна знакомая мне звезда была частью крыла Пегаса.

— Не вижу.

— Разве ты не видишь девушку?

— Нет.

Она взяла меня за руку и указала вверх.

— А теперь?

— Нет. Всё что я вижу — звезду, являющуюся частью крыла Пегаса. И ещё одну. Тоже часть Пегаса.

Рия удивлённо посмотрела на меня.

— Звёзды? Созвездия взгляда?

Сбитый с толку, я удивился:

— Чего?

— Мои созвездия это не сами звёзды, а пространство между ними. Тёмные места. Открытые, в которых твой разум может путешествовать всюду и всегда.

С этого самого момента я уже не видел небеса такими, как прежде. Тоже касается и девочки, сидящей рядом со мной.

— Расскажи мне больше о том, что видишь.

Рия откинула рукой свои каштановые волосы назад. И ритмичным голосом начала рассказ о странных чудесах неба Финкейры.

Широкая полоса звёзд посередине ночного неба — шов, соединяющий две половины времени, одна всегда начинается, вторая все-

гда подходит к концу. Длинные участки тьмы, реки богов, соединяют наш мир и другие между собой. Вращающийся круг звёзд же — великое колесо, бесконечное вращение которого обращает жизнь в смерть и обратно в жизнь.

До поздней ночи мы рисовали картины в небе и обменивались историями. А затем уснули очень крепко. Когда первые тёплые лучи упали на нас, мы поняли, что не хотим покидать это место. Не сегодня.

Так что ещё на один день и одну ночь мы задержались на этом холме, насыщаясь плодами и разговорами. Хотя я и был осторожен, высказывая свои сокровенные мысли, не раз замечал пугающую способность Рири читать мои мысли, будто они были её собственными.

Мы сидели под фруктовым пологом, ели сытный завтрак из сочных оранжевых сфер (я) и сладких красных ягод (она). Когда мы окончили трапезу, поделив на двоих один спиралевидный фрукт, она спросила:

— Женщина, которая сказала, что была твоей матерью, какая она?

Я удивлённо посмотрел на неё.

— Высокая, с очень синими...

— Нет-нет-нет. Мне не важно как она выглядит. Какая она?

На какое-то время я сосредоточился на Бранвен.

— Ну, она была очень доброй. Обращалась со мной добрее, чем я заслуживал, по крайней мере большую часть времени. Полна веры — в Бога и в меня. И молчалива. Очень молчалива. Кроме тех моментов, когда она рассказывала мне истории. Она знает много историй, больше, чем я могу вспомнить.

Рия осмотрела ягоду перед тем как бросить её себе в рот.

— Я уверена, что она узнала некоторые из них в том месте, где полно книг.

— Точно.

— И хоть она не была твоей мамой, ты чувствовал себя иначе рядом с ней? Чуть менее одиноким? Чуть более... защищённым?

Я слотнул.

— Думаю, что да. Почему она тебе так любопытна?

Её лицо, которое будто всегда улыбалось, сейчас было серьезно.

— Мне просто интересно, какой была бы мама, настоящая мама.

Я опустил глаза.

— Хотел бы я знать.

Рия кивнула и провела рукой по одной из скрученных ветвей фруктового дерева, смотря куда-то вдаль, возможно, в своё прошлое.

— Значит, ты не помнишь маму?

— Я была очень маленькой, когда потеряла её. Помню только чувства. Заботу, тепло, и... поддержку. Не уверена, это всё настоящее, возможно я просто хотела, чтобы было так, и придумала всё это.

— А отец, братья или сёстры?

— Я потеряла всех их, — она протянула руки к ветвям над нами. — Но нашла лес Друм. Теперь моя семья это он. И хоть у меня нет настоящей мамы, я всё равно не одинока. Она защищает и поддерживают меня. Она почти моя мама.

— Кто она?

Рия улыбнулась:

— Дерево. Дерево по имени Арбаса.

Я представил её, сидящей в корнях большого твёрдого дерева и тоже улыбнулся.

Затем я подумал о Бранвен, моей собственной «почти матери», и странное тепло наполнило грудь. Она была так далеко от меня и всё-таки так близко. Я вспомнил её истории, страсть к лекарству, печальный взгляд. Хотел бы я узнать больше о её борьбе, и о своём таинственном прошлом. Мне захотелось увидеться с ней когда-нибудь, но знал, что этого не произойдёт. Я прочитал про себя сбивчивую молитву богу, к которому она так часто обращалась, о умиротворении, которое она так мечтала найти. Внезапно над моей головой что-то разрезало воздух и крикнуло. Я поднял голову и узнал знакомый образ среди ветвей.

— Не может быть.

— Мерлин, — объявила Рия — молодой самец. Но посмотри. У него ранено крыло. Нету нескольких перьев. — Она повторила шеей резкие движения сокола и издала свой раздражающий крик.

Птица, повернув голову, крикнула в ответ. На этот раз более певуче, с дополнительными хриплыми нотками.

Густые брови Рири приподнялись, она повернулась ко мне.

— Он сказал мне, — не особо вежливо, мог добавить я, — что ты недавно спас ему жизнь.

— Он *сказал* это тебе?

— А это не правда?

— Да, да, правда. Я помог ему после драки. Но как ты научилась разговаривать с птицами.

Рири пожалала плечами так, словно ответ был очевиден:

— Это не сложнее, чем говорить с деревьями.

— Затем она добавила с лёгкой грустью — с теми, кто ещё не спит. Но с кем сражался марлин?

— Его отвага не знает границ. Как и глупость. Он дрался с двумя гигантскими крысами, каждая из которых как минимум в два раза больше него.

— С гигантскими крысами? — всё тело Рири оцепенело. — Где? В Друме?

— Нет, но прямо на его краю. Рядом с неболь-

шим ручьём, который вытекает из него.

Рия серьёзно посмотрела на мерлина, который хищно клевал спиралевидный фрукт.

— Крысы убийцы на нашей стороне реки, — пробормотала она, покачивая головой. — Им нельзя заходить в окрестности леса Друм. Впервые я слышу, чтобы они подошли так близко. У твоего друга мерлина, возможно, нет манер, но он правильно сделал, что напал на них.

— Как по мне, эта птица просто любит драться. Он так же спокойно может напасть на любого из нас, поэтому он мне не друг.

Как бы в противовес моим словам, мерлин перепорхнул с ветви дерева на моё плечо.

Рия засмеялась.

— Похоже он с тобой не согласен. — Рия задумчиво поглядела на сокола. — Возможно он пришёл к тебе не просто так.

Я поморщился.

— Да, он явился по единственной причине — за мной всегда следует неудача.

— Не знаю, не похоже, чтобы это был плохой знак. — Дружески посвистывая, Рия потяну-

лась к Мерлину. Птица с криком взмахнула одним из своих когтей. Рия быстро отдернула руку, но не успела вовремя, и получила царапину на внешней стороне руки.

— О! — Нахмурившись, она высосала кровь из раны, а затем просвистела выговор.

— Мерлин сделал ей выговор в ответ.

— Прекрати, — рявкнул я и попытался столкнуть мерлина с плеча, но когти лишь сильнее сжались, проткнув мою тунику и кожу.

— Держи его подальше от меня, — сказала Рия. — С этой птицей одни проблемы.

— Я тебе говорил.

— Не веди себя так самодовольно, — она поднялась, чтобы уйти, — просто избавься от него.

Я тоже поднялся и нежеланным пассажиром на плече.

— Может поможешь мне как-нибудь?

— Он *твой* друг, — она зашагала вниз по холму.

Я снова попытался избавиться от мерлина, но он отказывался сдвинуться с места. Смотря прямо на меня, он сердито свистел, будто

угрожая оторвать мне ухо, если продолжу гнуть своё.

— Рыча от недовольства, я побежал за Рией, уже скрывшейся в лесу; мерлин крепко держался за плечо, хлопая крыльями. Она сидела на невысокой прямоугольной скале, облизывая рану.

— Не думаю, что ты можешь залечить мою рану так, как крыло своего друга.

— Он мне не друг! — я приподнял левое плечо, но птица держалась, холодно наблюдая за мной. — Разве ты не видишь? Больше похоже на то, что он мой хозяин, — я посмотрел на птицу. — Не могу заставить его уйти.

На лице Риы появилось сочувствие:

— Извини, просто рука так болит.

— Дай мне посмотреть, — я взял её руку и осмотрел глубокий порез. Кровь продолжала течь. Я быстро дотянулся до своей сумки и посыпал некоторые толчёные травы на рану. Оторвав широкий лист от соседнего куста, я положил его на рану, заботясь о том, чтобы кожа соединилась, подобно тому, как Бранвен делала это при мне десятки раз. Затем, ис-

пользуя виноградную лозу из рукава Рии, я надёжно закрепил лист на её руке.

Она с удовольствием осмотрела руку.

— Где ты научился этому?

— От Бранвен, женщины, которая рассказывала мне истории. Она много знала об целительстве, — я закрыл сумку, — но только внешних ран.

Рия кивнула.

— Раны на сердце гораздо сложнее.

— Куда ты собираешься идти дальше?

— Домой. Надеюсь, ты тоже пойдёшь, — она помахала рукой перед соколом, на что тот грозно приподнял свою лапу с когтями. — Даже с твоим, хм, спутником что ли.

— Твоё приглашение великодушно, — мрачно ответил я. Не смотря на эту надоедливую птицу, моё желание узнать об этом месте побольше оставалось сильным. — Я хотел бы побывать там, но не останусь надолго.

— Хорошо, если заберёшь эту птицу с собой, когда уйдёшь.

— А у меня есть выбор?

Мы пошли по лесу и остаток утра и боль-

шую часть дня двигались по следу, видимому только Рие. Мы огибали холмы, перепрыгивали ручьи и пересекали болота, кишасшие всевозможными насекомыми.

На середине одного из таких болот, Рия показала мне на упавшее дерево, которое казалось окрашенным в красный цвет. Она хлопнула в ладоши, и через секунду алое облако поднялось вверх — сотни, тысячи бабочек взмыли в воздух, оставив дерево совершенно голым.

Я наблюдал за алым облаком. Крылья бабочек были столь яркими, что мне казалось, будто в них помещены кусочки самого солнца. И я начал надеяться, что моё второе зрение продолжает улучшаться. Если я могу увидеть такой потрясающих взрыв цвета, как этот, без глаз, то однажды, возможно, смогу увидеть все цвета мира так же ярко, как видел их до пожара.

Мы продолжили путь, пробираясь сквозь поляны здорового папоротника, перепрыгивая упавшие деревья (чьи стволы и корни постепенно превращались в почву), проходя под

ревущими водопадами. Если мы и делали паузу, чтобы собрать немного ягод и попить воды, то не на долго. Но времени всегда хватало, чтобы уловить хвост спящего неподалёку зверька или пряный аромат цветка.

Я старался поспевать за Рией как мог, но её высокий темп и моё плохое зрение в тёмных местах, заставляли набивать синяки на лодыжках и переживать. Всё это время птица продолжала сидеть на моём плече. Я начал сомневаться, что её когти когда-нибудь меня отпустят.

Когда на закате дня свет яркими нитями пробирался сквозь ветки, Рия внезапно остановилась. Жадно глотая воздух, я остановился и увидел как она наблюдает за липовым деревом. Её ствол был обёрнут в остроконечный венок из сверкающего золота.

— Что это? — удивлённо спросил я.

Рия улыбнулась в ответ.

— Омела. Золотая ветвь. Видишь, она содержит в себе свет солнца. Говорят тот, кто носит мантию омелы, может найти тайный путь в потусторонний мир духов.

— Она красивая.

Рия кивнула.

— Вторая по красоте во всём лесу, после длиннохвостой птицы.

Я осмотрел сияющий веночек.

— Она кажется такой непохожей на другие растения.

— Так и есть! Это не кустарник и не дерево, немного и то и другое. Что-то между ними.

«Что-то между» — повторил я про себя, вспомнив как Бранвен использовала эти же слова для описания особых мест, таких как греческая гора Олимп, где смертные и бессмертные могли жить бок о бок. И особых веществ, вроде тумана, в котором элементы (воздух и вода) могут сливаться, образуя что-то похожее на себя, но совершенно другое.

Рия окликнула меня.

— Мы должны идти. Нам нужно двигаться быстро, чтобы успеть добраться до темноты.

Мы продолжили свой путь среди высоких деревьев. Свет тускнел и моя способность видеть становилась всё хуже. Ухудшались и мои синяки с царапинами. Не смотря на неодно-

кратные призывы Рии, я медленно шёл по тёмному лесу и всё чаще и чаще спотыкался о корни и камни. Каждый раз, когда я чуть не падал, мерлин сжимал свои когти и сердито кричал на меня, так громко, что ухо болело с той же силой, что и плечо. Поход становился пыткой.

В какой-то момент я не увидел ветвь и наткнулся на неё глазом. Я взвыл от боли, но Рия была слишком далеко, чтобы услышать. Затем, пытаясь вернуть себе равновесие, я не увидел нору животного и наступил в неё, подвернув ногу.

Я свернулся калачиком на упавшем стволе, глаз щипало, а лодыжка пульсировала. Я опустил голову к коленям, готовясь провести здесь ночь, если потребуется.

К моему удивлению, мерлин наконец отпустил меня. Он взлетел и мгновение спустя набросился на мышь, вцепился ей в шею и поднял в воздух. Затем он приземлился рядом со мной на ствол дерева и начал клевать свою пищу. Сожалея о судьбе мыши, я всё-таки почувствовал облегчение и потёр болевшее

плечо. Но радость была недолгой. Я был уверен, что птица, наблюдающая за мной даже во время еды, скоро вернётся на своё насиженное место. Почему из всех мест в этом лесу он выбрал именно моё плечо?

— Эмрис!

— Я здесь, — мрачно ответил я. Даже звук голоса Рии не мог поднять мне настроение, потому что я не особо хотел говорить ей, что не могу видеть достаточно хорошо, чтобы идти дальше этой ночью.

Я услышал хруст веток, и Рия появилась из темноты. Но тут я заметил, что она пришла не одна. Рядом с ней стоял кто-то тонкий, как саженец. Его вытянутое лицо было скрыто в тени. Я не мог быть точно уверен, но похоже, что этот кто-то источал аромат, сладкий, как у цветущих яблонь весной.

Я поднялся чтобы встретить их. Лодыжка чувствовала себя немного лучше, но я стоял нетвёрдо. С наступлением ночи я видел всё хуже и хуже.

Рия представила своего компаньона:

— Это — Квен, мой старый друг. Она заботи-

лась обо мне, когда я была маленькой.

— Ссссовсем маленькой, не могла рассссзговаривать или прокормить ссссебя, — прошептала Квен голосом, похожим на шелест травы от ветра. Она задумчиво продолжила. — Тогда ты была такой молодой... а ссейчассс я такая ссстарая. — Она направила узкую угловатую руку на меня. — Но кто это?

В это мгновение оглушительный крик и свист от крыльев наполнили воздух, а затем Квен крикнула. Рия хлопнула чем-то, а затем притянула свою подругу. Я тоже вскрикнул, когда почувствовал как острые когти снова оказались у меня на плече.

— Аккхх! — прошипела Квен, — он наброссился на меня.

Рия посмотрела на меня.

— Эта птица — напасть. От неё одни неприятности.

Взглянув на плечо, я кивнул.

— Хотел бы я знать как от неё избавиться.

— Проткни его, — предложила Квен, соблюдая дистанцию, — выдерни его перья.

Мерлин поднял остроконечные крылья и она

замолчала.

Рия задумчиво потёрла подбородок.

— Он следует за тобой как тень.

— Скорее как проклятье — проворчал я.

— Послушай, — продолжала Рия, — Есть ли шанс, неважно насколько малый, что ты сможешь приручить его?

— Ты сошла с ума?

— Я серьёзно.

— Но зачем мне приручать его?

— Потому что если ты узнаешь его, даже немного, сможешь понять, чего он действительно хочет. Тогда ты сможешь найти способ освободить себя от него.

Когда темнота накрывала мир, я не чувствовал никакой надежды.

— Это не сработает.

— Есть идея получше?

Я покачал головой.

— Думаю, что если мне придётся приручить его, — хотя я думал, что даже с драконом шансов было бы больше, — тогда следует дать ему имя.

— Правильно, — согласилась Рия. — Но не

простое. Должно быть что-то подходящее.

Я тяжело вздохнул.

— Всё просто. Ты сама сказала это. Его имя — Напасть. От него одни неприятности.

— Отлично. Теперь ты можешь начать тренировать его.

Я уныло повернулся к тени на плече.

— Пойдём, — сказала Рия и взяла Квен под руку, — Мы всего в нескольких сотнях шагов от моего дома.

Я немного просиял.

— Правда?

— Да. Тебя ждут там, пока эта птица не стала слишком большой —

— Напастью, — закончила Квен.

16: Дверь Арбассы

Когда Рия вывела нас из чащобы леса, я заметил как небо вдруг стало светлым. Затем, когда мы совсем вышли из под ветвей, я подумал что возможно это просто звезда падает над нами, источая свет, но эти мысли тут же исчезли. Свет исходил не от звезды, да и вообще не с неба.

Он лился от дома Ри. В центре поляны стоял огромный дуб, своей громадой превышающий любое дерево, которое я когда-либо видел. Его крепкие ветки расходились вверх и в стороны от ствола настолько плотным строем, что казалось, будто несколько деревьев срослись воедино. Посреди этих веток, сиял, подобно огню огромного факела, дом, балки, стены и окна которого были обвиты конечностями дуба. Множество слоёв листьев перекрывали окна дома, но даже сквозь них свет казался крайне ярким.

— Арбасса, — с этими словами Рия подняла руки к небу.

В ответ ветви над её головой пошевелились

так, что свет упал на её лицо подобно каплям росы.

Рия подошла к основанию дерева. Отодрав свою плотно прилегающую обувь, сделанную из растения, но похожую на кожу, она наступила в чашевидную часть массивных корней и тихо произнесла что-то шелестящее. Корень аккуратно обвился вокруг её ног, так что они с деревом казались теперь единым целым. Рия вытянула руки и обняла большой ствол дерева, пусть и не могла сделать этого полностью. В этот момент одна из громадных ветвей развернулась словно человеческая рука и накрыла спину Рии, возвращая объятия.

Через несколько мгновений ветка поднялась, а корень опустился. Со скрипящим звуком ствол треснул и раскрылся в небольшой проход. Рия чуть опустила голову и вошла. За ней, ступая неуклюже, последовала Квен.

— Пойдём, — Рия жестом пригласила меня войти.

Однако, когда я сделал первый шаг, дерево задрожало. Проход начал затягиваться корой. Рия что-то резко крикнула, но дерево про-

игнорировало её и продолжило закрываться. Я позвал её, а Напасть нервно захлопал крыльями. Не смотря на все протесты Рири, проход наглухо затянулся.

Я беспомощно стоял около дерева. Я не понимал что произошло и что с этим делать. Но одно знал точно. Меня не пустили, без сомнения, благодаря беспокойной птице на плече.

Когда меня посетила эта мысль, ствол снова раскрылся. Рия, с красным от криков лицом, кивнула мне, чтобы я прошёл. Нервно поглядывая на суетливую птицу, я вошёл в тёмный проход.

Рия молча начала подниматься по спиралевидной лестнице внутри ствола. Я пошёл вслед за ней, надеясь, что Напасть больше не принесёт мне неприятностей.

Неровные ступени росли прямо из стен ствола, поэтому лестница пахла влагой и разнообразием, как поляна после дождя. По мере нашего подъёма становилось светлее и я заметил на стенах причудливые письмена. Тысячи красивых непонятных строк покрывали лестничный проём. Я понял, что хочу про-

честь их.

Наконец мы вышли на открытую площадку. Рия прошла сквозь занавес листьев и проникла в свой дом. Я зашёл следом, хоть Напасть и цеплял когтями листья, которые его задевали.

Мы оказались на полу, состоящем из плотно сплетённых ветвей, крепких, но неровных. Посреди комнаты в очаге горел огонь, настолько яркий, что я задался вопросом, что служит для него горючим. Ветви огромного дерева скручивались вокруг нас, но не так плотно, как пол, так что небольшие неровные «окна» были всюду.

Каждый предмет мебели в этом однокомнатном доме состоял из ветвей. Низкий стол у очага, два простых стула, шкаф в котором стояла утварь, вырезанная из дерева и натёртая воском — всё это состояло из ветвей, обращённых в форму. Квен стояла рядом со шкафом и что-то перемешивала; я подошёл к Рие:

— Что случилось внизу?

Она медленно перевела взгляд с меня на пти-

дерево, чем на человека. Её кожа, сухая и скрюченная, больше походила на кору, а её коричневые волосы — на массив лоз. Её корнеподобные ноги не были обуты, и на всём теле не было украшений, кроме серебряных колец на самых маленьких из её двенадцати пальцев. Под белым одеянием её тело двигалось подобно дереву, клонимому ветром. К тому же её возраст был значителен, потому что её спина была согнута, словно ствол под слоем снега, а шея, руки и ноги казались скрученными и хрупкими. Тем не менее, от неё исходил аромат яблони, и глубокие карие глаза, по форме напоминающие капли, сияли ярко, как огонь.

Держась подальше от меня и особенно от Напасти, она поставила тарелку, но недосмотрела и уронила кувшин с водой, стоящий на столе.

Дрянные сссстарые руки. Квен взяла кувшин и поставила его в шкаф. Пока она наполняла кувшин, я слышал бормотание:

— Чёртово время, чёртово время, — возвращаясь к столу она всё ещё продолжала вор-

чать.

Рия села на один из стульев, кивком предложив мне сесть на второй. Затем она взяла один из свёрнутых листьев и макнула его в плошку с мёдом.

Она виновато улыбнулась:

— Мёда никогда не бывает достаточно.

Я ухмыльнулся. Кивнув в сторону Квен, я спросил:

— Она не человек⁵, как я и ты?

Рия с недоумением посмотрела на меня:

— Конечно она человек. Но на нас не похожа.

Она последняя выжившая из трилингов — рассы полулюдей-полудеревьев. Раньше, когда Финкейрой правили гиганты, они были повсюду. Но теперь осталась одна Квен.

Она обмакнула лист в мёд и отправила его в рот, а затем взяла кувшин с водой. После нескольких глотков, Рия предложила выпить и мне. Я же, попробовав несколько листьев, понял, что они чересчур липкие и тяжело жуются, поэтому принял воду с удовольствием.

Поставив кувшин обратно на стол, я заме-

⁵ игра слов, person означает и личность и отношение к ч роду

тил, что огонь, не смотря на всю свою яркость, не производил дыма и тепла. И тут же я понял, что этот огонь вовсе не являлся огнём. Тысячи крохотных жучков пульсировали светом, ползая по куче речных камней в центре очага. Камни являлись их домом, потому что жуки постоянно ползали под ними, как пчёлы в улье. Хоть один жучок производил всего лишь крохотную точку света, вместе они давали его достаточно, чтобы осветить этот дом из дерева.

Когда я наконец проглотил липкую еду, Напасть стал переступать своими лапами, вонзая когти мне в плечо. Я закричал от боли, а затем повернулся к нему.

— Зачем ты меня так мучаешь? Уйди с моего плеча! Убирайся, я говорю! Убирайся!

Напасть смотрел на меня не моргая. Я повернулся к Рие:

— Как я должен приручить его? Даже Галатор не сможет его приручить!

Квен, стоявшая в у одного из оконных проёмов напряжённо застыла.

Чувствуя себя застигнутым врасплох, я ин-

стинктивно потянулся к Галатору. Затем, поняв что наделал, я сделал всё возможное чтобы скрыть это движение и потянулся выше, к свободному плечу. Непринуждённым тоном я сказал Рие:

— Было бы замечательно найти что-то волшебное, вроде Галатора. Но если бы я когда-нибудь сумел это сделать, то не стал бы тратить его магию на птицу. Я бы использовал его для лечения своего тела.

Рия сочувственно кивнула:

— Что у тебя болит?

— В основном ноги, но также и между лопатками. Сколько себя помню у меня болит там.

Она подняла брови, но промолчала. У меня возникло чувство, что она тоже знает больше, чем говорит. Рия добралась до шкафа и вытащила оттуда два маленьких серебристых одеяла из самой нежной ткани, которую я когда-либо видел. Одно она обвила вокруг бёдер, а второе передала мне.

— Хороший ночной сон поможет тебе.

Я поднёс одеяло ближе к свету.

— Что это за ткань?

— Шёлк, изготовленный мотыльками.

— Мотыльками? Ты шутишь.

Она улыбнулась.

— Их шёлк настолько же тёплый, насколько лёгкий. Попробуй сам.

Держась на безопасном расстоянии от Напасти, Квен подошла:

— Убаюкать ли вас песней?

— Да, пожалуйста, — ответила Рия, — это напоминает мне времена когда ты пела мне в детстве.

Квен кивнула, на её невыразительные глаза навернулись слёзы.

— Я сссспую тебе пссссню, которую пела в колыбели.

Она провела своей тонкой рукой над светлячками и их свет потускнел. Затем, подобно старому дереву, кренящемуся под ветром, Квен начала издавать глубокий резонирующий звук. Он поднимался и падал, расцветал и тускнел, повторяясь успокаивающимся узором снова и снова. Почти голос, но не совсем он, без слов заполнил всё вокруг нас, призывая расслабиться и всё отпустить. Я накинул

одеяло на грудь и отклонился на стуле, мои веки потяжелели. Рия, насколько я мог сказать, уже уснула, и даже Напасть опустил голову себе на грудь. Я недолго наблюдал за плавными движениями Квен и погрузился в сон.

Мне снилось, что я лежу один, в глубоком, дремучем лесу и крепко сплю. Высокие деревья окружили меня, покачиваясь на ветру. Сладость отовсюду просачивалась в мой рот. Затем, за одно мгновение, появились враги. Я не мог их увидеть, но мог почувствовать. Они скрывались среди деревьев. Или возможно сами были деревьями! Хуже всего, что, как бы сильно я не старался, я не мог ни проснуться, ни защитить себя. Медленно, один из тонких, извилистых стволов склонился над моим спящим телом и провёл пальцем-веткой по моей тунике. «Галатор, мне нужен Галатор». С величайшим усилием мне удалось разбудить себя.

Я всё ещё сидел на стуле рядом с тускло светящимся очагом. Шёлковое покрывало соскользнуло на пол рядом со мной. Я потянул-

ся к Галатору и к своему облегчению почувствовал его там же, под своей туникой. Прислушавшись, я услышал отрывистые песни птиц снаружи, говорящие о том, что солнце встанет через час или около того. Рия спала, свернувшись в кресле клубком, а Квен храпела на полу возле шкафа. Напасть сидел на моём плече, его жёлтые глаза были широко открыты.

Мне подумалось, что наверное и сама Арбасса наверное спит. Или даже сейчас, держа нас в своих руках, она всё ещё следит за ястребом с беспокойством? Мне захотелось спросить у великого дерева, есть ли на Финкейре ответы на мои вопросы. Пришло ли время покинуть Лес Друм и исследовать другие части острова? Или вовсе следует снова построить плод и отправиться в другое место?

Я вздохнул, снова осознав в этот предрассветный час, как мало всё-таки знаю.

17: Птица богов

Рия вдруг вскрикнула и застыла на месте, не дыша и не шевелясь. Даже золотой свет восхода, падающий через оконные проёмы на её костюм из листьев и лиан, не мог скрыть отпечаток ужаса на её лице.

Я вскочил со стула:

— Что случилось?

Её широко открытые глаза вгляделись в мои.

— Всё.

— Что это значит?

Она потрясла лесом своих кудрей на голове.

— Сон. Такой реальный, что казалось, это действительно происходит, — она глубоко вздохнула. — Он меня напугал.

Я смотрел на неё, вспоминая свой собственный.

Худая Квен подошла ближе к нам.

— Чщщщто это был за ссссон?

Рия посмотрела на неё.

— Каждый день мне обязательно снится Друм. Каждый день.

— Ну и чщщщто? Ссссо мной происсссхо-

дит тожшшше ссссамое.

Сны о нём всегда приятны. Всегда спокойны. Всегда... родные. Даже когда я иду спать, переживая за какие-то проблемы в разных частях Финкейры — которые случаются всё чаще — я знаю, что всегда найду успокоение во снах Друмы.

Квен сжала свои узловатые пальцы.

— Ты не выглядишшшь сссспокойной ссссейчассс.

— Так и есть, — глаза Рии снова наполнились ужасом, — мне приснилось, что весь Друм — все деревья, кустарники, животные и даже камни — истекли кровью и погибли! Я пыталась снова и снова, но не могла ничего с этим поделать. Лес погиб, небо померкло! И всё стало цвета засохшей крови. Цвета —

— Ржавчины, — закончил я, — как на другом конце той реки.

Она угрюмо кивнула, затем поднялась со стула и подошла к восточной стене, на которой сиреневые и розовые лучи смешались с золотыми. Обеими руками оперевшись об эту стену, она опустила голову вниз.

пристально посмотрела на меня, но ничего не ответила.

Когти напасти сдавили моё плечо ещё сильнее.

Я повернулся к Квен, потом снова к Рие.

— Вы ошибаетесь! Ужасно ошибаетесь. Когда-то у меня была... Но я не могу... Я не могу сделать ничего подобного! И даже если могу, у меня есть свои собственные цели, — я потряс левым плечом, — вопреки мнению этого пернатого.

— Ссссвои ссссобссственные цсссели? — возмутилась Квен, — Значит тебе плевать на остальных?

— Я этого не говорил.

— Но показал, — Рия бросила на меня резкий взгляд. — Свои цели заботят тебя гораздо больше, чем безопасность целого леса Друм.

— Если выражаться таким языком, то да, — мои щеки загорелись. — Разве вы не понимаете? Я должен найти своё прошлое! Своё собственное имя! Последнее, что мне нужно — застрять в этом лесу и его проблемах. Вы не можете просить меня сойти с пути из-за одно-

го плохого сна! — Рия сверкнула на меня взглядом.

— И насколько долго ты пройдёшь по своему пути, если Друм не захочет тебя пропустить?

— Довольно далеко. Я добрался сюда самостоятельно, разве не так?

— Так, если ты считаешь, что грудной ребёнок кормится самостоятельно.

— Я не ребёнок!

Рия глубоко вдохнула.

— Послушай. Я единственная из своего рода, живущая в этом лесу. Здесь нету других женщин, мужчин или детей, за исключением редких чужаков, проходящих мимо... таких как ты. Но ты думаешь, я хоть на секунду думала, что живу здесь одна? Что смогу выжить без остальных, без Арбассы или Квен или всевышней птицы, красотой которой я дорожу, даже если никогда не смогу увидеть её снова? Если Друм в беде, значит все, кто здесь есть — в беде, и я — не исключение.

Она протянула ко мне руки:

— Прошу тебя, ты сможешь?

Я отвёл взгляд.

— Он нам не поможет, — прошипела Квен.

Рия шагнула к лестничному проходу.

— Пойдём. Я хочу показать тебе, что ещё может погибнуть вместе с этим лесом.

Она начала спускаться вдоль ствола Арбассы, и я неохотно последовал за ней. Что-то внутри говорило, что моя цель находится не здесь, в других частях Финкейры, а, возможно, ещё дальше. В любом случае, далеко за пределами леса Друм. И даже если я останусь здесь, как помочь ей, не прибегая при этом к запрещённым мне силам? Я покачал головой, посчитав, что огонёк нашей дружбы теперь затух.

Я обернулся и посмотрел на Квен. На её лице была лишь одна эмоция, направленная в мою сторону, — сквозь пелену слёз она смотрела на Напасть, видимо радуясь уходу этой птицы. Словно отвечая ей, пернатый поднял одну ногу и грозно махнул когтями в её сторону.

Идя по извилистой лестнице, я почувствовал знакомый аромат. Думая, что, возможно, больше никогда не увижу это великое дерево,

я решил остановиться и разглядеть любопытные сюжеты, покрывающие стены Арбассы.

Рия позвала меня снизу:

— Пошли.

— Я просто решил бросить последний взгляд на эти письма.

Даже в полумраке я разглядел на её лице озадаченность.

— Письмена? Какие письма?

— Вот здесь на стене, разве ты их не видишь?

Она поднялась обратно и посмотрела, куда я ей указывал. Её голос звучал так, словно она ничего не увидела:

— Ты можешь прочесть их?

— Нет.

— Но ты их видишь?

— Да.

Я почувствовал на себе её пристальный взгляд.

— Ты видишь как-то иначе, чем остальные, верно?

Я кивнул.

— Видишь без глаз.

Я кивнул снова.

— И видишь то, что я не могу увидеть с помощью глаз, — Рия закусилa щеку. — Теперь мне кажется я знаю тебя ещё меньше, чем при нашей первой встрече.

— Может, для тебя будет лучше, если я всё так и останется.

Напасть нервно захлопал крыльями.

— Похоже, ему здесь не нравится, — заметила она, продолжив спуск.

Я последовал за ней.

— Возможно он знает, что о нём думает Арбасса.

После паузы, я добавил:

— Не говоря уже о том, что о нём думаю я.

Дверь скрипнула и открылась. Мы вышли на дневной свет, который рассеивался обилием листьев великого дерева.

Рия на мгновение остановилась, посмотрев вверх, на широкие ветви Арбассы и быстро направилась в чащу леса. Я последовал за ней так же быстро, из-за чего всё моё тело сотрясалось, а когти Напасти сомкнулись на плече сильнее, чем прежде.

Вскоре она приблизилась к большому бу-

ковому дереву, кора которого с годами потрескалась.

— Подойди, я хочу кое-что тебе показать.

Я подчинился. Она положила свою руку на кору.

— Ни одно дерево не готово говорить так, как бук. Особенно старейшина. Прислушайся.

Глядя на ветви, она начала издавать протяжный свистящий звук. Тут же ветви зашевелились в ответ, мягко шепча. Когда Рия меняла темп высоту или громкость, дерево, казалось, отвечало ей тем же. Вскоре между ними завязалась настоящая оживлённая беседа.

Спустя время, Рия повернулась ко мне и сказала, теперь уже на знакомом мне языке:

— Попробуй.

— Я?

— Ты. Для начала положи руку на кору.

Я неуверенно подчинился.

— Прежде чем говорить — послушай.

— Я уже слышу шум ветвей.

— Не слушай ушами, слушай *рукой*.

Моя ладонь плотно прижалась к складкам

ствола, пальцы соединились с холодной, гладкой корой. Наконец я почувствовал что-то незнакомое, пульсирующее у кончиков моих пальцев. Пульс постепенно перешёл в мою руку и начал подниматься по ней. Я почти чувствовал тонкий ритм воздуха и земли, проходящий через тело дерева, ритм, сочетающий в себе силу штормовой океанской волны и робость дыхания крохотного ребёнка.

Не отдавая себе отчёта, я начал издавать звук, как прежде делала Рия. К моему удивлению, ветви начали отвечать, грациозно раскачиваясь над моей головой. Шёпот наполнил воздух. Я слегка улыбнулся, понимая, что, хоть я и не понимал его слов, дерево действительно разговаривало со мной.

— Однажды я бы хотел изучить этот язык, — сказал я и Рие и старому буку.

— Это будет бесполезно, если Друм умрёт. Только здесь деревья Финкейры пробуждены настолько, что могут говорить.

Я пожал плечами:

— Что я могу сделать для тебя? Я уже сказал, что не являюсь человеком из твоего сна.

— Забудь о моём сне! В тебе есть что-то необыкновенное. Что-то... особенное.

Её слова пробудили меня. Они заставили меня вспомнить — казалось впервые за долгое время — как я сидел на траве, сосредоточившись на цветке, раскрывая его лепестки один за другим.

— Когда-то было нечто особенное. Но эта часть меня ушла.

Её серо-голубые глаза будто стали глубже:

— Что бы это ни было, оно всё ещё с тобой.

— У меня есть только я и мой путь, который, вероятно, уведёт меня далеко от сюда.

Она категорически затрясла головой:

— Это не всё, что у тебя есть.

Тут же я понял, что она всё-таки имеет ввиду. Галатор! Всё же ей нужен не я, а кулон с моей шеи, силу которого я так до сих пор и не разгадал. Не важно, по какой причине она поняла, что он на мне. Самое главное, — она почувствовала его. Как глупо было предположить, пусть даже на короткое мгновение, что она увидела что-то особенное во мне, в моей личности, а не в предмете, что я носил.

— Тебе нужен совсем не я, — прохрипел я.

На её лице отразилась насмешка:

— Ты думаешь нет?

Прежде чем я успел ответить, когти Напасти внезапно погрузились ещё глубже в моё плечо. Я поморщился от боли. Я едва сдержался, чтобы не сбросить с себя эту птицу, ведь она могла наброситься на меня также свирепо, как на крысу-убийцу у ручья. Всё что я мог — терпеть боль, смирившись с тем, что он решил сделать меня своим носителем. Но почему он выбрал именно меня? Чего он хотел? Я не имел и малейшего понятия.

— Смотри, — Рия указала на яркую вспышку красного и фиолетового среди деревьев, — Птица Богов!

Она уже повернулась чтобы бежать ней, но остановилась и обернулась ко мне:

— Пошли, подойдём поближе. Птица Богов несёт удачу! Я не видела ни одной за последние несколько лет! — С этими словами она побежала. В это мгновение деревья энергично зашелестели своими ветвями. Но даже если они и говорили что-то, Рия не обратила на это

внимания, и я направился следом за ней.

Мы гнались за птицей, преодолевая упавшие ветви и игольчатый папоротник, и каждый раз, когда приближались достаточно, чтобы разглядеть её чуть лучше, она взмахивала крыльями, расплёскивая всюду разноцветные лучи, и опускала свой хвост, — единственное что мы могли разглядеть как следует.

Наконец, она опустилась на одну из низких ветвей высохшего дерева (видимо ей были не по душе эластичные ветки живых деревьев, раскачивающиеся на ветру). Теперь ни один лист не скрывал её светящиеся перья. Мы с Рией, запыхавшиеся от бега, держались как можно тише, разглядывая синий гребень на голове птицы и алые пятна на хвосте.

Рия едва сдерживала волнение:

— Посмотри как близко мы к ней подошли, — она сделала ещё шаг, под которым треснула одна из высохших ветвей.

Напасть тут же издал громкий крик. Я сжался от звона в ушах, он взлетел. Моё сердце ушло в пятки, когда я понял, что он собирается на-

пасть на эту прекрасную птицу.

— Нет! — крикнул я.

Рия резко замахала руками:

— Стой! Стой!

Мерлин не обратил на нас никакого внимания. Издав ещё один крик, он бросился на свою жертву словно стрела. Всевышняя птица, застывшая в неведении, вскрикнула от боли, когда Напасть вонзил когти в её шею и клюнул в глаза. Тем не менее, она отбивалась с неожиданной силой. Ветвь переломилась под ними и обе птицы, потеряв множество перьев, упали на землю.

Мы с Рией немедленно ринулись вперёд, а достигнув цели, оба остановились как вкопанные.

Перед нами, среди коричневых листьев, оказался Напасть с измазанными в крови когтями, стоящий на своей неподвижной добыче. Я заметил, что у Птицы Богов оказалась всего одна нога, видимо вторую она потеряла во время нападения. Меня тошнило от вида сломанных крыльев с измятыми перьями, которые больше никогда не взлетят.

Пока мы изумлённо смотрели, всевышняя начала меняться. Её прежняя кожа отвалилась, подобно тому как это бывает у змей, стала хрупкой и полупрозрачной. Крылья птицы испарились, а пернатый хвост превратился в длинное змеевидное тело, покрыто бледно-красными чешуйками. Голова стала длиннее и обзавелась массивными челюстями, меж которых торчали острые зубы, способные с лёгкостью покрошить кости. Только глаза, наполненные кровью, остались неизменными. Змееподобное существо лежало мёртвое, тонкая кожа его прежнего тела осталась прилипшей к спине.

Я взял Рию за руку:

— Что происходит?

Её бледное лицо медленно повернулось ко мне:

— Похоже, твой ястреб только что спас наши жизни.

— Что это... за существо?

— Это Рейф, он способен принимать любые формы, поэтому крайне опасен.

— Его челюсти выглядят внушительно.

Рия с мрачным видом ткнула палкой в сброшенную зверем кожу:

— Как я сказала, он может принимать любую форму, но всегда есть недостаток, какая-то мелочь, что его выдаёт.

— У него была только одна нога.

Рия указала на деревья, шепчущиеся своими ветвями:

— Они пытались предупредить меня, но я не слушала. Рейф в лесе Друм! Такого раньше никогда не было! Эмрис... мой сон становится явью прямо у нас на глазах.

Я опустился и пригладил перья мерлина, который посмотрел в одну сторону, затем в другую и прыгнул на моё запястье. Быстрыми шагами он взобрался по руке и снова оказался на моём плече. На этот раз его вес не приносил мне таких неудобств.

Мы с Рией столкнулись взглядами.

— Все ошибались насчёт этого маленького война. Даже Арбасса ошибалась.

Она мотнула головой:

— Арбасса не ошибалась.

— Но, —

— Когда Арбасса закрыла дверь, она не пускала тебя, а не птицу.

Я сделал шаг назад.

— Она посчитала, что я могу причинить тебе вред?

— Так и есть.

— И ты поверила ей?

— Да. Но решила всё равно впустить тебя.

— Почему? Ты ведь тогда ещё не видела тот сон.

Она с любопытством посмотрела на меня.

— Однажды, возможно, я тебе скажу.

18: Имя короля

Моё второе зрение переместилось с хрупкой, как сухие листья, кожи Рейфа на полные жизни шепчущиеся листья деревьев леса Друм.

— Расскажи мне, что происходит в Финкейре. Рия нахмурилась, что ей совершенно не шло.

— Я знаю совсем немного, то, что мне рассказывают деревья.

— Расскажи хоть это.

Она провела указательным пальцем вокруг моего лица.

— Твоя мина напоминает мне корзину кислых ягод. Таких кислых, что их невозможно есть. — Она глубоко вздохнула. — Несколько лет назад странные вещи — злые вещи — начали происходить. Восточные земли, некогда почти такие же зелёные и полные жизни, как этот лес, пришли в упадок. Потемнела земля, а за ней и небо. Но до сегодняшнего дня Друм всегда был безопасным местом. Его сила была столь велика, что ни один враг не осмеливался войти. До сих пор.

— Сколько здесь Рейфов? — Напасть взмахнул крыльями, но быстро успокоился.

— Я не знаю, — она нахмурилась ещё сильнее, — Но они не худшие наши враги. Худшие — войны-гоблины. Раньше они обитали под землёй, в своих пещерах, но теперь они свободно ходят всюду и убивают просто ради забавы. Есть бессмертные войны, охраняющие Замок Теней. И Стангмар, король, который руководит ими всеми.

При упоминании этого имени живые ветви, деревьев, которые окружали высохшую поляну, начали трястись и щёлкать. Когда они наконец успокоились, я спросил:

— Что это за король?

Рия закусила губу:

— Стангмар ужасен, слишком ужасен, чтобы говорить о нём. Трудно поверить, но от деревьев я слышала, что, когда он впервые пришёл к власти, он не был таким злым. В те дни он иногда проезжал через Друм на своём великолепном чёрном жеребце, и даже оставался, чтобы послушать голоса леса. Но затем с ним произошло то, — никто ни знает

что именно — что изменило его. Он разрушил свой собственный замок, место где всегда играла музыка и царила дружба, и воздвиг на его месте Замок Теней, место где властвуют жестокость и ужас.

Она позволила себе драматическую паузу.

— Он располагается далеко на востоке, во тьме Мрачных Холмов, где ночь никогда не кончается. Я не слышала, чтобы хоть один из смертных, даже слуг самого короля, зашёл туда и вернулся живым. Ни один! Но правду точно не узнаешь. Ещё... говорят, что замок постоянно вращается во тьме, так что никто не сможет даже напасть на него.

Я с трудом вспомнил сон, который видел на плоту. Даже сейчас замок из него казался мне очень правдоподобным.

— И теперь Стангмар отравляет жизнь Финкейры. Все земли к востоку от леса Друм, и некоторые южнее — очищены, — как сказали бы его приспешники. А на самом деле это значит, что страх — холодный и безжизненный, — покрыл всё. Он напоминает снег, если бы последний не был красивым. Деревни со-

жжены, деревья и реки безмолвны. Животные и птицы мертвы. И гиганты ушли.

— Гиганты?

Её глаза загорелись злобой:

— Первые и самые старые из людей. Гиганты со всех земель называют Финкейру своим первым домом. Ещё прежде, чем реки спустились с гор, следы гигантов покрывали Финкейру. Задолго до первых ростков Арбассы их гортанное пение разносилось по всем холмам и лесам. Даже сейчас их Лледра, — первая песня, которую слышат многие младенцы.

Лледра. Я слышал раньше это название? Почему-то оно кажется знакомым. Но как такое возможно? Хотя, неваерное, когда-то мне её напела Бранвен.

— Наши гиганты вырастали выше деревьев. Иногда выше холмов. Уже многие годы они не сражались. За исключением времён Ужасной Войны, когда гоблины пытались захватить их древнюю столицу — Варигал. Обычно, если кто-то не злит великанов, они нежны как бабочки. — Она прижала свою стопу к земле, чтобы оставить след.

— Но несколько лет назад, Стангмар издал приказ, — по причине, известной только ему, — убить всех гигантов, которых возможно найти. С тех пор гоблины безжалостно охотятся на них. Хотя для того, чтобы убить одного гиганта требуется более двадцати обычных солдат, их охота часто завершается удачей. От города Варигал, как я слышала, сейчас остались одни руины. Возможно нескольким гигантам удалось спастись, замаскировавшись под горы или скалы, но им вечно приходится оставаться в тени, в страхе за свою жизнь. За время долгих путешествий по лесу Друм, я не встречала ни одного.

Я взглянул на труп Рейфа:

— И что, нет никакого способа остановить этого короля?

— Если и есть, то его пока никто не нашёл! Его сила безгранична. Помимо армии, он собрал почти все сокровища Финкейры.

— Что за сокровища?

— Магические. Очень сильные. Сокровища использовались на благо всего острова и его существ, не кого-то одного. Но всё измени-

лось. Теперь они его — Сфера огня, Зов Снов, Семь Орудий Мудрецов. Глубинорез, меч, поделённый на две части, одна может изрезать самую душу, вторая — залечить любую рану. Одна из красивейших — цветочная арфа, музыка которой приносит весну в любую равнину или холм. И самый ненавистный — Котёл Смерти.

Она перешла на шёпот.

— Только одно из легендарнейших сокровищ (артефактов) ещё не попадало в его руки. Говорят, что его сила превзойдёт силу всех остальных, собранных вместе. И имя ему — Галатор.

Я почувствовал, как под моей туникой бешено забилося сердце. Её пальцы крепче сжали мою ладонь.

— Я слышала, как деревья говорили, что поиски Стангмара провалились, Галатор пропал с Финкейры много лет назад. Но также я слышала, что он всё ещё ищет нечто, что сделает его силу абсолютной, нечто, названное Сокровищем. Это может значить только одно. — Он ведёт охоту за Галатаром.

Рия медленно кивнула.

— Любой, кто знает, где скрыт Галатор в ужасной опасности.

Я не мог не услышать страх в её голосе. Страх за меня.

— Ты знаешь, что он у меня.

— Да, — ответила она спокойно, — знаю.

— И ты думаешь, что он поможет спасти Друм?

Она поджала нижнюю губу.

— Может быть да, а может быть нет. Только сам Галатор может сказать. Но я всё ещё считаю что *ты* можешь помочь.

Я шагнул назад и наткнулся шеей на палку. Напасть взвизгнул с упрёком.

Но боль в шее и ухе не особо меня расстроили, ведь я услышал в её голосе что-то, что ранее не позволял себе услышать. Она действительно ценит меня! Я чувствовал, что она ошибается, но её вера сама по себе была для меня сокровищем, таким же драгоценным, как то, что висело на моей шее.

Эти мысли ударили мою голову. Такой же ценной, как то, что на моей шее. Вдруг я по-

нял, что нашёл свой ключ, который так долго искал!

До сих пор я думал, что в Финкейре просто знают о Галаторе, я не думал, что он является частью острова. Теперь всё сложилось. Кулон оказался одним из мощнейших древних сокровищ. И возможно, он пропал как раз в то время, когда нас с Бранвен выбросило на берег Гвинеда. Если я узнаю, как Галатор попал в руки Бранвен, или просто узнаю о нём больше, я, возможно, найду нити своего прошлого.

— Что ещё ты знаешь о Галаторе?

Рия отпустила мою руку.

— Ничего. И теперь я должна идти. С тобой или без тебя.

— Куда?

Она начала говорить, затем замерла, прислушиваясь. Напасть, твёрдо укоренившийся на моём плече, тоже замер.

Распущенные коричневые волосы Рии покачивались на ветру, подобно ветвям деревьев. Черты её лица огрубели от напряжения, и я подумал, услышу ли ещё когда-нибудь её

звонкий смех посреди этих деревьев.

Кричащий, скрипящий, стонущий, барабанный звук стабильно нарастал.

Когда ветер спал, она наклонилась ко мне.

— Гоблинов видели в лесу! У нас не осталось времени, — она схватила край моей туники.

— Ты пойдёшь? Ты сможешь спасти Друм?

Я колебался.

— Рия... Прости меня. Галатор. Мне нужно узнать о нём больше! Разве ты не понимаешь?!

Её глаза сузились. Без единого слова она повернулась, чтобы уйти.

Я нагнал её и поймал лозу её рукава.

— Желаю тебе удачи.

— И я, — сказала она холодно.

Вдруг позади в лесу послышался хруст. Мы обернулись и увидели молодого оленя с едва пробившимися через его бронзовую шерсть рогами. Он перепрыгнул упавший высохший ствол, словно убегая от чего-то. На долю секунды я поймал взгляд его глубоких коричневых глаз, взгляд полный страха.

Я напрягся, вспоминая когда прежде видел

оленья. Но в тот раз страх был в моих глазах. И тогда олень делал всё, чтобы помочь мне.

Рия освободилась от моей руки и продолжила идти.

— Стой, я пойду с тобой.

Всё её лицо просветлело.

— Правда?

— Да... но только пока наши пути не разойдутся.

Она кивнула.

— Получается, не на долго.

— И куда мы направимся?

— На поиски единственного во всём лесе Друм, кто может знать, что делать. Её зовут Великая Эльза.

Мне это имя почему-то сразу не понравилось.

19: Мёд

Рия побежала со скоростью четвероногого, хоть мои ноги всё ещё немели, я изо всех сил старался угнаться за ней, прорываясь через густые заросли и поваленные стволы.

Благодаря солнцу, которое висело высоко над нами, окатывая волнами света лесной покров, я мог обходить препятствия гораздо легче, чем прошлой ночью. Не смотря на это, я спотыкался так часто, что Напасть не выдержал и взлетел с моего плеча. Он держался недалеко, перелетая с ветки на ветку. Моё плечо наконец смогло отдохнуть.

Животные всех видов пребывали в движении. Маленькие серенькие птички с ярко-зелёными крыльями и жёлтыми шеями, путешествующие и по одному и стаями, пролетали над нашими головами. Большеглазые белки, бобры, золотая змея и даже лань с детёнышем прошли мимо нас. Вдалеке завывали волки. В это же мгновение огромная тень, чёрная как ночь, забродила между деревьями. Я застыл от страха, пока две маленькие фигу-

ры не возникли неподалёку — я сразу понял, что это семья медведей. Все эти животные были охвачены страхом, как олень, которого я видел. И все они, как мне казалось, бежали от туда, куда направлялись мы.

Поздним утром мы добрались до затенённой поляны, пот стекал ручьями с моего лба. Очень старые, судя по виду, кедровые деревья стояли по идеальному кругу. Их кора настолько расслоилась, что с первого взгляда их можно было принять за старцев, бороды и волосы которых стекали по сутулым телам. Даже звук шёпота их веток звучал совершенно иначе, чем у других деревьев. Похоже на грустные голоса отпевания в церкви. Затем я заметил в центре их круга узкий земляной курган, который был не шире моих плеч, но в длину достигал двух моих ростов. По его краям были разложены камни, блестящие, как лёд на солнце. Я осторожно приблизился.

Напасть снова переместился на моё плечо. Но вместо того, чтобы сидеть спокойно как обычно, он настороженно переступал с лапы на лапу.

У меня перехватило дыхание. *Я видел это место раньше.* Это мысль пришла ко мне внезапно, словно запах цветка, который появляется и исчезает прежде, чем вы найдёте его источник, какое-то воспоминание коснулось меня на секунду, а затем пропало. Возможно это был просто сон или воспоминание о сне, но меня не покидало ощущение, что я видел раньше этот курган в кругу камней.

— Давай, Эмрис!

Крик Рири вернул меня обратно к реальности. Бросив последний взгляд на курган и скорбные кедры, я покинул поляну. Вскоре я уже не слышал этого скорбного гудящего напева. Но он продолжал бороздить самые тёмные уголки моего разума.

Земля становилась болотистой. Лягушки кричали так громко, что я не слышал своего дыхания. Цапли, журавли и другие водные птицы кричали отовсюду, их голоса сливались в довольно жуткую симфонию. В воздухе пахло гнилью. Наконец я увидел Рию, которая стояла среди высокой травы на тёмной стороне земли. На болоте.

Она поманила меня.

— Пойдём.

Я отнёсся к предложению скептически.

— Нам обязательно идти через него?

— Это кратчайший путь.

— Ты уверена?

— Нет, но у нас нет времени, разве ты не видишь, как ведут себя животные? Если мы пойдём здесь, это сохранит нам час времени или больше. Прямо на той стороне болота — холмы Великой Эльзы.

Она уже собиралась начать свой путь, но я поймал её руку.

— Но *кто* такая эта Великая Эльза?

Она замотала головой.

— Я не знаю точно! Её истинная сущность — тайна, даже для самой Арбассы. Всё, что я знаю, так это легенды, в которых говорится, что она живёт среди живых камней Туманных Гор и знает вещи, которые не знает больше никто, даже некоторые вещи, которые ещё не происходили. Ещё она древняя. Очень древняя. Я слышала, что она присутствовала, когда Дагда вырезал первого вели-

кана из скалы.

— Ты сказала «живые камни»?

— Так их называют. Я не уверена по какой причине.

Я взгляделся во тьму. Где-то закричал журавль.

— Ты уверена, что она нам поможет?

— Нет, но может. Если не съест нас прежде.

Я отстранился от неё.

— Съест нас?

— В легендах она всегда голодная. И жестока, как загнанный в угол гигант.

Напасть повернул голову к Рие и издал протяжный крик. Она подняла брови.

— Что не так?

— Напасть обещает защищать нас. Но сейчас впервые я слышала нотку беспокойства в его голосе.

Я фыркнул.

— Мне жаль Великую Элузу, если она попробует съесть его. Эта птица не знает страха.

— Вот почему мне не нравится, что он волнуется.

С этими словами Рия снова повернулась к болоту. Она наступила на кусок запёкшейся

грязи, а потом перепрыгнула на камень. Я последовал за ней, быстро поняв, что мы оставляем довольно глубокие следы, но отогнал беспокойство по этому поводу, ведь мы были слишком глубоко в лесу, так что это не имело значения.

Мы перепрыгивали с камня на камень и снова на камень, медленно передвигаясь по болоту. Коряги тянулись к нам своими длинными высохшими руками. Странные голоса, не похожие на птиц или лягушек, разносились над стоячей водой вместе с редкими криками Напасти. Переодически что-то ударялось о поверхность воды или даже шевелилось в её темных глубинах. Я не мог объяснить себе, чем вызвано это явление, да в общем-то и не хотел знать.

Наконец болото сошло на нет, хоть туман и заполнял всю местность. Мы подошли к мокрому полю высоких трав, которое росло на твёрдой почве. Перед нами стоял крутой, усыпанный камнями холм, туманные руки которого как бы тянулись к нам.

Рия остановилась.

— Туманные Холмы. Если бы только я могла найти горстку сладких ягод! Нам бы не помешал дополнительный заряд силы перед восхождением, — она осторожно взглянула на меня. — И всем, что ждёт нас дальше.

Когда мы начали подниматься, Напасть взлетел с моего плеча и стал спокойно кружить над нашими головами. Я догадывался, что он обследует лес на признаки опасности, но он также наслаждался свободным полётом на высоте.

Валуны размером с дом Ри и меньше возникали то там, то тут среди деревьев. Последние же росли всё дальше и дальше друг от друга, их ветвистые корни цеплялись за уступы холма. Но не смотря на большее расстояние между стволами, лес не казался более светлым, возможно из-за теней огромных валунов или из-за окутывающего их тумана или по другой, более мистической причине. В любом случае, лес казался довольно тёмным.

Пока мы трудились, чтобы подняться, сомнения, подобно туману, всё гуще окутывали меня. Кем бы не была эта Великая Эльза, она

выбрала такое место не из-за того что любила посетителей. И что если гоблины найдут нас первыми? Я сжал через тунуку Галатор, но не стал от этого чувствовать себя лучше.

Внезапно передо мной появился огромный серый валун. Я замер. Возможно, это была лишь игра тумана, смутившая моё второе зрение, но он выглядел как лицо. Угрюмое и загадочное лицо, которое уставилось прямо на меня. Затем я услышал или подумал, что услышал, скрипящий звук, словно, кто-то откашливался. И валун будто слегка сменил угол своего наклона.

Я не хотел знать, что будет дальше, и сломя голову побежал вверх по холму, спотыкаясь о корни, камни и свои собственные ноги.

Наконец, я достиг вершины и поверх своего прерывистого дыхания услышал недовольное жужжание. Пчёлы. Тысячи пчёл роились вокруг разломившегося мёртвого дерева. В тумане трудно было разглядеть точно, но казалось, что дерево разломил пополам шторм и это произошло недавно. И уж точно, пчёлы не особо этому обрадовались.

Рия, стоя руки в боки, не без интереса наблюдала за этим бешеным жужжанием.

Прочитав её мысли, я закачал головой в знак протеста:

— Ты же не собираешься, — я всё ещё не восстановил дыхание, — забрать их мёд, верно?

Она хитро улыбнулась.

— Мёду никогда не бывает достаточно! На сбор уйдёт всего минута. Это нас даже не задержит.

— У нас не получится! Посмотри на этих пчёл.

В этот момент Напасть опустился вниз, завершил финальный круг и приземлился мне на плечо. Ему очень нравилось летать. Во время приземления он издал радостный крик. Я удивился, каким теперь привычным, почти естественным, кажется мне его вес на плече. Совсем по-другому, чем вчера! Он сложил свои крылья, наклонив голову в мою сторону.

Ради забавы я подмигнул ему.

Напасть подмигнул в ответ.

Рия всё ещё изучала поваленный ствол.

— Будет достаточно, если мне удастся найти

что-нибудь, что сможет отвлечь их хотя бы на несколько секунд.

С внезапным криком, Напасть снова взмыл в воздух и направился прямо на рой. Он влетел в его центр и несколько раз взмахнул крыльями, а затем помчался в туман. Пчёлы последовали за ним.

— Удивительно. Эта птица любит сражения также, как ты любишь...

Я не успел закончить, а Рия уже приблизилась к упавшему стволу в поисках пчелиных сот. Я прислушался, пытаюсь обнаружить жужжание, но его не было. Тогда я присоединился, попытавшись залезть на одну из веток, но ствол треснул и зашатался у самого основания.

— Осторожно, Рия! — крикнул я. — Ствол может разрушиться в любое мгновение.

Но она не слышала, склонившись на середине упавшей части неровного ствола.

Встав на ветку, я наклонился рядом с ней. Золотая лужа мёда, окружённая стенами сот, шириной с мои плечи расположилась под нами. В густом сиропе плавали обломки вет-

вей, коры и сот. Я окунул руку, зачерпнул горсть, а затем выпил сладкую липкую жидкость. Никогда в своей жизни я не пробовал такого прекрасного мёду. Рия, видимо, тоже, потому что она черпала обеими руками одновременно, измазав всё лицо и шею.

— Нам надо идти, — наконец сказала она, — сделай последний глоток.

Увидев плавающий рядом со мной кусок соты я схватился за него. Но когда я потянул, он оказался прикреплённым к чему-то. Тогда, сжав со всей силы, я потянул ещё больше.

В это мгновение, это что-то поднялось из лужи мёда с оглушительным воем. Я тут же понял, что держался не за обломок сот, а за чей-то большой выпуклый нос. Рия вскрикнула, а я едва увернулся от головы, которая поднялась из мёда. Тут же основание ствола треснуло и покатилося, увлекая с собой нас всех.

20: Шим

Мы с Рией катились вниз по склону сразу за бревном, в котором был мёд и то, что из него выбралось. Наконец бревно налетело на огромный валун и расколосось на куски.

Когда я смог остановиться, мир вокруг какое-то время продолжал кружиться. Ещё не до конца придя в себя, я сел.

— Рия.

— Я здесь, — она поднялась из травы рядом со мной, каштановые перлы её волос были измазаны в меду и перепутаны с ветками.

Мы одновременно повернулись в сторону стонущего звука, который исходил из обломков дерева. Рия потянулась ко мне, вложив свою ладонь в мою. Мы встали и осторожно подошли ближе.

Всё что осталось от ствола — куча веток, палок и листьев, покрытых мёдом. Затем эта куча зашевелилась, энергично встряхнулась и села.

— Это человек, — я слышал в своих словах страх. — Маленький худощавый человек.

— Дворф, — уточнила Рия. — Я не знала, что в Финкейре ещё остались дворфы.

Два глаза возникли из под маски мёда.

— Вы не правы. Совершенно точно и определённо неправы. Я не дворф.

Рия недоверчиво посмотрела на него.

— Нет? Тогда кто же?

Маленький человек выдул мёд из своего луковидного носа, затем слизал мёд с пальцев, ладоней и запястий. Очистив руки, он нервно посмотрел из стороны в сторону:

— Ты же не подруга короля, верно?

Рия нахмурилась:

— Конечно нет.

— А твой черноволосый друг, который имеет привычку хватать людей за носы?

— И он тоже.

— Абсолютно точно и определённо нет?

Рия не смогла удержать улыбку.

— Абсолютно точно и определённо нет.

— Тогда всё в порядке, — маленький человек оттолкнулся изо всех сил, чтобы подняться с земли, подошёл к Рие и с гордостью опрокинул голову назад, не смотря на то, что был

нам по колено.

— Это не дворф, а гигант.

— Что? — воскликнул я и залился смехом.

Маленький человек посмотрел на меня:

— Я — гигант, — в этот момент вся его гордость растаяла. Его лицо и плечи опустились.

— Просто я очень-очень-очень маленький гигант. Я хочу, правда очень хочу быть по-настоящему большим, каким и должен быть гигант.

— Не верю, — я наклонился, чтобы получше его разглядеть. — По мне, ты не похож на гиганта, даже на маленького.

— Но это так!

— Тогда я — гриб.

— И что тут делает гриб и зачем он хватает всех подряд за носы?

Рия хохотала так, что вздрагивал каждый листик на её одеянии из растений.

— Оставь его в покое, Эмрис. Если он говорит, что является гигантом, что ж, я готова поверить.

Воспрянув духом от похвалы, маленький парень погладил себя по выпуклому животу:

— Я просто принимал пищу, никого не беспокоя, пока меня не прервали.

— Меня зовут Рия. А как твоё имя?

Нервно оглядываясь, он пробормотал:

— В эти времена осторожность не помешает,

— затем он сделал крохотный шаг вперёд. —

Меня зовут Шим.

Я с подозрением посмотрел на него.

— И каждый раз, когда ты пьёшь мёд, ты в нём купаешься, Шим?

— Совершенно точно и определённо да! Если вы не хотите, чтобы вас кусали пчёлы — это лучший вариант.

Рия удивлённо улыбнулась.

— В твоих словах есть смысл. Но уйти от них, будучи измазанным в меду, будет не легко.

Маленький гигант заворчал:

— Ты, ты должно быть издеваешься надо мной.

— Нет конечно, — ответил я, — ты ведь совсем не смешной. — Я изо всех сил пытался сдержать смех, но он тут же вырвался из меня. Я взорвался, схватившись за бок.

Маленький парень бросился ко мне и уда-

рил в ногу со всей силы. Моё веселье исчезло. С рыком я погнался за ним.

— Нет, остановись! Пожалуйста, остановись!

— Кричал Шим, скрываясь за ногами Рии. — Я не хотел сделать тебе больно. Правда, честно при честно.

— Но ты сделал! — я пытался схватить этот липкий бегающий комок. — Когда я тебя поймаю, ты не отделаешься одним щипком за нос.

— Прекрати, — скомандовала Рия и схватила меня за плечо. — У нас нет на это времени. Мы и так пробездельничали уже слишком долго.

Я неохотно попятился.

— Наверное ты права. В любом случае, эти пчёлы вот-вот вернуться, готовые воспользоваться своими жалами. — Я бросил взгляд на Шима, — На твоём месте я бы хорошенько помылся, пока они на тебя не набросились.

Его глаза наполнились страхом.

— На меня?

— Абсолютно точно и определённо на тебя.

Маленький гигант ахнул:

— Я ненавижу, когда меня кусают! — И он рванулся в клубящийся за валуном туман. Оттуда сразу же раздался крик. Мы с Рией побежали, чтобы выяснить, что произошло.

Несколько секунд спустя мы тоже вскрикнули и покатались прямо под землю, в глубокую тёмную яму.

— Ох, моя голова, — пожаловался я.

Что-то зашевелилось подо мной.

— Слезь с меня, дурак.

Липкая рука или нога, облепленная грязью и листьями заехала мне прямо по лицу.

— Ай! Ну берегись, ты, тупой комок мёда!

— Прекратите! — крикнула Рия. — Нам нужно понять как выбраться отсюда.

— Откуда отсюда? — уточнил я. — Должно быть мы упали в яму. В глубокую яму. Такую глубокую, что я даже не вижу здесь света. И посмотри на землю. Она здесь мягкая, совсем не похожая на скалу.

— Я могуууу оооотвееетить на вааааш вопрооос, — раздался громopodobный голос из глубин темноты. — Выы нашлииии моёёёё лооооговооооо.

— Чьё логово? — спросили мы хором.

Проследовала долгая пауза.

— Лооооговоооо Велииикой Ээээльзыыыы.

На этот раз мой голос был слабее:

— Я не знаю.

— А я Рия из леса Друм.

После недолгой паузы, Эльза заговорила:

Ктоооо ещёёёё здееееесь?

Ответа не последовало.

Ктооооо ещёёёё здееееесь? — Голос был таким громким, что куски земли отвалились от стен и посыпались на наши головы.

Но ответа так и не последовало. Только прерывистый звук дыхания, которое, как я предположил, было учащено испугом маленького гиганта.

— Его зовут Шим, — ответила Рия, — тоже из леса Друм. — Она сделала глубокий вдох. — Пожалуйста, не ешь нас. Нам нужна твоя мощь.

— Дляяяя чееееегооооо?

— Для спасения леса Друм! Моего дома!

— И вашего тоже, — добавил я.

Тут же яму озарил свет. Мы переглянулись. Мы находились внутри огромной пещеры, высеченной в скале. Её стены были хорошо освещены, но мы не видели источник света,

ровно как и саму Великую Эльзу. Пещера казалась пустой.

— Где она? — я оглянул стены светящейся пещеры.

Рия нахмурила брови.

— Без понятия.

— И этот свет... — я положил руку на стену. — Смотри! Он исходит от самих стен.

— Кристаллы, — прошептала изумлённая Рия.— Пещера светящихся кристаллов.

И действительно, стены, пол и потолок пещеры испускали чистые, танцующие всюду, лучи света. Кристаллы искрились и играли светом повсюду, как будто солнечный свет, отражающийся от поверхности быстротекущей речки, залил всю Землю. И я уверен, что моё лицо сияло подобно всему вокруг, потому что, даже когда мои глаза были целы, и цвета были глубже и ярче, я никогда не видел ничего красивее, чем кристаллическая пещера.

Затем я почувствовал внезапное тепло у груди. Посмотрев вниз, я подпрыгнул. Галатор светился подобно стенам! Пульсирующий зелёный свет исходил из самого его сердца. Я

поднял взгляд и увидел Рию, которая с улыбкой наблюдала за мной.

— Вам нравится моя пещера? — новый голос, легкий и воздушный добрался до нас из одной из стен.

Шим продолжал дрожать от страха, а мы с Рией наклонились ближе к источнику звука. Там, под массивными перлами кристаллов, висела нежная сеть. Подобно лучам исходящим из звезды, из центра сети исходило множество паутинок. На ней сидел один-единственный паучок размером с горошину. Его маленькое тельце и голова были покрыты крохотными волосками, которые светились белым подобно кристаллам.

— Очень нравится, — ответил я.

— Она напоминает мне все звёзды, которые я когда-либо видела, собранные в одном месте, — сказала Рия.

Я посмотрел на паука с круглым горбом на спине, который покачивался, когда он поднимался на более высокую нить.

— Ты что —

— Я, — прервал меня паук, — Великая Эльза.

— Но твой голос был... *объёмнее* раньше.

Игнорируя меня, белый паук создал паутинку паутинок, опустился вместе с ней ниже, закрепил на другой паутинке и вернулся обратно в центр.

— Как вы могли звучать так громко? — Снова спросил я.

— Ох, ну я могу становиться большой, когда мне угодно, — паук качнулся в сторону Шима.

— Достаточно большой, чтобы съесть тот дрожащий комок за один укус.

Маленький гигант, лицо которого всё ещё пряталось в руках, издал стон.

— Если я не в настроении есть своих гостей, — продолжила она своим лёгким воздушным голосом, — я ненадолго делаю себя меньше. Пусть мой аппетит не уменьшается, но хотя бы уменьшается желудок. В любом случае воображение часто оказывается обманчивым. Ты точно должен знать, Эмрис, ведь это первое правило магии.

— Я ничего не знаю о магии! Кроме того, что она опасна, очень опасна! Это всё, что я когда-либо знал.

— Очень плохо. В будущем ты должен найти её полезной.

— Нет. В моём будущем нет магии. По крайней мере той, что я творю сам.

Паук, кажется, изучал меня некоторое время.

— Как скажешь.

Наблюдая за жуком вдвое больше себя, который летал под её паутиной, она бросилась вперёд, укусила его за шею и подождала, пока он закончит сопротивляться. Она мгновенно закрепила его паутиной. Затем оторвала ногу и начала жевать.

— Однако я всё-таки люблю поесть. В воображении всё-таки находится место и правде.

— Так вы поможете нам? — взмолилась Рия.

— Лес Друм... он в беде.

Великая Эльза оторвала ещё одну ногу жука.

— Конечно он в беде! Ровно как и всё остальное в Финкейре. Она распадается на части, подобно этому бедному жуку. Ты что, только что поняла это?

Рия поникла головой.

— Я... не хотела в это верить.

— Пока удары не постучались в твою дверь!
Ты прождала слишком долго.

— Я знаю! Но может ещё осталось время. Так вы поможете?

Паук оторвал очередной кусок и принялся за него с жадным чавканьем.

— И что вы хотите, чтобы я сделала?

— Вы можете объяснить, почему это происходит.

— Почему? — ещё чавканье. — Уйдёт слишком много времени, чтобы рассказать вам всё. У меня закончится еда и придётся съесть вас.

— Просто скажи, может ли что-нибудь остановить это — она мельком взглянула на меня, — или кто-нибудь.

Паук поднял одну из своих ног и причесал полосы на спине.

— Я скажу вам следующее. Финкейра — включая лес Друм, — обречена, если не свергнуть бессмертного короля, которого вы называете Стангмаром.

— Свергнуть! Разве это возможно?

— Всё зависит от того, — отвечал паук, — что Стангмар называет *последним сокровищем*. Однажды оно принадлежало ему, но затем было надолго потеряно.

Я посмотрел вниз, где под моей туникой светился Галатор.

— Ты можешь сказать нам в чём его сила?

Паук немного подумал, прежде чем ответить.

— Последнее сокровище скрывает огромные силы, большие, чем вы знаете, — она оторвала очередную ногу и откусила посередине. — Стангмар убеждён, что когда найдёт его, его силы станут абсолютными.

Рия вздохнула:

— Он прав.

— Нет! Он ошибается. Не его силы станут абсолютными, а его рабство.

— Рабство?

— Подчинение одному из ужаснейших духов из всех, известного как Рита Гор.

Я окоченел.

— Для Рита Гора ваш король не больше, чем инструмент в достижении великой цели, — она откусила еще кусок, удовлетворительно

чмокнув. — Чтобы властвовать над всем миром, Землей и Иным миром. Вот его истинная цель.

Она снова чмокнула и снова принялась за еду.

— Его главный противник, Дагда, сражается с ним на очень многих фронтах, всех и не назовёшь. Пока Рита Гор победил только в борьбе за Стангмара, и он использует короля чтобы контролировать большую часть Финкейры. Немного вещей стоит у него на пути, и самая важная из них это...

Снова укус, снова хруст.

— Последнее сокровище. Если оно попадёт в его руки, он захватит всю Финкейру. Тогда Рита Гор получит контроль над мостом между землёй и Другим Миром. И Тогда он сможет добраться и до Земли. Жесткая, но вкусная эта нога. И если это произойдёт, — всё потеряно.

Я нахмурился от потока мыслей.

— Разве король не понимает, что его просто используют?

— Понимает, но он слишком долго находился под влиянием Рита Гора, — она прожевала последнюю часть последней ноги и аккуратно вытерла свой рот, с помощью двух передних ног. — Он потерял возможность выбирать самостоятельно.

— Но если его можно свергнуть, значит, и Рита Гор может быть повержен.

— Возможно.

Рия облокотилась о кристаллическую стену, выглядя удручённо.

— Но как?

Великая Эльза перешла к животу жука.

— Ммм, нежнее некуда.

— Как? — Повторила Рия.

Паук сглотнул.

— Осталась только одна возможность... но на самом деле это вообще невозможно.

— И какая?

— Замок короля должен быть разрушен.

Рия закрыла глаза и медленно их открыла.

— Замок Теней?

— Да. Это творение Рита Гора, через стены замка силы этого злого духа проникают в

Стангмара и его армию. Гальяны (его тёмные стражники) сами являются частью замка, который они охраняют, понимаете, — она сделала ещё один укус. — Ммм очень хорошо. Так о чём я? Ах, да, Гальяны. Вот почему они никогда не выходят за стены. Если вы уничтожите замок, то уничтожите и их.

— Но это невозможно! — воскликнула Рия. — Замок Теней постоянно вращается в крошечной тьме. Его невозможно атаковать, не то что бы разрушить.

— Есть один способ, — продолжая жевать паук повернулся ко мне. — Точно так же, как у слепого есть возможность видеть.

— Откуда вы знаете об этом?

Не ты один своим вторым зрением можешь видеть то, чего люди не видят с помощью глаз.

Я повернулся к Рие.

— Письмена на стенах внутри великой Арбассы! Вот почему ты их не видела.

— И если ты выживешь, твоё второе зрение улучшится. Однажды ты, возможно, начнёшь не только видеть, но и понимать.

— То есть я смогу прочитать письма.

— Если доживешь.

— Правда?

— Не стоит недооценивать второе зрение! Однажды ты к нему окончательно привыкнешь. Полюбишь его. Может даже сильнее, чем любил своё прежнее. — Она сделала паузу, достаточную чтобы начать кусать голову жука. — Хотя лично мне больше нравятся глаза.

— Ты сказала, что есть способ, — обратилась Рия к пауку.

С помощью трех своих рук, белое существо схватило остатки жука и начала доедать его.

— Я боюсь, у меня нет времени, чтобы вам рассказать. Скоро кончится пища, и боюсь, из-за моего неутомимого голода, следующими на очереди окажетесь вы.

Шим, не отрывая рук от лица, снова издал жалобный стон.

— Какой способ?

— Вы знаете о Котле Смерти? — спросил паук, освободив одну из своих лап.

Рия мрачно кивнула.

— Только то, что кто попадает в него, умирает навсегда.

— Точно так. Но у него есть один недостаток. Если кто-то попадёт в него по собственному желанию, а не будет затянута силой, тогда будет уничтожен сам котёл.

— Лезть в него по своему желанию? Но кто на это согласится?

— Никто из тех, кто хочет увидеть восход следующего дня, — паук пожевал ещё, причмокивая губами. — Таким же образом и у замка есть свой недостаток. Возможно крошечный, но недостаток.

— И какой?

— Существует древнее пророчество, древнее, как сами гиганты.

В этот момент Шим развёл пальцы рук, достаточно, чтобы подглядеть.

Паук переместился на другую нить, схватив антенну от какого-то давно убитого жука, и съел её за один укус. Вернувшись к почти съеденному новому жуку, она продекламировала:

Там, где во тьме вращается замок —
Маленький станет большим,
Всё, что кончалось, начнётся снова,
Только когда гиганты запляшут в зале,
Все преграды разрушатся и падут.

— Что это значит? — возмутилась Рия. —
Только когда гиганты запляшут в зале...

— Все преграды разрушатся и падут, — я
убрал назад волосы, закрывавшие моё лицо.

— Значит замок удастся разрушить, если ги-
ганты начнут в нём танцевать?

Доев живот жука, паук оторвал одно из кры-
льев.

— Так гласит пророчество.

Лицо Рии помрачнело.

— Так вот почему Стангмар объявил охоту на
гигантов! Он, должно быть, тоже слышал о
пророчестве и сделал всё, чтобы оно никогда
не сбылось.

Паук хрустнул куском крыла.

— Включая уничтожение Варигала, самого
древнего города из всех.

— Ооох, — простонал Шим. — Когда я говорил, что хочу стать большим, имел ввиду не это, совсем не это. Правда, честно при честно.

Великая Эльза посмотрела на дрожащий комок грязи веток и мёда.

— Мне жаль тебя, ведь, хоть твои родители действительно из рассы гигантов, ты так и не понял, что большими считают не только тех, у кого широкая кость.

— Но я счастлив быть и маленьким! Только дурак захочет стать большим и погибнуть. Лучше быть маленьким и живым.

— Пусть так, — Теперь я должна предупредить вас, что у меня осталось только крыло и часть головы жука, — она положила в рот крыло — Умммм, теперь только голова. А я всё ещё голодна. И так устала быть маленькой. Если вскоре вы не покинете мою кристальную пещеру, я буду вынуждена потребовать несколько ваших ног и рук.

Рия схватила меня за руку

— Она права. Надо выбирать.

— Но как?

— Я не уверена, — ответил паук, — но думаю, вы сможете взобраться по кристаллам.

— Ну конечно, — воскликнула Рия. — Пошли скорее.

Она начала лезть вверх по стене, используя наибольшие кристаллы как опору для своих ног и рук. Шим последовал за ней, карабкаясь по отвесной стене с максимальной скоростью, которую позволяли его маленькие ножки и ручки. Он оставлял следы в виде липкого сиропа на кристаллах.

Увидев меня, стоящего прямо под ней, Рия позвала:

— Быстрее или ты последуешь за этим жуком. Я замешкался, желая спросить у Великой Эльзы кое-что ещё.

— Давай же!

Посмотрев вверх, я ответил:

— Не останавливайся, я пойду прямо за вами.

— Тебе лучше именно так и поступить, — паук достал до головы жука, оставив ничего кроме пустой петли на месте его тела. — С другой стороны, пусть ты худой, но выглядишь аппетитно.

— Пожалуйста, скажи мне ещё кое-что, — взмолился я. — Про мой дом. Мой настоящий дом. Ты можешь сказать мне, где он? Галатор — светящийся прямо тут, — мой единственный ключ.

— Ах, Галатор! Подойди ближе и покажи мне его.

— Я не осмелюсь, может вы...

— Боже, да ты оказывается более мясистый, чем я думала.

— Пожалуйста! — крикнул я, — Может ты скажешь, как мне найти мою мать? Отца? Моё настоящее имя?

Проглотив последний кусочек жука, паук ответил:

— Не могу сказать. То есть за... Осмелюсь сказать, ты пахнешь очень любопытно. Подойди ближе, мальчик, подойди ближе. Да! Дааай кааа яяяя присмоооотрююююсь!

С повышением тембра голоса, увеличивался и размер паука. Но я не стал досматривать превращение, а начал карабкаться так быстро как мог.

22: Встреча в тумане

Я выбрался из пещеры в клубящийся туман. В нём едва можно было разглядеть Рию, которая была всего в нескольких шагах от меня. Рядом с ней стоял Шим, так сильно покрытый грязью и листьями, что был больше похож на миниатюрную гору, чем на маленького человека. Посмотрев вниз, я заметил, что Галатор больше не светится.

Рия сидела посреди небольшой роци вязов, где пять молодых деревьев росли вокруг старого. Она с облегчением посмотрела, как я выхожу из пещеры. Затем наклонилась ближе к старому вязу в центре роци. Она начала говорить с ним, тихо шепча медленные и низкие звуки. В ответ дерево медленно покачивалось у самого своего основания, скрипя голосом, который казался ужасно грустным. Спустя время, Рия повернулась ко мне, её глаза будто покрылись пеленой.

— Этот вяз застал более двухсот лет в лесу Друм. Теперь он уверен, что не увидит следующее. Он каждый день плачет о будущем

своих детей. Я говорю это не потому, что не осталось надежды, а потому, что она всего одна. Прожить достаточно, чтобы сделать хоть одну маленькую вещь, чтобы уберечь Друм от воинов-гоблинов. Но он предпочитает умереть от горя.

Шим, стоящий рядом, потёр свой запачканный нос и посмотрел вниз.

Я печально кивнул и посмотрел в клубящийся туман, и тут же почувствовал запах цветущей яблони.

— Вы выглядите сссслишшшком груссстно,
— произнёс знакомый голос.

— Квен! — Рия вскочила на ноги. — Что привело тебя сюда? Ты ведь почти не выходишь из дома.

Проведя ветвеподобной рукой по своему лицу, Квен вышла из тумана.

— Я не должшшна была сссследовать зсса вами, — Она запнулась. В её глазах, полных слёз, отражался страх. — Надеюсссь, есссли это возсссможно, вы просстите меня.

Глаза Рии сузились.

— Ты сделала нечто ужасное.

В этот момент шесть здоровых гоблинов-воинов вышли из тумана. Они быстро окружили нас. Их маленькие глаза сверкали под угловатыми шлемами, их мускулы выпирали из под брони, их трёхпалые руки сжимали массивные мечи, капли пота выступали на их серо-зелёной коже.

Один из них, с красными повязками на плечах, поднёс свой меч к Квен. Сиплым скрипучим голосом он спросил:

— У кого из них?

Квен украдкой взглянула на Рию, которая смотрела на неё в изумлении.

— Они пообещали мне, что я смогу снова стать молодой помощью Галатора, — она подняла свои сморщенные пальцы. — Разве ты не понимаешь? Мои руки больше не будут дряхлыми.

Рия вздрогнула от боли.

— Не могу поверить, что после стольких лет, ты так поступила со мной.

— У кого? — прохрипел гoblin.

Квен указала своим узловатым пальцем на меня.

Гоблин-воин вошёл в рощу вязов и направил меч в мою грудь.

— Отдай мне его. Или сперва я должен причинить тебе адскую боль?

— Помни, что ты сказал, — настояла Квен. — Ты обещал не причинять им вреда.

Гоблин развернулся, чтобы посмотреть на старуху. Ухмылка искривила его и без того неровный рот.

— А, я и забыл. Но разве я говорил что-нибудь насчёт тебя?

Глаза Квен расширились от страха, она попятилась.

— Нет! — крикнула Рия.

Но было уже поздно. Меч гоблина рассёк воздух, отрубив одну из рук Квен.

Она вскрикнула, схватившись за открытую рану из которой текла коричневая кровь.

— Вот, — сиплый смех гоблина наполнил воздух, — теперь тебе больше не стоит беспокоиться о старой руке! — Обратился он к Квен. — Теперь давай проделаем это и со второй.

Крича от ужаса, всё ещё не остановив кровь, Квен убежала в туман.

— Пусть идёт, — прохрипел гоблин. — У нас есть более важная работа. — Он ткнул своим мечом, на котором ещё остались капли коричнево́й крови. — Так на чём мы остановились?

Я сглотнул.

— Если вы убьёте меня, то никогда не узнаете, как он работает.

Злобная гримаса появилась на лице гоблина: — Ты напомнил мне, что мой господин велел сохранить жизнь обладателю сокровища. Но он ничего не говорил о жизнях его друзей.

Я затаил дыхание.

— Думаю, я соглашусь пощадить твоих друзей, если ты расскажешь мне как он работает, — он подмигнул другому гоблину, — Тогда у нас с господином получится отличная сделка. Он повернулся к Шиму, который трясся от страха и ударил его так сильно, что тот перелетел всю рощу.

— Может мне начать веселье с этого маленького грязного дворфа? Нет, думаю, нет, — он

повернулся к Рие, его маленькие глаза заблестели. — Лесная девица! Какое неожиданное удовольствие!

Рия попятилась.

Гоблин кивнул и двое из его банды схватили её за руки, покрытые листьями.

— Отдай его мне, — приказал гоблин.

Перевёл взгляд на Рию, затем снова на него.

Как я мог отказаться от Галатора?

— Сейчас же!

Я не шевелился.

— Хорошо, ладно. Мы будем развлекаться, пока ты раздумываешь, — он ударил Рию ладонью. — Для начала ломаем ей обе руки.

Гоблины начали сворачивать ей руки, и тут же она закричала:

— Не делай этого, Эмрис! Не... — она застонала от боли.

— Нет, — не выдержал я и достал Галатор из под туники. Сокровище слабо мерцало в тумане. — Отпустите её.

Он грубо улыбнулся.

— Сначала отдай его мне.

Гоблины из банды заломили её руки ещё сильнее, почти прижав Рию к земле. Она снова вскрикнула.

Я снял шнурок с шеи. В роще зависла тишина, разве что тихо поскрипывал старый вяз. Я поднял драгоценный кулон, а затем протянул его.

Гоблин выхватил его у меня. Некоторое время, мерзко облизывая губы, он смотрел на желанный предмет. Затем ухмыльнулся и посмотрел на меня. — Я передумал. Сначала я убью твоих друзей и только потом узнаю, как это работает.

— Нет!

Огромные тела гоблинов затряслись от смеха над шуткой лидера, а Рия в очередной раз поморщилась от боли.

— Ладно, — прохрипел гоблин, — может, я буду милостив. Покажи мне как оно работает. Сейчас же!

Я колебался, не зная, что делать. Если бы настал самый подходящий момент, чтобы нарушить мою клятву и призвать свои силы, то это был он. Осмелюсь ли я? Когда я задал себе

этот вопрос, моё сознание наполнилось дымящимися пляшущими огнями. Криками Дитуса. Запахом моей горящей кожи.

«Рискни, трус — закричал голос во мне, — ты должен рискнуть!»

Почти немедленно другой голос ответил:

«Даже не думай! В прошлый раз ты ослепил себя. А в этот можешь остановить своё сердце! Нет!»

— Покажи мне! — потребовал гоблин. Даже через сгустившийся туман, я видел, как напряглись его мускулы. Подняв свой меч, он нацелил его на шею Рии.

Вдруг странный, сильный ветер зашатал ветви старого Вяза, стоящего в центре роци. Скрип древесины нарастал до крика. Когда гоблин посмотрел вверх, дерево уже освободилось от корней и стремительно падало. Ему хватило времени только на то, чтобы закричать в агонии; ствол рухнул прямо на его голову.

Я добежал до Галатора, что упал на землю, и накинул его на шею. Другой рукой схватил меч и направился к остальным членам бан-

ды. Один из Гоблинов, будучи сильнее любого человека, отбросил меня обратно к упавшему дереву.

Он отклонился назад, чтобы добить... но внезапно замер. На лице его застыла гримаса полная ужаса — ужаса, который я видел раньше лишь однажды, у Дитуса, когда пламя поглотило его.

Я обернулся и тоже замер. Меч выпал из моей руки. Из густого тумана выходил, клацая челюстями, огромный белый паук.

— Хочууууу еееесть, — прорычал огромный паук в голосе которого звучала жажда крови. — кааааак жеее яяяя хооооочуууу еееесть.

Прежде чем я успел сообразить, что произошло, Рия схватила меня за запястье и убрала с пути Великой Эльзы. Под крики загнанного в угол гоблина, мы побежали вниз по склону в поисках Шима. Маленький гигант бежал почти так же быстро, как мы, от его ног поднимались облака пыли и листьев.

Два воина-гоблина бросили своих товарищей на произвол судьбы и погнались за нами. Крича и размахивая своими мечами, они ис-

кали нас среди скрытых туманом валунов, и не смотря на нашу скорость, неуклонно нас догоняли. Вскоре они почти догнали Шима.

Вдруг из тумана выглянула река.

— В воду! Прыгаем в воду! — крикнула Рия.

Не имея желания и времени на споры, мы с Шимом подчинились и бросились в быстро-текущую реку. Гоблины последовали за нами, размахивая мечами над водной поверхностью.

Тут же на реке поднялась волна. Огромная бурлящая рука воды поднялась, держа меня Шима и Рию на своей ладони. Брызги, переливающиеся всеми цветами радуги, окружили нас. Водная рука спустилась вниз по течению, оставив наших преследователей далеко позади.

Минуту спустя, рука растворилась в бурлящей реке, выбросив нас на песчаный берег.

23: Великие Потери.

Рия упала на песчаный берег, её мокрая одежда из листьев блестела на солнце. Поверхность воды вернулась к норме и тонкий палец воды скользнул по руке девушки и мгновенно растворился в песке.

Но она будто не обратила внимания. В гневе она ударила изумрудный камыш, растущий на берегу.

Я сел рядом с ней.

— Спасибо, что спасла нас.

— Спасибо реке, а не мне. Бесконечная Река одна из моих старых подруг в лесу. Она купала меня младенцем, омывала в детстве и теперь спасла нас всех.

Я посмотрел в сторону воды, затем на Шима, который плюхнулся на спину чтобы погреться на солнце. Впервые на нём не было мёда и грязи, и я заметил, что его одежда была сделана из какой-то желтоватой коры.

Тогда я вспомнил жёлтые глаза Напасти. Отбился ли храбрый ястреб от роя пчёл? Избежал ли он их гнева, и если да, то сумеет ли

он найти меня снова? Моё плечо казалось пустым без него.

Я повернулся назад к Рие, которая казалась гораздо более мрачной, чем я.

— Ты не выглядишь очень радостной.

— Как я могу радоваться? Сегодня я потеряла двух друзей: одного старого и одного нового,

— её взгляд пробежал по моему лицу. — Квен, которую я знала с того момента, как она нашла меня брошенной много лет назад, и старого Вяза, которого я встретила за несколько минут до того как он упал, чтобы защитить нас от опасности. Они абсолютно разные: один изогнутый и низкий, второй прямой и высокий. Один обманул моё доверие, другой спас жизнь. Но горюю я по обоим.

Я глубоко вдохнул.

— Этот вяз больше никогда не увидит своих детей.

Она приподняла подбородок.

— Арбасса не согласилась бы с тобой. Арбасса сказала бы, что они встретятся снова в в другом мире. Где мы все когда-нибудь окажемся.

— Ты действительно в это веришь?

Она глубоко вздохнула.

— Я... не уверена. Я хочу верить в это. Но где мы в действительности будем после Великого Путешествия, я, конечно, не знаю.

— Что за Великое Путешествие?

— Это путь к Другому Миру после того как погибнет Финкейра. Абрасса говорит, что чем больше человек должен был узнать, когда пала Финкейра, тем дольше будет его Великое Путешествие.

— Если так, то даже если Другой Мир существует, путешествие до него займёт вечность.

— Может и нет, — она посмотрела на течение реки, затем повернулась ко мне. — Абрасса также говорила, что иногда, самые смелые и честные души избавляются от Великого Путешествия. Их жертва так велика, что они попадают в Другой Мир мгновенно.

Я ухмыльнулся.

— И что, в самый момент смерти они просто... исчезают? В эту секунду они лежат здесь, крича и корчась от боли, а в следующую уже радостно танцуют в Другом Мире? Я так не думаю.

Рия немного опустила голову.

— Звучит так, что трудно поверить.

— Это невозможно! Особенно если люди не способны на такую жертву.

— Что ты хочешь сказать этим?

— Они слишком трусливы, — я прикусил губу.

— Рия, Я... мог бы сделать больше, гораздо больше, чтобы помочь тебе.

Она посмотрела на меня с сочувствием.

— Что же ты мог сделать?

— У меня есть некоторые, скажем, способности. Не связанные с Галатором. Я совсем ещё не знаю их. Разве что то, что они сильны, очень сильны.

— Что-то вроде твоего второго зрения?

— Да, но мощнее, страшнее и хуже, — на мгновение я прислушался к плеску Бесконечной Реки. — Я никогда не просил об этих силах! Они просто пришли ко мне. Однажды в ярости я использовал их неправильно, и это стоило мне глаз. А другому парню обошлось ещё дороже. Эти силы не подвластны смертным! Я пообещал никогда их больше не использовать.

— Кому пообещал?

— Богу. Великому Целителю из молитв Бранвен. Я пообещал, что если когда-нибудь смогу видеть снова, то брошу свои силы навсегда. И Бог услышал это! Но всё же... я должен использовать их тогда. Чтобы спасти тебя! Вопреки всем клятвам и обещаниям.

Она взглянула на меня сквозь свои кудри.

— Что-то говорит мне, что ты не хочешь использовать свой дар не только из-за этого обещания.

У меня пересохло во рту.

— Правда в том, что я их боюсь. Боюсь всем своим сердцем. — Я вытащил тростинку из мелководья и грубо скрутил её пальцами. — Бранвен говорила мне, что Бог дал мне эти силы, чтобы я их использовал, но для этого нужно их обуздать. «Чтобы использовать их правильно, — сказала она, — с мудростью и любовью». Но как можно с любовью использовать то, чего ты боишься? Как ты можешь вообще любить что-то, что может уничтожить твои глаза, твою жизнь, саму твою душу? Это невозможно!

Она немного подождала, прежде чем ответить. Затем указала на белоснежную бурлящую воду.

— Бесконечная Река кажется просто линией воды, перемещающейся отсюда туда. Но она есть нечто большее. Гораздо большее. Она — всё что она есть, включая то, что скрывается под её поверхностью.

— Какое это имеет отношение ко мне?

— Прямое. Я думаю, что Бранвен была права. Если кто-то — Бог, Дагда или кто-то ещё — даровал тебе силы, то тебе следует их использовать. Прямо как Бесконечная Река, которая использует свои. Ты — это всё, чем ты являешься.

Я покачал головой.

— И что, я должен пренебречь своим обещанием?

— Не пренебрегай им, но спроси себя, действительно ли Бог хочет, чтобы ты ему следовал.

— Он вернул мне моё зрение.

— Он вернул тебе твой дар.

— Это просто безумие! — закричал я. — Ты и

понятия не имеешь —

Громкое фыркание откуда-то поблизости прервало меня. Я подпрыгнул, думая, что это дикий боров. Затем послышалось новое фыркание и я понял, что это вовсе не зверь. Это был Шим, который просто заснул на песчаном берегу.

Рия взглянула на его маленькое тельце.

— Он храпит достаточно громко, чтобы называться гигантом.

— По крайней мере, ты можешь узнать всё о нём, взглянув лишь один раз. Со мной же всё не так просто.

Она снова повернулась ко мне.

— Тебя слишком беспокоит, кто ты такой. Просто будь собой, и ты в конце концов узнаешь.

— В конце концов! — я был раздражён. — Не пытайся учить меня моей жизни. Следи лучше за своей, пожалуйста.

Она смотрела прямо на меня.

— Это может помочь тебе думать о чьей-то жизни, кроме своей собственной! Я никогда не встречала никого, кто был бы настолько

погружён в себя. Ты — самый эгоистичный человек, которого я когда-либо встречала! Даже если ты... — она остановила себя. — Забудь. Просто уходи и заботься о себе ещё больше в каком-нибудь другом месте.

— Думаю, что именно так и поступлю.

Я бессознательно направился в густой лес, растущий у самой реки, идя слишком раздражённо, чтобы смотреть под ноги, поэтому постоянно задевал кусты и корни деревьев, отбивая и царапая свои ноги. Это раздражило меня ещё больше, поэтому я выругался. Наконец я сел на гнилой ствол, который стал уже скорее просто насыпью почвы. И тут услышал грубый голос:

— Держи его!

Два воина-гоблина, те, от которых мы ускользнули благодаря Бесконечной Реке, выпрыгнули из леса и повалили меня на землю. Один из них направил меч мне в грудь. Другой достал большой мешок из грубо сшитой коричневой ткани.

— На этот раз никаких фокусов, — прохрипел гоблин с мечом. Он подозвал другого крепкой серо-зелёной рукой. — Давай усыпим его.

В это мгновение что-то с пронзительным свистом обрушилось с небес. Гоблин с мечом вскрикнул и упал на спину, его рука истекала кровью от ран, нанесённых когтями.

— Напасть! — Я откатился подальше и вскочил на ноги.

Мерлин, взмахивая когтями и крыльями около лица гоблина, заставил его отступить. Каждый раз, когда гоблин взмахивал мечом, Напасть бросался на его лицо, целясь в маленькие глаза под угловатым шлемом. Не смотря на большое преимущество гоблина в размерах, свирепость маленького ястреба брала на себя многое.

Но Напасть не рассчитывал, что второй гоблин присоединится к битве. Прежде чем я успел предупредить его, второй воин взмахнул своей сильной рукой. Он ударил ястреба, когда тот в очередной раз пошёл в атаку. Напасть врезался в ствол дерева и рухнул на землю. Он лежал совершенно неподвижно,

широко расправив крылья.

Последнее, что я видел — как первый гоблин поднимает свой меч, чтобы разрубить мерлина пополам. Затем что-то ударило меня по голове и день превратился в ночь.

24: Подмена

Придя в себя, я сел. Хоть моя голова всё ещё болела, я мог разглядеть массивные ветви деревьев, раскинувшиеся вокруг. Я вдохнул плотный влажный воздух, прислушался к тихому шёпоту веток, которые звучали удивительно мрачно, и понял, что я, должно быть, всё ещё нахожусь в лесу Друм.

От гоблинов не осталось и следа. Как и от Напасти. Может, это просто плохой сон? Тогда почему моя голова так болит?

— Я погляжу, ты проснулся.

Вздрагнув, я повернулся.

— Шим! Что произошло?

Маленький гигант настороженно посмотрел на меня.

— Ты никогда не был добр ко мне. Ты не делаешь мне больно, если я тебе расскажу?

— Нет, конечно нет. Можешь быть уверен. Просто скажи, что произошло.

Всё ещё неуверенный, Шим потёр свой грушевидный нос.

— Я не причиню тебе вреда. Абсолютно точно и определённо нет.

— Ладно, — сохраняя дистанцию, он заходил туда сюда по замшелой земле. — Девушка, красивая девушка, услышала звуки борьбы. Её расстроило, что гоблины нашли тебя. Она хотела найти тебя, но я говорил, что это безумие. Я пытался! Пытался отговорить её!

Тут он засопел. Его глаза, ещё более красные чем обычно, прищурились и из них покатились слёзы.

— Но она не слушала Шима. Я последовал за ней, но я боялся. Очень, очень, очень боялся. Мы прошли через деревья и нашли место, где вы дрались с гоблинами.

Я схватил его за руку. Она оказалась мускулистее, чем я ожидал.

— Вы видели ястреба? Небольшого ястреба. Маленький гигант отстранился.

— Она нашла окровавленные перья рядом с деревом. Но ястреба не было. Она была расстроена. Ястреб, он ваш друг?

Друг. Это слово удивило меня и расстроило. Да, птица, от которой я так яростно хотел из-

бавиться вчера, сегодня стала моим другом. И теперь оставила меня. Снова я почувствовал боль потери того, что только что нашёл.

— Ты тоже расстроен.

— Да, — ответил я тихо.

— Тогда тебе не понравится остальное. Это не приятно, совсем нет.

— Продолжай.

Шим подошёл к большому корню и угрюмо сел.

— Она пошла по вашему следу. Шим тоже шёл следом, но я всё сильнее и сильнее боялся. Мы нашли место, где лагерь гоблинов. Они ссорились толкались и кричали. Затем... она предложила обмен.

Я ахнул.

— Обмен?

Ещё одна слеза скатилась по его щеке, проскользнув по краю носа.

— Я говорил ей не делать этого! Говорил! Она тихо шикнула на меня и подкралась к мешку, где лежал ты. Она сняла мешок и откатила тебя к этим веткам. Она пыталась, мы оба пытались, разбудить тебя. Но ты не шевелился.

Тогда она сама залезла в мешок! Я пытался остановить её, но она сказала...

— Что? Скажи мне!

— Сказала, что должна сделать это, потому что ты — последняя надежда леса Друм.

Моё сердце замерло.

— Затем гоблины перестали драться. Не заглядывая в мешок, они понесли её с собой.

— Нет! Нет! Она не должна была это делать!

Шим съёжился.

— Я знал, что тебе это не понравится.

— Как только они поймут... о, это слишком ужасно.

— Да, действительно ужасно.

Воспоминания о Рие заполнили мой разум. Как мы пируем под ветвями, полными фруктов у шоморры. Как она показывает мне созвездия в тёмных местах неба. Приветствует Арбассу с дождём из росы на лице. Обвивает своими пальцами мою ладонь. Смотрит на меня и на горящий у моей груди Галатор в кристальной пещере.

— Два моих друга покинули меня в один день,

— я ударил кулаком по покрытому мхом га-

зону. — Со мной всегда так. Что бы я не нашёл, я это теряю.

Маленькие руки Шима опустились.

— И мы ничего не можем с этим поделать.

Я повернулся к нему.

— Нет, мы можем, — я встал, немного пошатываясь. — Я пойду за ней.

Шим отскочил, споткнувшись о корень и еле устоял на ногах.

— Ты безумец!

— Может и так, но я не собираюсь терять своего единственного друга без боя. Я пойду за ними, куда бы они её не вели. Даже если придётся идти в сам Замок Тени.

— Безумец, — повторил Шим. — Ты полный безумец.

— Куда они направились?

— Вниз по реке. Очень быстро.

— Тогда я тоже поспешу. Пока-пока.

— Постой, — Шим схватил меня за колено. — Я тоже тот ещё безумец.

Тронутый намерением маленького гиганта помочь, я всё-таки покачал головой.

— Нет, я не могу взять тебя с собой, Шим. Ты

просто будешь мешаться.

— Я совсем не боец, это правда. Я боюсь почти всего. Но я безумец, как и ты.

Я вздохнул, понимая, что и сам такой себе боец.

— Нет.

— Я прошу тебя, пожалуйста.

— Нет.

— Эта девочка. Она ведь такая добрая! Я просто хочу помочь ей.

Несколько секунд я стоял, опустив голову к Шиму.

— Ладно, — наконец сказал я. — Ты можешь пойти.

Часть Третья

Coming soon.

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРОЛОГ	15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ **29**

1: ЖИВОЙ ГЛАЗ.....	30
2: ЯВЛЕНИЕ СОВЫ	43
3: ВЕРХОМ НА ШТОРМЕ	51
4: КУЧА ТРЯПОК.....	62
5: САКРАЛЬНОЕ ВРЕМЯ	73
6: ПЛАМЯ.....	91
7: СЛЕПОТА	96
8: ДАР	101
9: МОЛОДОЙ ПТЕНЕЦ	114
10: СТАРЫЙ ДУБ	125
11: ПЛАВАНЬЕ	137

ЧАСТЬ ВТОРАЯ **148**

12: ПАВШИЙ ВОИН	149
13: СВЯЗКА ЛИСТЬЕВ	161
14: РИЯ.....	166
15: НАПАСТЬ.....	182
16: ДВЕРЬ АРБАССЫ	203
17: ПТИЦА БОГОВ	215
18: ИМЯ КОРОЛЯ	232
19: МЁД.....	242
20: ШИМ.....	253
21: ВЕЛИКАЯ ЭЛЬЗА.....	260

22: ВСТРЕЧА В ТУМАНЕ.....277
23: ВЕЛИКИЕ ПОТЕРИ.....287
24: ПОДМЕНА297
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ 303